

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

О.Н. Дроконова

**ЧЕРНОБЫЛЬ: Когнитивная история
сотворения беды (1970-1986 гг.)**

Монография

Тюмень
ТюмГНГУ
2015

УДК 621.039.586
ББК 31.47
Д 75

Рецензенты:

доктор исторических наук В.В. Митрофанов,
доктор исторических наук В.Я. Мауль

Дроконова О.Н.
Д 75 Чернобыль: Когнитивная история сотворения беды (1970–1986 гг.) : монография. – Тюмень : ТюмГНГУ, 2015. – 94 с.

ISBN 978-5-9961-1116-9

В монографии впервые с позиций парадигмы когнитивистики предпринимается попытка анализа документов советского периода, описывающих строительство и эксплуатацию Чернобыльской атомной электростанции до аварии 26 апреля 1986 г.

В основе работы – значительный пласт рассекреченных и опубликованных Службой безопасности Украины документов КГБ УССР, архивов Производственного объединения «ЧАЭС» и ЦДАГО. Методологической базой исследования стал предложенный О.М. Медушевской подход «когнитивной истории», предполагающий в качестве своего основного предмета мышление человека различных эпох и сообществ, воплощенное в письменных и вещественных памятниках.

Исследование адресовано историкам, политологам, социологам, культурологам, психологам, философам и представляет безусловный интерес для специалистов технических специальностей – от строителей, до электриков и сотрудников проектных организаций – в целях предотвращения масштабных техногенных катастроф в будущем. Монография может быть использована студентами всех специальностей в рамках курсов «История», «История России», «История науки и техники».

УДК 621.039.586
ББК 31.47

ISBN 978-5-9961-1116-9

© Федеральное государственное
бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Тюменский государственный
нефтегазовый университет», 2015.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Чернобыль: историография вопроса	9
Источники по истории строительства и эксплуатации ЧАЭС	25
Строители ЧАЭС им. В.И. Ленина в зеркале рассекреченных документов	32
Эксплуатационный персонал Чернобыльской АЭС: штрихи к портрету	47
Республиканские и союзные ведомства на пути к чернобыльской катастрофе: партийная номенклатура, бюрократия и контрразведка	63
Заключение	78
Список источников и литературы	83
Перечень используемых сокращений и аббревиатур	89
Приложения	90

ВВЕДЕНИЕ

*...Мы обречены отстать от стаи
в самую суровую из зим...
Вы ж летите!
Только улетаю,
не забудьте не взлетевший клин!
И в какие б радостные дали
вас - счастливых птиц - ни занесло,
Пусть вас от беспечности спасает
наше опаленное крыло!..*

Любовь Сирота. «Припяти»

80-е годы XX столетия были по-своему уникальным временем. Мир достиг апогея гонки вооружений. В одной из двух ядерных сверхдержав – США – к власти пришли республиканцы, настроенные непримиримо бороться с «Советами». В СССР начало десятилетия ознаменовалось нескончаемой вереницей похорон дряхлеющих лидеров, блатом и дефицитом. В советском обществе наметились две прямо противоположные тенденции. С одной стороны, в среде молодёжи и детей высокопоставленных номенклатурных работников всё менее серьезными были ожидания окончательной победы коммунизма над «загнивающим Западом». С другой стороны, постоянное повторение постулатов марксизма-ленинизма, уверенность в скором и фактически «предрешенном» переходе «развитого социализма» в заветный и ожидаемый коммунизм, в определенной степени расслабляли. Последние воинствующие коммунисты, помнившие еще сталинские и даже ленинские времена, стремительно сходили с исторической сцены. В Советском Союзе происходила смена поколений, грозившая разрушить прежнюю непоколебимость системы.

Перемены наметились в марте 1985 г. с приходом к власти в СССР М.С. Горбачева. Дома от нового лидера ждали решения накопившихся с середины 1960-х гг. проблем. На Западе пытались понять скрываются ли «стальные зубы» за «милой улыбкой» молодого советского генсека¹. И если «проверкой на реакцию» либерального, по слухам, Ю.В. Андропова стал инцидент 31 августа 1983 г. со сбитым советскими ПВО «Боингом» «Корейских авиалиний» (явно неслучайно углубившимся в советское воздушное пространство на сотни километров), то на долю инициатора перестройки выпало гораздо более серьезное испытание. В самой близкой для

---

¹ Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of “Time” Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988. – p.8. (Здесь и далее перевод с английского мой – О.Д.)

русских этнически и крайне западной географически республике Советского Союза взорвалась атомная электростанция. Радиоактивное облако накрыло значительную часть европейского континента и уже через двое суток весь мир поднял нешуточную шумиху в связи с происходящим. Совершенно *неслучайно* активизировали свою работу (за счет американских капиталовложений²) «радио голоса» на территориях, прилегающих к зоне катастрофы.

Что бы ни говорили сегодня постфактум современники того противоречивого периода, но авария на Чернобыльской атомной электростанции имени В.И. Ленина позволила произойти совершенно немыслимым ранее событиям. Аварии на советских АЭС случались и прежде. Но об этом *никогда* не сообщали в новостях, не писали в газетах, не эвакуировали население, не вели столь необходимую медицинскую статистику и не информировали мировую общественность. И вопрос был не только в масштабах случившегося: аналогичные техногенные катастрофы были и ранее, причем не только *в центре* самой большой в мире страны (на Урале), но и в приграничных западных районах.

Так Ленинградская АЭС, находящаяся *гораздо ближе* к скандинавским странам, которые первоначально накрыло чернобыльское радиоактивное облако весной 1986 г., взрывалась на пуске в середине 1970-х. Но *никто* (в том числе и из-за рубежа) не поднимал столь серьезного, как в 1986 г. шума, не требовал от руководства страны подробных объяснений и отчета по принятым мерам, не объявлял о случившемся населению. Даже совещания по итогам ликвидации той аварии внутри структуры Минэнерго СССР предполагали едва ли не подписку о неразглашении для её немногочисленных участников³.

Инженер-электрик атомщик Г.У. Медведев, описывая ситуацию с авариями советского «мирного атома» до 26 апреля 1986 г.⁴, отмечал, что было их не мало. В 1977 г. расплавилась половина топливных сборок активной зоны второго блока Белоярской АЭС, а ремонт «с переоблучением персонала длился около года», причем 31 декабря 1978 г. этот блок сгорел при пожаре, возникшем вследствие «падения плиты перекрытия машзала на маслблок турбины». В сентябре 1982 г. крупная авария с выбросом радиации произошла на первом блоке ЧАЭС. В октябре того же года – взрыв генератора на первом блоке Армянской атомной с выгоранием машинного

---

² Reagan Will Speed Collection Of Debts On Federal Loans, By Howell Raines // The New York Times, February 27, 1981; Statement on the Establishment of the Baltic States Service of Radio Liberty. November 18, 1983.

³ По воспоминаниям сотрудницы одной из служб Краснодарэнерго, изложенных в личной беседе с автором данного исследования, участник такого совещания вскользь упоминал о катастрофе на ЛАЭС своим сослуживцам перед уходом на пенсию, не смотря на «закрытость» данных.

⁴ Медведев Г.У. Чернобыльская хроника. – М.: Современник, 1989. – 240 с.

зала, когда совместными усилиями оперативной группы Кольской АЭС и местных операторов удалось спасти активную зону реактора. 27 июня 1985 г. – гибель 14 человек из-за ожогов трёхсотградусным паром при пусконаладочных работах на первом блоке Балаковской АЭС – из-за «ошибочных действий малоопытного оперативного персонала».

Осенью 1975 г. на первом блоке Ленинградской АЭС произошло «частичное разрушение активной зоны» и реактор был «остановлен и через сутки продут аварийным расходом азота в атмосферу через вентиляционную трубу», когда во внешнюю среду оказалось выброшено «около полутора миллионов кюри высокоактивных радионуклидов». Косвенное сообщение об аварии имело место в марте 1976 г. «на партактиве Минэнерго СССР», где Председатель Совмина СССР А.Н. Косыгин упоминал о том, что «правительства Швеции и Финляндии сделали Правительству СССР запрос относительно повышения радиоактивности над их странами» и обращал внимание энергетиков на особую важность соблюдения ядерной безопасности и качества АЭС в стране⁵.

Объяснить столь значительную разницу в реакции на техногенные катастрофы до 1986 г. и после него можно несколькими обстоятельствами. С одной стороны, она могла быть связана с *действительной и беспрецедентной* либеральностью нового советского руководства и ростом технической оснащённости сопредельных территорий, где в 1980-х гг. стали проводить регулярные замеры радиационного фона.

С другой стороны – случившееся слишком походило на хорошо спланированную диверсию извне, в результате которой Западу удалось подтолкнуть новое союзное руководство на переговоры о сокращении ядерных вооружений и провозглашение политики гласности. Чернобыльская атомная *должна была взорваться именно там и тогда*, где она взорвалась, предоставляя пищу для ума ультранационалистам западных республик СССР. И если первоначально советское население, в едином порыве бросившееся собирать средства для пострадавших регионов и отправлять ликвидаторов-добровольцев, проявило свою сплочённость, то после, когда у эвакуированных жителей запретной зоны накопилась вполне логичная обида и усталость, причины всех бед постепенно стали списывать на московское руководство. Совершенно не случайно отдельные участники этих трагических событий впоследствии заговорили о том, что «с Чернобыля начался развал СССР»⁶.

Интерпретируя, таким образом, чернобыльскую катастрофу, как один из серьёзнейших катализаторов распада Советского Союза, автор данного

---

⁵ Там же, с.17.

⁶ Ліна Кушнір. Валентина Шевченко: "Провести демонстрацію 1 травня 1986-го наказали з Москви" // Українська правда. 25.04.2011. URL: <http://www.istpravda.com.ua/articles/2011/04/25/36971/> (доступ от 25.03.2015) (Здесь и далее перевод с украинского мой – О.Д.)

исследования видит своей целью определение и раскрытие наименее изученных аспектов темы Чернобыля в рамках парадигмы когнитивной истории. Отдельными и безусловно необходимыми задачами представляются как историографический и источниковедческий обзоры, так и авторская трактовка «когнитивной истории» О.М. Медушевой. Необходимо особо оговорить, что автор не ставит своей целью и не претендует на реконструкцию и охват технической составляющей катастрофы на Чернобыльской АЭС, и, в частности, её причин, оставляя приоритет в этом вопросе специалистам естественнонаучных направлений.

В преддверии 30-летия чернобыльской катастрофы 26 апреля 1986 г. и на фоне масштабной работы по рассекречиванию и публикации документов украинских архивов тема истории строительства и эксплуатации ЧАЭС в 1970-1986 гг. оказывается как никогда актуальна. Традиционная логика действий стран, на территориях которых когда-либо происходили крупные рукотворные техногенные катастрофы, включает, так или иначе, значительный элемент секретности в отношении событий и лиц, чьи действия привели к трагедии. В этом смысле пройдет не одно десятилетие прежде, чем мир узнает истинную подоплеку крушений космических шатлов, аварий на буровых платформах или на АЭС Фукусима.

У Чернобыля оказалась совсем иная судьба. Он стал частью истории Советского Союза, распавшегося спустя пять с половиной лет с трагических событий апреля 1986 г. Бывшая Украинская ССР, получившая независимость в числе других советских республик, принялась строить свою историю, фундаментом которой решено было сделать ультра национализм. Для этой новой истории ЧАЭС оказывалась символом ненавистного советского прошлого, с которым решено было бороться. Частью такой борьбы становилась работа по рассекречиванию и публикации документов, связанных с Чернобылем. Похвальное стремление выучить этот урок истории, дабы подобное никогда не повторилось, соединилось с идеологическим посылом формирования новой этнической идентичности, «Другим» которой оказывалось всё русское («союзное», исходящее из Кремля). Как следствие – для украинских архивистов почти не осталось «закрытых» тем в области чернобыльской аварии и объём вводимых в научный оборот исторических источников оказался беспрецедентен, в том числе с учетом того короткого промежутка времени, который прошёл с 1986 года.

Актуальность темы обуславливается, однако, не только памятной датой, масштабом и значимостью катастрофы, уникальностью количества и содержания исторических источников, настоятельно требующих скрупулезной исследовательской работы. Необходимо также учитывать, что на Чернобыле история атомной энергетики не закончилась. Несмотря на протесты экологов, мирный атом – одно из перспективнейших направлений развития мировой энергетики и выучить «уроки Чернобыля» человечеству крайне необходимо. Об этом свидетельствуют и события на японской АЭС

Фукусима-1 в марте 2011 г. Кроме того, государственной корпорации «Росатом» в ближайшие годы предстоит построить 28 крупных энергоблоков АЭС внутри страны и – до 40 за рубежом (в Турции, Иордании, Индии, Венгрии, Иране, Аргентине, Белоруссии, Казахстане и др.)⁷. Опыт трактовок чернобыльских событий украинской стороной должен быть изучен и учтен в ходе этой большой созидательной работы, дабы данная катастрофа не повторилась, а мирный атом в целом никогда не был бы использован в политических целях, в рамках набирающих популярность информационных войн. Ведь по сути сегодня ЧАЭС, строившаяся в основном силами *местных украинских* ведомств и организаций, интерпретируется отдельными украинскими историками как проблема, созданная (едва ли не целенаправленно!) центральными союзными властями, «системой», за которой нынешним украинским националистами видится Кремль как олицетворение всего российского.

Историческая составляющая темы нашего исследования соединяется с весомыми политическими аспектами, требующими новых методологических подходов. В частности, в последние два десятилетия власти и часть общественности независимой Украины предпринимают попытки переложить ответственность за недочеты в строительстве и ошибки при ликвидации последствий чернобыльской аварии на союзные структуры государственного управления. Такая цель прочитывается и в публикационной активности украинских архивов. Обращение к чернобыльской теме российских исследователей может быть подвергнуто критике и обвинению в субъективизме в случае отсутствия согласия в вопросе априорной «вины» «системы» в случившемся 26 апреля 1986 г. Поэтому автор считает целесообразным применение междисциплинарного подхода, обеспечивающего более широкий методологический инструментарий, и продвижение в рамках парадигмы когнитивной истории, детально описанной выдающимся источниковедом и методологом О.М. Медушевской⁸ и понимаемой нами в прикладном аспекте темы именно как реконструкцию мышления строителей, эксплуатационного персонала ЧАЭС, а также представителей партийной номенклатуры и сотрудников контрразведки – на основе анализа комплекса рассекреченных документов КГБ и республиканских и ведомственных архивов. Чернобыль рассматривается нами как *овеществлённый интеллектуальный продукт* и, одновременно, относительно замкнутая, обособленная *система*, внутри которой существовали и взаимодействовали представители разных профессиональных сфер, ведомств и организаций, делавших, так или иначе, общее дело. Созданная ими и функционировав-

---

⁷ По данным, представленным на официальном сайте гос. корпорации в разделе «Журналистам: Главное» за 2014 г. по адресу <http://www.rosatom.ru/journalist/main/> [доступ от 26.04.2015.]

⁸ См. репринт изданной посмертно в 2008 г. работы: Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории: монография / О.М. Медушевская. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 362с.

шая при их содействии атомная электростанция оказалась еще и крайне опасным объектом, аварийная ситуация на котором повлекла за собой непредвиденные колоссальные политические, экономические, социальные и более ожидаемые экологические и медико-биологические последствия. В какой мере эта третья ипостась Чернобыля стала закономерным финалом? Была ли эта катастрофа неосознанным «побочным продуктом» самого процесса строительства и эксплуатации? Могла ли она не случиться? Поиску ответов на эти вопросы мы и посвящаем наше монографическое исследование.

ЧЕРНОБЫЛЬ: ИСТОРИОГРАФИЯ ВОПРОСА

Тема Чернобыльской катастрофы с весны 1986 г. вызывала неослабевающий интерес общественности, привлекала журналистов, публицистов, мемуаристов, представителей целого ряда наук – от ядерной физики, экологии и радиобиологии, до медицины и экономики⁹. Большинство авторов столкнулись с Чернобылем лично, участвуя в ликвидации аварии, пожиная её плоды и последствия в своей повседневной жизни и работе, пытаясь найти «свою правду» или виновных в произошедшем. Для историков «информационный магнетизм»¹⁰ события оказался сильнее традиционного скепсиса в отношении изучения явлений, слишком близких к современности, когда исследователь рискует привнести элементы субъективности в свои интерпретации. Этим обстоятельством обусловлено большое количество статей и работ монографического характера, посвященных Чернобылю за более чем четверть столетия, прошедшую после аварии 26 апреля 1986 г.

В России крупнейшим специалистом, ранее всего обращавшимся к чернобыльской теме в преломлении исторической науки, является Анатолий Александрович Дьяченко, защитивший в 2002 г. докторскую диссер-

---

⁹ Ковалевская Л. Чернобыль «ДСП». – К.: «Абрис», 1995. – 328 с.; Воробьев, А. И. До и после чернобыля: Взгляд врача. – М.: Ньюдиамед, 1996.- 180 с.; Яблоков А.В. Миф о незначительности последствий Чернобыльской катастрофы. – М.: Центр экологической политики России, 2001. – 109 с.; Социально-экономические проблемы и перспективы развития территорий, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС» / Под общей редакцией доктора технических наук, профессора Матвеева А.В. – Брянск, 2006. – 208 с.; Шойгу С.К., Большов Л.А. (ред.) 20 лет чернобыльской катастрофы. Итоги и перспективы преодоления её последствий в России: Российский национальный доклад. — М. 2006. – 93 с.; Яблоков А. В., Нестеренко В. Б., Нестеренко А. В. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. – СПб.: 2007. – 376 с.; Кравчук Н. В. Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО–XXI, 2011. – 104 с.; Карпан, Н. В. Чернобыль. Месть мирного атома: Ист. обзор процесса развития атомной науки и техники / Н. В. Карпан Ч.1.- К.: ЧП «Кантри Лайф», 2005.- 567 с. и др.

¹⁰ Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории, с. 41.

тацию на тему «Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹¹. Полковник в отставке, выпускник Киевского авиационно-технического училища и Военно-воздушной академии им. Н.Е. Жуковского, он прошел путь от авиационного техника до заместителя командира полка, начальника научно-исследовательской лаборатории Военной академии им. Ф.Э. Дзержинского, начальника группы Института военной теории и истории, начальника отдела специального управления Института гражданской обороны СССР. Став участником ликвидации катастрофы на ЧАЭС и проведя в зоне три месяца с июля по сентябрь 1986 г., А.А. Дьяченко собирал информацию о принимаемых мерах, о людях, совершавших героические поступки, документировал и систематизировал данные, которые могли пригодиться для специалистов по чрезвычайным ситуациям в будущем. Когда он впервые появился в зоне отчуждения, одному из его коллег по ликвидации – полковнику, кандидату военных наук В.Я. Степанову – «сразу показалось, что он [А.А. Дьяченко – *О.Д.*] будет «летописцем» чернобыльских событий»¹².

Действительно, задавшись целью запечатлеть подвиг ликвидаторов самой масштабной из техногенных катастроф, с которыми сталкивалось человечество, А.А. Дьяченко провел большую и крайне важную работу по сбору и первичной систематизации материалов темы, фиксации воспоминаний живых участников событий, анализу состояния историографии вопроса, выявлению логики комплекса проведенных органами власти мероприятий со всеми их достоинствами и возможными недостатками. Большим преимуществом исследователя был доступ к данным по войсковым частям и ряду документов, которые оказались бы закрыты для гражданских историков. Хронологические рамки докторской диссертации и издававшейся в связи с ней монографии А.А. Дьяченко¹³ ограничивались 26 апреля 1986 г. и 1991 г., что обуславливалось с одной стороны взрывом 4-го реактора Чернобыльской АЭС, а с другой – распадом Советского Союза. Исследовательская работа в целом носила в значительной степени прикладной характер и была призвана оказать содействие в нелегком труде будущих поколений сотрудников ведомств, отвечающих за гражданскую оборону, предотвращение и, особенно, ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций.

---

¹¹ Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986-1991): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 689 с.

¹² Степанов В.Я. Недописанная тетрадь... / Чернобыль. Долг и мужество: Научно-публицистическая монография в 2 т., Т. II. – М.: Воениздат, 2001, с. 175.

¹³ Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий чернобыльской катастрофы: Научно-публицистическая монография к 18-летию катастрофы (в 2-х частях). / Под ред. академика РАН В.Н. Михайлова. – М.: Институт стратегической стабильности «Росатома», 2004.

Ярким примером данного аспекта является статья «Опыт применения силовых структур при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС»¹⁴, опубликованная А.А. Дьяченко в журнале «Военная мысль», имеющем вполне определенную целевую аудиторию. В ней автор даёт общую характеристику системы мер, предпринятых в ходе ЛПЧК (ликвидации последствий Чернобыльской катастрофы), описывает принципы руководства и зонирования в районе катастрофы, перечисляет функции и задачи отдельных родов войсковых подразделений, принимавших участие в ликвидации, даёт справедливую оценку значимости вклада в общее дело каждого из них. В статье прочитывается и главная, сокровенная задумка подполковника А.А. Дьяченко: «создание в стране одной-двух стратегических группировок сил и средств, максимально подготовленных к ликвидации ЧС в мирное и военное время»¹⁵.

Рассуждая о причинах катастрофы на Чернобыльской АЭС, А.А. Дьяченко вводит их классификацию, включающую три взаимосвязанных группы: конструкторские, эксплуатационные, организационно-экономические¹⁶. Причем, если первые и вторые, будучи предметом споров сторонников различных версий катастрофы 26 апреля более или менее ясны – недоработки в проекте РБМК и системе защиты, а также непосредственная вина и ошибочные действия персонала станции – то на анализе организационно-экономических причин необходимо остановиться подробнее, так как они включают отдельные, крайне мало изученные аспекты темы.

Выявленные А.А. Дьяченко организационно-экономические причины, вызывают противоречивые впечатления. Есть среди них те, с которыми нельзя не согласиться, как например: несовершенство системы управления ЧАЭС (совмещение органов управления эксплуатацией АЭС и строительством новых энергоблоков); отсутствие эффективных методов смены руководителей, утративших право на управление по профессиональным, возрастным или этическим соображениям; недостаточные требования к безопасности промышленной инфраструктуры; недостаточное качество строительно-монтажных работ при возведении новых объектов; недостаточное внимание к анализу ядерных инцидентов и доведению до широкого круга специалистов рекомендаций по их предупреждению. Эти утверждения, как представляется, вполне адекватно отображают действительность 1970-х-1980-х гг. в СССР, хотя они и не исследовались подробно в работах А.А. Дьяченко.

Ряд других причин организационно-экономического характера, напротив, вызывает сомнения. В частности, заявленное историком несовер-

---

¹⁴ Дьяченко А.А. Опыт применения силовых структур при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС // Военная мысль, 2003, № 4, с. 77-80.

¹⁵ Там же, с.80.

¹⁶ Дьяченко А.А. Еще раз о причинах катастрофы на Чернобыльской АЭС // Вестник Академии военных наук, 2003 г., № 3, с. 144-148.

шенство партийно-государственной системы управления экономикой и научно-техническим прогрессом страны требует серьезных пояснений, поскольку большую часть советского периода именно в рамках данной системы в стране отмечались беспрецедентные успехи в науке и технике – начиная с создания передовых образцов вооружений в период Великой Отечественной войны с последующим достижением ядерного паритета и первого полета человека в космос, и заканчивая созданием самодостаточной в основе своей экономической системы, предоставлявшей науке и технике редкостные возможности разработки «закрывающих технологий»¹⁷. Тезис А.А. Дьяченко о передаче АЭС из-под юрисдикции Министерства среднего машиностроения в ведение Минэнерго, как одной из причин аварии на Чернобыльской АЭС, также представляется сомнительным, так как аналогичная чернобыльской Ленинградская АЭС, будучи подчинена Минсредмашу пережила во-многом схожую с событиями апреля 1986 г., хоть и менее масштабную, аварию, сопровождавшуюся радиоактивным выбросом. И именно Минсредмаш проводил расследование по итогам аварий на ЛАЭС 1974 г. и 1975 г. как *внутриведомственное, что не предполагало доведения информации об их причинах и мерах по предупреждению аналогичных ситуаций до широкого круга специалистов*. Именно подчиненность ЧАЭС Минэнерго (не говоря уже о смене кремлевского руководства и провозглашения политики гласности) способствовало более серьезному расследованию аварии и обнародованию основной информации о ней. Утверждение исследователя о том, что причиной чернобыльской катастрофы стало «начало перестройки, вседозволенности» и вовсе не выдерживает критики: хронологически перестройка началась за год до аварии и не успела сформировать в населении ту «вседозволенность» которая традиционно ассоциируется с *итогами* данного исторического периода. Операторы ЧАЭС, также как строители и конструкторы реактора РБМК-1000 и систем защиты *сформировались как личности и профессионалы задолго до 1985 г.* и поэтому говорить, что *вдруг, одновременно* они полностью переменились и ощутили полную свободу действий и безнаказанность (ассоциирующиеся обычно со вседозволенностью) не приходится.

Не являясь физиком-ядерщиком и специалистом по атомным реакторам, А.А. Дьяченко, тем не менее, предпринимал попытку выявить причины чернобыльской катастрофы именно сквозь специфичную призму ядерной физики, по материалам актов комиссии Госатомнадзора и мнениям экспертов МАГАТЭ. Рассекреченные и опубликованные СБУ документы Комитета государственной безопасности Украинской ССР за период 1970-1986 гг. исследователем в научный оборот не привлекались, хотя из них

---

¹⁷ Об этом неоднократно писал доктор экономических наук, директор Института проблем глобализации М. Делягин. См., например: Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. – М., 2003; Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: Инфра-М, 2000.

он, как представитель силовых структур, мог почерпнуть гораздо больше полезной и доступной информации.

В целом необходимо подчеркнуть, что А.А. Дьяченко провел значительнейшую работу, основной акцент в которой был сделан именно на героический подвиг ликвидаторов последствий чернобыльской катастрофы, предыстория которой не являлась сферой его особого интереса и внимания. Задача недопущения повторения техногенных аварий такого рода осталась, таким образом, в значительной мере декларативной, поскольку изучение *опыта ликвидации* подразумевает, что он однажды пригодится.

Ведущим украинским историком, специализирующимся на чернобыльской тематике, является профессор Наталия Петровна Барановская. Значительная часть её работ также посвящена вопросам катастрофы на ЧАЭС, её последствиям, истории ликвидации¹⁸. В качестве ответственного секретаря и главного составителя она принимала участие в проекте по публикации документов, связанных с историей строительства, эксплуатации и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской атомной электростанции¹⁹, приуроченной к 10-й годовщине катастрофы. Кроме того, Н.П. Барановская издала ряд статей в периодических научных изданиях Украины²⁰, в

---

¹⁸ Барановська Н. П. Україна – Чорнобиль – Світ: Чорнобильська проблема у міжнародному вимірі, 1986–1999. – К.: Ніка-Центр, 1999. – 400 с.; она же, Об'єкт «Укриття»: проблеми, події, люди. – К.: Євротест, 2000. – 285 с.; она же, Соціальні та економічні наслідки Чорнобильської катастрофи. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2001. – 95 с.; она же, Чорнобильська катастрофа в публікаціях. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2004. – 207 с.; она же, Чорнобильська трагедія. Нариси з історії. Київ, 2011.

¹⁹ Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996. – 784 с.

²⁰ Барановська Н.П. Об'єкт «Укриття»: наукові дослідження останнього десятиліття // Український історичний журнал. - Київ, "Наукова думка", 2001, №3, с.104; она же, Міжнародна наукова конференція "Скривджене людство: 20 років після Чорнобиля" // Український історичний журнал. - Київ, "Дієз-продукт", 2006, №3, с.235; она же, Фахова періодика та засоби масової інформації як важливе джерело Чорнобильської проблеми // Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2006, №13, с.37-55; она же, Конференції до 20-річчя чорнобильської катастрофи // Український історичний журнал. - Київ, "Дієз-продукт", 2006, №4, с.217; она же, Суспільний вимір чорнобильської катастрофи // Український історичний журнал, 2006, №2. с.129-145; она же, Про деякі аспекти участі науковців НАН України у мінімізації наслідків Чорнобильської катастрофи // Український історичний журнал. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2009, №3, с.156; она же, Літня школа «Суспільне подолання ризиків: екологічні проблеми та соціальна мобілізація» // Український історичний журнал. - К: "Дієз-продукт", 2010, №6, с.223; она же, Общественно-политические предпосылки аварии на четвертом энергоблоке ЧАЭС // Перекрестки. 2010. № 1-2. С. 34-42; она же, Вплив Чорнобильської катастрофи на трансформаційні процеси у суспільстві (до 25-річчя трагічних подій) // Український історичний журнал, 2011г. № 2, с.123-142; она же, Життєвий простір України: чорнобильська складова / Життєвий простір України: політичний та гуманітарний виміри (1991–2010 роки): Збірник наукових статей. (Автори: Касьянов Г.В., Барановська Н.П.,

20-ю годовщину катастрофы на ЧАЭС (в 2006 г.) защитила докторскую диссертацию на тему «Чернобыль в новейшей истории Украины: власть и общество»²¹.

Чтобы выявить предпосылки эпохальной по своим последствиям Чернобыльской катастрофы 26 апреля 1986 г., можно пойти разными путями. Наталия Барановская считает необходимым с этой целью хотя бы «бегло обозреть явления и процессы, которые происходили в атомной науке СССР на начальном этапе», включая «создание ядерного оружия», «строительство первенца атомной промышленности – химического комбината «Маяк» и уральского «Атомграда» – города Челябинск-40», «людей, которые реализовывали советский атомный проект». Радиационная авария в Челябинске-40 в 1957 г., как представляется исследователю, поставила перед наукой целый ряд абсолютно новых задач, заложив основы радиоэкологии. Опытная научно-исследовательская станция (ОНИС), созданная для изучения последствий этой аварии и выработки научно-обоснованных рекомендаций, к середине 1980-х гг. обладала значительным арсеналом знаний, которые могли пригодиться при ликвидации Чернобыльской катастрофы. Однако, подготовленный и опубликованный сотрудниками ОНИСа обобщающий отчет, имел слишком малый тираж и оказался недоступен ликвидаторам аварии на ЧАЭС²².

Наряду с радиобиологией и радиоэкологией, серьезной проблемой была, по мнению Н.П. Барановской, «физико-техническая составляющая» атомной энергетики, различным аспектам которой – от теории, конструирования, методов расчетов, до вопросов надежности систем защиты ядерных реакторов – было посвящено до 1986 г. в СССР большое количество монографических работ, научных статей и даже переводных западных изданий. Особое внимание с начала 1970-х гг. ученые уделяли реакторам РБМК²³. Результатом многолетней эксплуатации и изучения данного типа реакторов стал сформулированный, как представляется Н.П. Барановской, к началу 1986 г. вывод о невозможности обеспечить необходимого уровня автоматизации процессов управления реакторами РБМК при свойственной им пространственной нестабильности выделения энергии. Однако вывод этот, как отмечает исследовательница, «не успел повлиять на ситуацию с РБМК на ЧАЭС». Авария 1979 г. на американской АЭС Три-Майл-Айленд оказала значительное влияние на вопросы безопасности атомной энергетики в «большинстве стран, которые эксплуатировали АЭС», но не привела к

Падалка С.С., Кубальський О.Н., Ковпак Л.В., Шульга Т.С.) – К.: Інститут історії України НАН України, 2012. – 261 с., с.82-100.

²¹ Барановська Н.П. Чернобыль в новітній історії України: влада і суспільство : дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2006. – 614 с.

²² Барановська Н.П. Чернобыльська трагедія. Нариси з історії. — К.: Інститут історії України НАН, 2011, с.8. (Здесь и далее перевод с украинского осуществлен автором)

²³ Там же, с.9.

созданию в Советском Союзе аналогичного американскому Института эксплуатации АЭС²⁴.

Столь обширная в хронологическом и географическом отношении предыстория нужна была Н.П. Барановской чтобы подчеркнуть, что в СССР вопросам безопасности мирного атома уделялось недостаточно внимания, а подчиненная Москве Украинская ССР, несогласная с таким положением дел, пыталась, якобы, противостоять строительству ЧАЭС. Историк отмечает, что наряду с протестами относительно размещения объектов атомной энергетики на тех или иных территориях, «ученые Украины не были послушным орудием политической системы. И когда интенсивное насаждение АЭС в Украине вызвало тревогу у всего общества в Академии наук эти планы обусловили научно обоснованный протест. Так, летом 1980 г. в Совет Министров УССР было передано письмо президента АН УССР академика Б.Е. Патона о нецелесообразности сооружения ЧАЭС-2... Несмотря на негативную реакцию союзных властных структур на представленную Академией наук УССР докладную записку, усилия ученых не были напрасными. Практическим результатом их, в конце концов, стало прекращение строительства Одесской АТЭЦ, а впоследствии – и Крымской АЭС, отказ утвердить план размещения площадок под строительство Харьковской АТЭЦ и АЭС в Донецкой области, на побережье Азовского моря, ряда других планируемых объектов атомной энергетики в Украине, а также от увеличения количества блоков на Хмельницкой, Ровенской и Южно-Украинской атомных станциях»²⁵. Исследователь в данном случае идет на поводу у политической конъюнктуры, способствуя формированию очередного мифа в истории новой, независимой Украины. Протестовать в 1980 г. против продолжения строительства Чернобыльской АЭС было поздно. Это логичнее было делать в 1966–1970 гг., когда всё тот же Б.Е. Патон был занят протестами против строительства очистных сооружений высокоактивных сточных вод для ядерного реактора Института ядерных исследований АН УССР и, несмотря на возражения Минздрава УССР, в 1970 г. его ввели в строй без очистных. Прекращение строительства Крымской АЭС, не говоря уже о сворачивании планов по развитию атомной энергетики в Украинской ССР в целом произошло на фоне колоссальных расходов на ликвидацию чернобыльской катастрофы, публикацию данных о масштабах данной аварии в рамках политики гласности, а также из-за начавшегося экономического кризиса, когда строительство такого рода оказалось для СССР попросту не по карману.

Кроме того, если обратиться к мнению авторитетного украинского эколога, специализирующегося, в том числе, на истории охраны природы республики, то можно выявить целый список вопиющих и гораздо более

---

²⁴ Там же, с.10.

²⁵ Там же, с. 11.

актуальных для чернобыльской проблематики фактов периода 1950-х – 1970-х гг., складывающихся в совершенно неприглядную картину специфического, безответственного отношения к природе, «которое в конечном счете и породило Чернобыль»²⁶.

Вспоминается и описанный бывшим председателем припятского горисполкома В.П. Волошко процесс одобрения строительной площадки под ЧАЭС: «В марте 1971 года небольшая группа руководителей прилетела вертолетом на Чернобыльскую землю, с тем чтобы забить кол, который символизировал бы закладку первой в Украине Центрально-украинской атомной электростанции... Руководство республики очень хотело иметь в Украине подобный объект, чтобы быть на переднем крае прогресса, а с другой стороны считалось, что самым дорогим в Украине есть земля. Поэтому не было желания просто так расставаться с 1676 га земель ... Практически это были очень бедные песчаные земли, где урожайностью в объеме Украины можно было легко пренебречь, но установка была другой: *необходимо было максимально выторговать от энергетиков компенсации и не сразу, а только под определенным давлением согласиться с предложением комиссии по выбору площадки для строительства уникального объекта* [курсив мой – О.Д.]. Но комиссии долго все же не пришлось вести уговоры, так как один из ее членов выдал «секрет», что они готовы рассмотреть подобную площадку... на территории Белорусской ССР. Вот тут-то и было задето самолюбие хозяев, они услышали то, с чем ни за что и никогда не могли согласиться – станция должна строиться только на территории Украины!»²⁷.

Необходимо учитывать также и тот смысл, который Б.Е. Патон мог вкладывать в понятие «ЧАЭС-2». Речь, как представляется (на основе работы с источниками), не шла о второй очереди Чернобыльской атомной, то есть 3-ем и 4-ом блоках, во что хочется верить Н.П. Барановской. Формулировка «ЧАЭС № 2» встречается в «Предложениях администрации и парткома ЧАЭС Министерству энергетики и электрификации СССР по изменениям в административно-хозяйственном и производственном управлении ЧАЭС» от 24 декабря 1984 г.²⁸, где она подразумевает сооружение

---

²⁶ Борейко, В. Е. История охраны природы Украины (X век - 1980 г.), Т.2. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1997. – 192 с. С учетом значимости перечисленных экологом сведений – как для историографии вопроса, так и для лучшего понимания специфики времени, в которое формировалась «предыстория» Чернобыля – отрывок соответствующей главы издания приведен в Приложении № 1.

²⁷ Волошко В.П. Город, погибший в 16 лет [Электронный ресурс] // Pripjat.com: общественный проект, неофициальный сайт г. Припять. 2004-2015. URL: <http://pripjat.com/people-and-fates/gorod-pogibshii-v-16-let.html> (доступ 20.05.2015.)

²⁸ Пропозиції адміністрації та парткому ЧАЕС Міністерству енергетики і електрифікації СРСР про зміни в адміністративно-господарському та виробничому управлінні ЧАЕС від 27 грудня 1984 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1984 р., спр. 01-23. Оригінал / Чернобыльская трагедия: Документы і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.56-58.

на удалении 15-20 км от действующей ЧАЭС двух энергоблоков мощностью по 1,5 млн. кВт*ч каждый, с суммарной мощностью АЭС района, достигающей 9 млн. кВт*ч.

Таким образом ЧАЭС-1 включала в себя с первого по шестой реакторы, из которых к весне 1986 г. функционировали четыре, а два других только строились. Планируемые реакторы ЧАЭС-2 должны были в полтора раза превосходить тот, что взорвался 26 апреля, породив крупнейшую техногенную катастрофу. Зная о степени безответственности и халатности структур и ведомств, отвечавших в республике за «мирный атом», академик Б.Е. Патон не мог не понимать возможных последствий. Именно против такой «ЧАЭС-2» должен был протестовать Президент АН УССР, а отнюдь не против уже почти достроенных энергоблоков.

Но упоминать об этом украинскому историку Н.П. Барановской не вполне удобно по идеологическим причинам, не говоря уже о вероятности «ошибки хинтсайта» или явления, известного социальным психологам как феномен переоценки собственных прогностических способностей постфактум (феномен «я знал это»). Стройная и националистически «правильная» теория, по которой ведущий украинский ученый пытался противостоять нажиму московских союзных властей хорошо работает на формирование шовинистических антироссийских настроений в среде подрастающего поколения. Но, к величайшему сожалению, абсолютно не способствует предупреждению и не допущению аналогичных техногенных катастроф в будущем. А в этом случае и подвиг тысяч ликвидаторов, и исковерканные судьбы пострадавшего от радиации населения нескольких стран, да и сама работа историка, специализирующегося на чернобыльской теме – оказываются *напрасными*.

Необходимо отметить, что среди «социально-политических и научно-технических предпосылок аварии на 4-ом энергоблоке ЧАЭС» (а именно такое название носит рассматриваемая нами глава монографии Н.П. Барановской) историк не находит возможным рассмотреть вопросы качества строительно-монтажных работ на Чернобыльской АЭС, ограничиваясь ссылками на ряд статей 1984 г., «посвященных организации бетонных работ на строительстве, схеме механизации работ при строительстве главного корпуса второй очереди, организации и проведению монтажных работ на 4-ом энергоблоке, использованию сборно-монтажных конструкций при строительстве второй очереди ЧАЭС и об основных результатах строительства этой, теперь широко печально известной, АЭС»²⁹. Характерно,

---

²⁹ Барановська Н.П. Чорнобильська трагедія..., с.11. Приводятся ссылки на работы: Лысюк Р.И. и др. Организация бетонных работ на строительстве Чернобыльской АЭС. // Энергетическое строительство, 1984, № 11, с. 8-9; Гриценко А.С. и др. Схема механизации работ при строительстве главного корпуса второй очереди ЧАЭС. // Энергетическое строительство, 1984, № 12, с. 10-12; Токаренко В.П. Организация и производство монтажных работ на 4-ом энергоблоке ЧАЭС. // Энергетическое строительство, 1984,

что у исследователя есть доступ к значительному пласту фактической информации, представленной в рассекреченных и опубликованных документах КГБ УССР, но в монографии он не фигурирует. Обходится стороной и вопрос эксплуатации станции до катастрофы 1986 г. Н.П. Барановская в этом отношении ограничивается утверждением о наличии «определенных недостатков», трактуя их исключительно как «конструктивные, проектные и др.». Об эксплуатационном персонале ЧАЭС непосредственно не говорится. Историк характеризует ситуацию общей и ничем не обоснованной фразой о том, что «специалисты, которые работали в атомной энергетике, понимали всю сложность и ответственность за ее безопасность»³⁰. Однако *понимать* степень ответственности и *отвечать за свои поступки*, т.е. нести эту ответственность – не одно и то же.

Выводы украинского историка и вовсе снимают какую бы то ни было ответственность и со строителей («строительство и монтаж четвертого блока [ЧАЭС – О.Д.] вело Минэнерго СССР»³¹), и с эксплуатационников (ведь «оно же [Министерство энергетики и электрификации Советского Союза – О.Д.] и эксплуатировало станцию»³²). Н.П. Барановская, подводя итоги, заявляет: *«Несмотря на все указанное выше, к общественно-политическим предпосылкам, которые породили технические проблемы и, в конечном итоге, привели к крупнейшей техногенной катастрофе XX века, необходимо отнести функционирование тоталитарной политической системы в СССР с порожденными ею абсолютной властью и идеологическим монополизмом центра. Игнорирование альтернативных знаний, предложений и мыслей, присущее тоталитарной системе, формировало уверенность в абсолютной правоте одних и равнодушие других, которые понимали невозможность повлиять на ту или иную ситуацию. Логическим этапом в этой цепи было формирование халатности и иждивенческих настроений в обществе. Экстраполяция подобных настроений и отношения ко всем компонентам общественной и производственной жизни на такую сложную проблему, каковой было и остается развитие атомной науки и техники и, в частности, атомной энергетики, обусловила конструктивные и технологические недоработки при проектировании и строительстве РБМК, недоработки в ходе разработки нормативной документации и определенные недостатки в подготовке эксплуатирующего персонала, которые, в свою очередь и обусловили аварию 4-го энергоблока ЧАЭС»*³³.

№ 12, с. 6-7; Цененко И.К. и др. Применение сборно-монтажных конструкций при строительстве второй очереди Чернобыльской АЭС. // Энергетическое строительство, 1984, №11, с. 6-8; Чернышенко В.М. Основные итоги строительства Чернобыльской АЭС. // Энергетическое строительство, 1984, № 11, с. 2-6.

³⁰ Барановська Н.П. Чорнобильська трагедія..., с.12.

³¹ Там же, с. 15.

³² Там же.

³³ Там же, с. 20-21.

Такая трактовка предпосылок чернобыльской катастрофы ставит сразу несколько вопросов. Кто *в действительности* строил Чернобыльскую атомную электростанцию? И кто нёс *непосредственную* ответственность за её эксплуатацию? Почему, несмотря на огромные масштабы страны, столь серьёзная авария на одной из более чем десятка АЭС, которые также формально строились и эксплуатировались тем же министерством, произошла *именно* в украинском Чернобыле? Почему «повсеместные», якобы, халатность и иждивенчество не привели сразу к нескольким аналогичным ЧП? Застраховано ли *не тоталитарное* общество от катастроф, подобных чернобыльской? И, наконец, почему в рамках тоталитарной системы были возможны и фактически существовали прямо противоположные заявленным Н.П. Барановской примеры: самоотверженность, бескорыстность, героизм, добросовестность, честность, проявленные, в том числе, тысячами ликвидаторов? И в какой мере «бытие определяет сознание»? Или, другими словами, всегда ли человек, будучи загнан в жесткие рамки авторитарного и репрессивного общества, лишен выбора каким ему быть?

Как утверждал австрийский психотерапевт Виктор Франкл «между стимулом и нашей реакцией на него всегда есть время. За это время мы выбираем, как реагировать. И именно здесь лежит наша свобода». Он, прошедший нацистский концлагерь, очень наглядно представлял себе суть систем, аналогичных тоталитарным. И также, как и каждый узник лагеря, ежедневно и ежеминутно *делал свой выбор*, не ища себе оправданий в специфике самой жесткой и бесчеловечной «системы», которой, безусловно, являлся фашизм. В этом отношении выводы Н.П. Барановской представляются нам не продуктивными и не до конца аргументированными, а тема предпосылок чернобыльской катастрофы оказывается не раскрытой, порождающей больше вопросов, чем дающей ответов.

Основной сферой научных интересов Барановской являются первоначальные усилия министерств и ведомств, республиканских и союзных властей, направленные на минимизацию последствий аварии 26 апреля 1986 г., информационная ситуация в стране (приведшая, как ей представляется, к падению доверия общества к власти), основные пути решения возникавших проблем (в первую очередь – инженерно-технологических и медико-биологических), история сооружения объекта «Укрытие», влияние катастрофы на здоровье и судьбы людей зоны отчуждения и прилегающих территорий, порожденные аварией повышение активности общества и усилия украинского государства по нормализации жизни после Чернобыля. Анализируя данный перечень, необходимо признать, что чернобыльская тема используется в данном случае в качестве фундамента новой национальной истории Украины, обоснования закономерности распада СССР и даже – предопределенности и благотворности влияния этого события. «Широкий круг читателей», к которым обращено большинство работ Н.П. Барановской, должен задумываться не столько о необходимости борьбы с халатно-

стью, жадной наживы, безалаберностью и вседозволенностью, чтобы катастрофа подобная чернобыльской никогда больше не повторилась, сколько – о вреде «советского тоталитаризма», злонамеренности и бесчеловечности союзной власти и подчинявшимся им некогда республиканским лидерам. В таком подходе можно найти объяснение сносу советских памятников в современной Украине и борьбе с советской символикой. Однако «урок истории» оказывается не выученным, что, как подмечал великий русский историк В.О. Ключевский, может привести к тому, что история прочит не-радивых учеников.

Изучению особенностей освещения отдельных аспектов чернобыльской проблематики в советской и зарубежной прессе в первые два года после аварии посвятила свою статью другая украинская исследовательница-историк – О.В. Короткова³⁴. Общая логика её небольшой статьи подводит читателей к мысли об излишней осторожности сообщений отечественных СМИ 1986-1987 гг. с тенденцией к занижению и замалчиванию масштабов катастрофы на Чернобыльской АЭС, что объясняется недоучетом специфики исторического периода и носит, как представляется, субъективно-националистический оценочный характер.

Исходя из предоставленных учеными данных принимались решения об эвакуации населения опасных районов, и решались первостепенные задачи сокращения радиационных выбросов из тлеющего реактора. Информирование населения в первые часы аварии было не только невозможно (поскольку степень опасности случившегося еще не была ясна), но и контрпродуктивно. Паника – как среди местного населения 30-ти километровой зоны, так и среди жителей соседних территорий в Украинской, Белорусской республиках и РСФСР (не говоря уже о странах Восточной и Центральной Европы) не только не облегчила бы задачу эвакуации, но и осложнила ведение работ по ЛПЧК. К тому же, такое развитие событий могло оказать негативное влияние на ликвидаторов, большинство из которых являлись добровольцами и считали своим долгом спасти жизни других людей, природу и экологию своей страны и мира – даже ценой своей жизни и здоровья.

В аналогичном, оценочно-обвинительном ключе характеристики общественно-политической ситуации пост-аварийной истории Чернобыля пишут и украинские публицисты³⁵. Их журналистские расследования призваны привлечь внимание общественности к случившейся беде. Но далее это внимание перенаправляется на поиск виновных, причем часто вовне.

---

³⁴ Короткова О.В. До питання про особливості висвітлення Чорнобильської катастрофи в радянській і зарубіжній пресі (1986-1987 рр.) // Сторінки історії. 2011. № 32. С. 178-185.

³⁵ Ярошинская А.А. Чернобыль. Совершенно секретно. М., 1992; Ковалевская Л. Чернобыль «ДСП». – К.: «Абрис», 1995. – 328 с.; Ярошинская А.А. Чернобыль 20 лет спустя. Преступление без наказания. – М.: Время, 2006. – 639 с.; Ярошинская А.А. Чернобыль. Большая ложь. – М.: Время, 2011. – 478 с.

В российской исторической науке акцент чернобыльской темы смещен на события, происходившие после аварии, включая героический подвиг ликвидаторов и проблемы и перспективы развития территорий, пострадавших в 1986 г.³⁶ Появилась даже своеобразная чернобыльская «регионалистика», характеризующая вклад отдельных территорий бывшей РСФСР в ликвидацию последствий катастрофы³⁷.

Единственная найденная нами русскоязычная работа, затрагивающая вопросы строительства и начального этапа эксплуатации Чернобыльской АЭС – хотя бы на научно-популярном, публицистическом уровне – ограничивает этот раздел от силы семью-восемью страницами (с учетом множества фотографий)³⁸. Основная часть этого материала представляет собой выборку из рассекреченных СБУ документов КГБ УССР. Часть из них пересказаны составителями. Другие – процитированы полностью. Информация документов не анализируется и не сопоставляется с другими источниками, описание за редким исключением представляет собой благостно-безмятежную картину передовой стройки Советского Союза, где, по воспоминаниям одного из очевидцев «очень хорошо было организовано общественное питание»³⁹; где «очень быстро» возводился «зеленый» и «ухаженный» «райский уголок» – город Припять⁴⁰; где труд эксплуатационников, строителей и монтажников «был отмечен правительственными наградами»⁴¹.

На Западе авария на Чернобыльской АЭС, её экологические, медицинские, биологические и социально-политические последствия привлекли внимание целого ряда исследователей, работы некоторых из которых особенно интересны с точки зрения исторической науки, социологии, политологии, и даже – гендерных исследований⁴².

---

³⁶ Социально-экономические проблемы и перспективы развития территорий, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС» / Под общей редакцией доктора технических наук, профессора Матвеева А.В. – Брянск, 2006. – 208 с.

³⁷ Бондаренко В.И. Вклад регионов России в ликвидацию последствий чернобыльской катастрофы (на примере Краснодарского края) // Теория и практика общественного развития, № 1, 2014, с. 300-303; Чернобыль. Труд и подвиг. Красноярским ликвидаторам Чернобыльской аварии посвящается. – Красноярск: Поликор, 2011. – 304 с.

³⁸ Чернобыль. Труд и подвиг. Красноярским ликвидаторам Чернобыльской аварии посвящается. – Красноярск: Поликор, 2011. – 304 с.

³⁹ Там же, с. 15.

⁴⁰ Там же, с. 19.

⁴¹ Там же, с. 15.

⁴² Medvedev Zh. The Legacy of Chernobyl. – New York: W.W. Norton, 1990. – 352 p.; Gould P. Fire in the Rain: The Democratic Consequences of Chernobyl. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. – 160 p.; Chernousenko V.M. Chernobyl: Insight from the Inside. Berlin and Heidelberg: Springer-Verlag, 1991, 367 p.; Mould, R.F. Chernobyl Record: The Definitive History of the Chernobyl Catastrophe. – Bristol and Philadelphia: Institute of Physics Publishing, 2000, 420 p.; Beyond Chernobyl: Women Respond / Corin, Fairburn Bass and Janet Kenny, eds. – Sydney, Australia: Envirobook, 1993.

Одним из ведущих западных историков, ранее всего обратившихся к чернобыльской проблематике, является канадский историк Дэвид Марплз, профессор университета Альберты, директор Программы Стасюка по изучению современной истории Украины⁴³ и Президент Североамериканской ассоциации белорусских исследований⁴⁴. Тема советской атомной энергетики вообще и Чернобыльской АЭС в частности появлялась в заголовках его работ неоднократно, и по сути он был первым специалистом на Западе, обратившимся к исследованию вопроса именно в историческом ключе, фактически сразу после катастрофы на Чернобыльской АЭС⁴⁵.

После рассекречивания и публикации материалов КГБ УССР в 2001 г., профессор посвятил анализу этих документов статью в журнале «Евразийская география и экономика» с говорящим названием «Чернобыль: переоценка»⁴⁶. Примечательно, что Д. Марплз к 2004 году не нашел ни одной научной публикации, в основу которой был бы положен анализ столь значительного комплекса секретных ранее документов⁴⁷. По мнению исследователя, данные источники заслуживают «самого пристального внимания, как для подтверждения уже имеющихся знаний, так и с целью привлечения новой информации», которая способна пролить свет на понимание «запутанной и хаотичной ситуации после разрушения четвертого реактора на Чернобыльской АЭС».

С помощью этих документов историк хотел найти целый ряд ответов. Была ли безопасность первостепенным вопросом в работе советских АЭС? Были ли – исходя из прямых или косвенных упоминаний в документах – аварии, предшествовавшие чернобыльской и превосходившие её по масштабам? И были ли таковые вообще? Какова была разница между официальными сообщениями властей в первые недели и месяцы после катастрофы и фактами, изложенными в сообщениях КГБ? Возможно ли, имея доступ к этим фактам, более точно оценить эффективность действий советских властей в ситуации столь масштабной катастрофы? Как была проведена эвакуация? И в какой мере население было проинформировано властями?

С учетом небольшого объема статьи и, возможно, отсутствия у автора опыта работы с документами советских ведомств, включая КГБ, качественного и обстоятельного анализа не вышло. Д. Марплз цитировал отдельные, приведенные в секретных специальных сообщениях факты, но при

---

⁴³ Stasiuk Program for the Study of Contemporary Ukraine.

⁴⁴ The North American Association for Belarusian Studies.

⁴⁵ Marples D.R. Chernobyl & Nuclear Power in the USSR. – London: The Macmillan Press, 1987; Marples D.R. The Social Impact of the Chernobyl Disaster. – London: The Macmillan Press, 1988; Marples D.R. Belarus: From Soviet Rule to Nuclear Catastrophe – Edmonton, AB: The University of Alberta Press, 1996; Marples D.R. Nuclear Energy and Security in the Former Soviet Union. – Boulder, CO: Westview Press, 1997.

⁴⁶ Marples D.R. Chernobyl: a Reassessment. // Eurasian Geography and Economics, Volume 45, Issue 8, 2004, pp. 588-607.

⁴⁷ Ibid, p. 589.

этом мог упустить множество сопутствующих обстоятельств. В частности, будучи изначально уверен в том, что сотрудники областного киевского КГБ были подчинены непосредственно своему московскому начальству, республиканские власти были «бессильны», а союзные – «в корне некомпетентны» – Марплз игнорирует целый ряд аспектов, которые представляются важными как для общего понимания темы, так и для ответов на поставленные им вопросы.

В частности, исследователь ни разу не проводит сравнения по датировке документов, не видит разницы между сообщениями областных контрразведчиков республиканскому начальству и республиканского начальства – ЦК КПУ. И тем более – делает ошибочные выводы о «некомпетентности» союзных властей – не обращая внимания на возможность привлечь для сравнения документы КГБ СССР, весьма подробно сообщавшие ЦК КПСС о ситуации на строящейся Чернобыльской АЭС. Приводя цитаты о горячих частицах на местности, появившихся в 30-ти километровой зоне вокруг АЭС вследствие аварии 9 сентября 1982 г., историк игнорирует значительную разницу в формулировках сообщений, обращенных республиканским властям (для которых последствия попадания таких частиц должны ассоциироваться только с возможностью «серьезных заболеваний»), и направленных республиканскому КГБ (где речь идет о вероятности летальных исходов). Озвучивая обе формулировки, Марплз лишь отмечает отсутствие ссылок на умерших.

Есть в статье и фактическая ошибка: историк с уверенностью заявляет, что об аварии 9 сентября 1982 г. не было никаких официальных сообщений, хотя именно эта авария, как и события при пуске Армянской АЭС впервые озвучивались в передовицах «Правды». Г.У. Медведев полагал, что связано это было с влиянием Ю.В. Андропова, ставшего генеральным секретарем ЦК КПСС⁴⁸. Кроме того, Д. Марплз ставит знак равенства между физическими процессами и сутью испытаний, проводившихся при аварии 1982 г. и 1986 г. Тот факт, что в первом случае официально никаких экспериментов не проводилось и авария произошла при запуске реактора после планового ремонта, когда мощность достигла 20 %, а при катастрофе 26 апреля 1986 г. шел *обратный процесс* снижения мощности для вывода блока в ремонт – исследователь игнорирует. Но эти различия имеет смысл переадресовать физикам-ядерщикам и специалистам по реакторам РБМК, которые до сих пор не могут окончательно определиться с основной версией аварии, высказывая и обосновывая более сотни версий⁴⁹.

В целом, уделив вопросу строительства и функционирования ЧАЭС около 1/5 части статьи, Д. Марплз не делает в этом отношении серьезных

---

⁴⁸ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь, с.34.

⁴⁹ Кравец И.А., Вышинский В.А. Вступительное слово: не загадка, а разгадка! / Н. В. Кравчук. Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования) / [Текст]. – М.: АИРО–XXI, 2011. С.6.

выводов. Открытием для него становится мысль о том, что в СССР длительно существовала целая система недочетов при строительстве АЭС. Проиgnорировав весомое предупреждение областного КГБ, высказанное на начальной стадии реализации чернобыльского проекта (об отсутствии у республики опыта в сооружении и эксплуатации такого рода объектов), Д. Марплз экстраполировал имеющиеся в документах данные, характеризующие строительство украинской АЭС, на все атомные станции Советского Союза.

Сами по себе документы КГБ, составленные в целях повышения безопасности объектов атомной энергетики, не воспринимаются историком в качестве значимой части защитного механизма советских АЭС. Мысля категориями, присущими западной системе ценностей, Д. Марплз ищет и, совершенно логично, не находит черт, которые для него близки и понятны. В СССР не было аналогичных американским и канадским институтам эксплуатации объектов «мирного атома». Да и сами АЭС, не являясь частными компаниями, работали по совершенно иным, отличным от западных, принципам. И принципы эти, которые необходимо было понять и охарактеризовать для целостного отображения чернобыльской темы, оказались, как представляется, вне видения канадского историка.

Таким образом, подводя итоги историографического обзора, приходится констатировать, что наименее изученным является вопрос строительства и эксплуатации Чернобыльской АЭС до событий 26 апреля 1986 г. Печально знаменитая техногенная катастрофа беспрецедентных масштабов словно «возникает из ниоткуда». Либо сразу и «безошибочно» рождается стараниями некоей «системы», представляющей собой априорное, глобальное зло. Большинству исследователей важны, скорее, последствия, а не предпосылки или причины аварии. Поскольку именно с помощью устранимых фактов последствий можно управлять общественным сознанием, доказывая несостоятельность концепции мирного атома, или необходимости формирования обособленной национальной идентичности – как это успешно реализовали на примере Украины и всё ещё работают в белорусском вопросе⁵⁰.

Столь явный диссонанс настоятельно требует как изучения вопроса сооружения и эксплуатации ЧАЭС в 1970-1986 гг., так и использования новых методологических подходов и инструментария, дабы уйти, насколько

---

⁵⁰ Ежегодно в Беларуси проводится акция «Чернобыльский шлях», в которой традиционно принимают участие либералы и оппозиционеры. Некоторые исследователи описывают катастрофу с точки зрения её последствий конкретно для Украины и Беларуси (даже упомянув мимоходом о 700 тысячах жителей, пострадавших от радиации на территории России, но пренебрегая ими в названии и в самом нарративе). См., например: Marples D.R. The Chernobyl disasters Its effect on Belarus and Ukraine / The long road to recovery: Community responses to industrial disaster / Edited by James K. Mitchell. – New York: United Nations University Press, 1996.

это возможно, от политизированного субъективизма. Но прежде всего необходимо проанализировать потенциал ставших доступными историкам документов, т.е. тех возможностей, которые предоставляют исследователям сохранившиеся, рассекреченные, опубликованные и, частично, введенные уже в научный оборот источники.

ИСТОЧНИКИ ПО ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА И ЭКСПЛУАТАЦИИ ЧАЭС

История атома – как мирного, так и тем более военного – всегда была закрытой темой для мировой и отечественной исторической науки. Вплоть до распада Советского Союза практически невозможно было представить ситуацию, при которой сверхсекретные материалы спецслужб – районного, областного, республиканского и союзного управлений Комитета государственной безопасности – стали бы доступны не только специалистам, составляющим своеобразные «летописи» разведки и контрразведки (при написании исследований с пометкой «ДСП» – «для служебного пользования»), но и обычным историкам, не говоря уже о широкой общественности. Исчезновение с политической карты мира крупнейшего государства – СССР – и появление на его месте 15 новых, независимых государств сделало невозможное возможным. Особенно при учете той роли, которую КГБ сыграло в попытке государственного переворота в августе 1991 г., когда от ведомства отказалось как союзное руководство, так и власти РСФСР. После того, как советская армия нарушила приказ, хоть и преступный, представителей ГКЧП, и перестала быть армией в полном смысле этого слова, для Б.Н. Ельцина «комитетчики» оставались последней преградой на пути к единоличной власти в собственной, обособленной стране (РСФСР-РФ). М.С. Горбачев же был попросту обижен представителями спецслужбы и пошел по предложенному Ельциным пути, мало представляя возможные последствия. Когда не стало последней структуры, стоящей на страже безопасности государства, совершенно закономерно не стало и государства.

Для истории «мирного атома» и самой серьезной из аварий на советских АЭС – чернобыльской катастрофы 26 апреля 1986 г. – самым значительным аргументом в пользу рассекречивания всех имевшихся к декабрю 1991 г. документов стал географо-националистический фактор. Окажись аварийная ЧАЭС на территории Беларуси или, к примеру, Брянской области Российской Федерации, и судьба этих источников могла оказаться иной. Власти новой независимой Украины изначально делали ставку на формирование национальной идеи в рамках западно-украинской идентичности, наиболее значимым и враждебным «Другим» для которой являются русские («российские»).

Здесь, в контексте последних мировых событий, представляется необходимым разъяснить специфику ситуации, в большей степени близкую и

понятную специалистам по международным отношениям, политологам, социологам и этнологам – представителям смежных для истории наук. Каждый народ, так или иначе, создает свой, особенный исторический нарратив – национальную историю для «внутреннего пользования». В ней, на основе ведущей государственной идеи или официальной идеологии обозначаются приемлемые и не приемлемые трактовки, стратегически значимые направления, темы первостепенной важности. На выбор таковых влияет тот способ, который избран нацией (в мононациональной стране) или государством (в стране многонациональной). Национальную идентичность можно строить на фундаменте общих, объединяющих идей и тенденций, общих достижений и общих ошибок, которые всегда найдутся в прошлом любого народа. Но проще и эффективнее в краткосрочной перспективе объединяться *против* кого-то, превращая «Другого» для данной национальной идентичности в образ врага.

Для Украины с её сложной историей, в которой была и затяжная гражданская война (Руина, 50-е–80-е годы XVII века), и период польско-литовского (Речи Посполитой) и австро-венгерского господства, и многовековое вхождение в состав Российской империи и советского государства, более чем вековая разделенность Востока и Запада страны, противоречия языкового (диалектного) и религиозного свойства – самым сложным, но действенным путем объединения стал бы именно поиск общности.

Но гораздо быстрее и, как казалось идеологам Руха⁵¹, эффективнее было *объединяться против*. Однако у Восточной (левобережной) и Западной (правобережной) Украины были разные «Другие». В памяти первых присутствовал образ «польских панов», уничижительно называвших украинских холопов «быдлом». В памяти западных украинцев, длительно живших в составе Речи Посполитой, Австро-Венгрии, а затем и Польши, присутствовало стойкое неприятие всего русского и, в особенности, советского. Причины были вполне понятны: деструктивное по сути движение последователей С. Бандеры, сторонников ОУН (Организации украинских националистов) и УПА (Украинской повстанческой армии) в 1940-е – 1970-е гг. подверглось не просто гонениям, но истреблению советскими силовыми структурами. НКВД, а затем и КГБ боролось с «бандеровцами», которые по отдельным свидетельствам присутствовали в действительности советской Украины весьма долго, организуя террористические акты, грабя и убивая население собственной страны ради благой, как им представлялось, цели «самостийности» – национальной независимости.

Идеологи нового независимого украинского государства в 1989–1991 гг. встали на позиции «объединения против», а «Другим» новой национальной идентичности были избраны русские. На таком фундаменте нача-

---

⁵¹ «Рух» – украинская политическая партия, созданная в 1989 г. и имевшая решающее влияние на выход Украинской ССР из союзного государства.

ли формировать и новую историю, для которой неотъемлемой частью создаваемого «образа врага» стало и все советское. Тема Чернобыля оказалась как никогда кстати – она без каких-либо усилий позволяла наглядно продемонстрировать не просто отрицательное влияние «врага», но и глобальный, ощущаемый каждым украинцем вред, причинённый абстрактной «системой». Любой желающий наполнял этот образ своим смыслом, получая свой собственный результат. Таким образом на Западе страны за «системой» легко угадывали «Кремль», а на Востоке поначалу видели только недочеты советской действительности.

Для наибольшей наглядности под популистским, во многом, лозунгом снятия секретности с вопросов, касающихся экологии, в 1994 г. украинскими властями был издан закон «О государственной тайне», позволивший сделать достоянием общественности ту часть украинских архивов, в которых содержались засекреченные ранее документы, касавшиеся Чернобыля. Историки и сотрудники архивов принялись за серьёзную и обстоятельную работу отбора, сканирования и перепечатки документов, подготовки комментариев и последующей публикации наиболее интересных, как им представлялось, источников.

Наибольший интерес для нас представляет та часть документов, которая относится к событиям до 26 апреля 1986 г. – доаварийному периоду, в котором, как представляется, необходимо искать предпосылки этой масштабной техногенной катастрофы. С этой точки зрения важно упомянуть уникальный сборник документов, выпущенный Архивом Службы безопасности Украины к пятнадцатилетию трагедии в 2001 г. в рамках периодического издания с соответствующим названием⁵².

В предисловии справедливо отмечалось, что в 1990-е годы появилось большое количество работ, ставивших своей целью анализ причин и масштабов катастрофы, освещение отдельных направлений деятельности государственных органов власти по преодолению ее последствий. Издания эти носили чаще публицистический характер и основывались на воспоминаниях, наблюдениях, выводах непосредственных участников событий, связанных с аварией на ЧАЭС, имея, в связи с этим, «несколько тенденциозный характер», не позволяющий объективно исследовать причины и предпосылки аварии, проанализировать ее последствия и оценить степень эффективности государственных мер по их локализации⁵³. Редактор-составитель издания справедливо замечал также, что на этом фоне почти отсутствовали документально обоснованные исторические исследования, направленные на то, чтобы сформулировать не эмоциональные, предвзятые, но *научные выводы* по обозначенным вопросам. Причиной тому была

---

⁵² З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001 – Чорнобильська трагедія в документах та матеріалах / Автор: Гол. редактор Юрій Данилюк. – Київ: Сфера, 2001. – 526 с.

⁵³ Данилюк Ю. Передмова. / З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001 – Чорнобильська трагедія в документах та матеріалах..., с. 19.

длительная закрытость для историков подавляющей части документов по чернобыльской проблематике.

Безусловно, издавались отдельные сборники документов государственных, партийных, хозяйственных, научных архивов, материалов отдельных ведомств и организаций⁵⁴. Однако среди них практически отсутствовали документы советских органов государственной безопасности, содержавшие гриф «секретно» или «совершенно секретно» и имевшие определенные сроки, в течение которых не могли быть обнародованы. Доступ к материалам по чернобыльской проблематике в советское время был, к тому же, строго регламентирован многочисленными общесоюзными и ведомственными инструкциями. Отныне такие препоны снимались. Важность данного обстоятельства трудно было бы переоценить.

Чернобыльская атомная электростанция им. В.И. Ленина как объект стратегического значения находилась под постоянным пристальным вниманием КГБ УССР с первого дня строительства. АЭС фактически являлась сферой ответственности контрразведки, сотрудники которой, в процессе осуществления оперативно-розыскных мероприятий, должны были следить за всеми аспектами выполнения строительно-монтажных работ, поставок оборудования, соблюдения технологических норм эксплуатации станции, правил пожарной и радиационной безопасности, охраны от посторонних и даже своих, если их деятельность могла носить диверсионный характер. В этом смысле документы управления Комитета государственной безопасности по г. Киеву и Киевской области, а также КГБ Украинской ССР являются уникальным в своём роде источником, позволяющим историкам реконструировать процессы строительства и эксплуатации, «повседневность» и кризисные, аварийные эпизоды из жизни Чернобыльской АЭС.

Изданный под эгидой Архива СБУ сборник включает 121 документ, охватывающий период 1971–1988 гг. Это в основном специальные и информационные сообщения, справки, докладные записки, направлявшиеся областным киевским УКГБ республиканскому начальству ведомства, а также республиканскими комитетчиками на Лубянскую площадь в Москву или партийному руководству Украинской ССР. Отдельные документы касаются одного и того же события, в основном – нестандартных, аварийных ситуаций, что позволяет сопоставлять степень информированности республиканских властей, качество работы республиканских контрразведчиков и то, насколько оперативно решались (и решались ли вообще) те или иные поднятые в данных источниках вопросы.

Как отмечал главный редактор издания, тексты документов были опубликованы «на языке оригинала [русском – О.Д.] по современному

---

⁵⁴ Ярошинская А. Чернобыль. Совершенно секретно. – М., 1992; Чернобыль: Пять трудных лет (сборник материалов). М., 1992; Чернобыль: проблемы здоров'я населения. Збірник документів і матеріалів у 2-х частинах. – К., 1995; Чернобыльская трагедия. Документы и материалы. – К., 1996.

правописанию с сохранением стилистических и языковых особенностей». Подавляющее большинство документов печаталось полностью, а сокращения в некоторых из них, сделанные исходя из требований действующего законодательства, касались в основном упоминания персоналий, в частности, оперативного персонала Чернобыльской АЭС, администрации, жителей окрестных территорий, и не меняли общего содержания. Орфографические ошибки в тексте документов были «исправлены без оговорок»⁵⁵, что также не искажало основного их смысла.

При подготовке данного специального выпуска журнала «Из архивов ВЧК-ОГПУ-НКВД-КГБ» украинскими историками отбирались наиболее характерные, на их взгляд, и информативно насыщенные документы, дающие целостное представление не только о предпосылках, обстоятельствах и последствиях аварии, но и проблем и просчетов при организации работ по локализации и ликвидации катастрофы. Тематически данные документальные материалы охватывают значительный перечень вопросов от основных инженерно-технических характеристик проекта строительства Чернобыльской АЭС, фактов нарушений технологии производства строительно-монтажных работ при сооружении отдельных энергоблоков станции и проблем и недостатков социально-бытового обеспечения строительного и эксплуатационного персонала ЧАЭС до результатов расследования причин внеплановых остановок энергоблоков станции и возникновения других аварийно-опасных ситуаций в доаварийный и послеаварийный периоды.

Более 80 % документов сборника посвящены таким аспектам чернобыльской темы, как ход предварительного расследования причин и обстоятельств взрыва 4-го энергоблока Чернобыльской АЭС 26 апреля 1986 года; экономические, экологические и медико-биологические последствия аварии; основные направления деятельности партийных, государственных органов, научно-исследовательских учреждений и организаций по управлению комплексом мероприятий по смягчению пагубных последствий чернобыльской катастрофы; главные проблемы социально-бытового, материального и медицинского обеспечения участников ликвидации последствий аварии, пострадавшего населения, а также жителей населенных пунктов зоны усиленного радиозэкологического контроля; результаты анализа технического состояния и радиационной безопасности объекта «Укрытие» Чернобыльской АЭС, основные инженерно-технические и организационно-кадровые проблемы преобразования его в экологически безопасную систему; общие проблемы повышения безопасности эксплуатации действующих в Украине объектов атомной энергетики.

Периоду, предшествовавшему катастрофе 26 апреля 1986 г., посвящены 20 документов данной коллекции. Они дают возможность впервые

---

⁵⁵ Данилюк Ю. Передмова. / З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001 – Чорнобильська трагедія в документах та матеріалах..., с. 22.

приоткрыть завесу тайны с аспектов, которые могли способствовать развитию событий по аварийному сценарию и дать ответы на целый ряд вопросов. Чем жили и к чему стремились строители и эксплуатационники, представители администрации станции и партийных региональных и республиканских органов власти? В какой мере справлялись со своими обязанностями сотрудники Комитета государственной безопасности различных уровней? Какой Чернобыль создавался их общими трудами? Было ли предопределено его будущее? Другими словами, оказалась ли катастрофа закономерным финалом, или трагической случайностью?

Для ответов на эти и связанные с ними вопросы необходим скрупулёзный анализ рассматриваемых документов, сопоставление их с другими доступными историческими источниками, учет изменений в их структуре и особенностях оформления, датировке резолюций, смене адресатов. Необходимо принимать во внимание и возможность ошибочной информации, излишней бдительности, или, напротив, определенной недоработки авторов того или иного источника. Значимым аспектом анализа документов КГБ видится и учет структуры ведомства, претерпевавшей изменения в интересующий нас период.

Говоря о специфике документов КГБ касающихся Чернобыльской катастрофы, необходимо отметить, что они, в отличие от материалов других государственных учреждений, носят не узкоспециализированный, а комплексный характер. Это обстоятельство позволяет сделать достаточно полный, системный анализ всего спектра чернобыльских проблем, как в доаварийный, так и в последовавший периоды, что может быть задачей для последующего, комплексного исследования.

В тех случаях, когда для прояснения отдельных вопросов, интересовавших нас процессов строительства и эксплуатации Чернобыльской АЭС до 1986 г., данных, представленных в рассекреченных СБУ документах республиканского Комитета государственной безопасности, оказывалось недостаточно, привлекались другие источники.

Это, в первую очередь, документы Архива Производственного объединения «ЧАЭС» и Центрального государственного архива объединений Украины (ЦДАГО), рассекреченные и опубликованные в рамках уникального издания, посвященного десятой годовщине катастрофы на Чернобыльской АЭС⁵⁶. Его тираж – тысяча экземпляров – и участие в подготовке к публикации и комментариях будущего ведущего украинского историка, специализирующегося на чернобыльской проблематике, делали издание библиографической редкостью, способной пролить свет на значительный круг неизвестных ранее проблем. И хотя, в отличие от документов КГБ УССР, здесь присутствовали весьма специфические источники, относящиеся к административно-хозяйственной деятельности дирекции АЭС, строитель-

---

⁵⁶ Чернобыльська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996. – 784 с.

но-монтажным работам, требованиям и рекомендациям партийных и государственных органов, материалам плановых проверок эксплуатационной деятельности станции, некоторым социально-экономическим вопросам – это не умаляет их значимости.

Сами издатели отмечали, что в сборнике впервые публиковались документы и материалы 1967-1995 гг., раскрывавшие широкий круг вопросов – от истории строительства Чернобыльской АЭС, до аварии и послеварийному состоянию самой станции и Украины в целом, включая мероприятия государственных, научных, общественных организаций и ведомств по ликвидации последствий катастрофы в сферах экономики, экологии, социальной политики и охраны здоровья. Именно поэтому данный почти 800-страничный том мог стать «незаменимым помощником в системном анализе чернобыльской проблемы» и был адресован историкам, социологам, медикам, физикам-ядерщикам и всем неравнодушным к истории Украины⁵⁷.

В рамках темы строительства и эксплуатации Чернобыльской АЭС до 26 апреля 1986 г. материалы сборника оказались полезны для прояснения отдельных вопросов, связанных с вовлеченностью административного персонала станции в общественную жизнь отрасли, с первоначальными планами последующего развития ЧАЭС, с результативностью ведомственных проверок, состоянием материально-технического и социально-бытового обеспечения станции и строительства.

Из вошедших в сборник 508 документов наибольший интерес для нас представляли первые 45, охватывающие период 1967 – начала 1986 гг. В них отразились как чаяния руководства АЭС в вопросах строительства и даже ремонта едва достроенной станции, так и претензии республиканского партийного руководства к неспособности чернобыльских строителей уложиться в сроки и плановые показатели проекта, а также отдельные факты аналогичных нарушений по другим строившимся в Украинской ССР атомным электростанциям. Около половины документов сборника были представлены на украинском языке, что потребовало от автора исследования дополнительных усилий.

В отдельных случаях нами привлекались воспоминания очевидцев и непосредственных участников событий. В этом отношении наибольший интерес представляют свидетельства инженера-атомщика Г.У. Медведева, входившего некогда в состав эксплуатационников Чернобыльской АЭС, а после аварии 26 апреля 1986 г. участвовавшего в расследовании её причин и документировавшего воспоминания участников катастрофы из числа персонала и администрации станции⁵⁸. Немалый интерес для нас представляли и мысли бывшего строителя, а в дальнейшем представителя местной

---

⁵⁷ Там же, с. 4.

⁵⁸ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь / Медведев Г.У. Ядерный загар. – М.: Книжная палата, 1990.

партийной номенклатуры – председателя Горисполкома г. Припяти В.П. Волошко⁵⁹.

Важным источником дополнительных сведений, необходимых для понимания специфики времени, стало для нас публицистическое исследование А.Е. Хинштейна, посвященное эпохе Л.И. Брежнева⁶⁰. В нем впервые использовались дневниковые записи главы государства и материалы его личного архива, позволившие политику и публицисту Хинштейну высказать весьма интересную в контексте нашей работы гипотезу о главе Украинской ССР как потенциальном преемнике Л.И. Брежнева.

СТРОИТЕЛИ ЧАЭС ИМ. В.И. ЛЕНИНА В ЗЕРКАЛЕ РАССЕКРЕЧЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

Сооружение Чернобыльской атомной электростанции имени В.И. Ленина в соответствии с решением XXIV Съезда КПСС началось в 1970 г. вблизи деревни Копачи Чернобыльского района Киевской области УССР, на левом берегу реки Припять. Проект АЭС повторял принципиальные решения строившихся Ленинградской и Курской атомных электростанций и был разработан Уральским отделением ВГПИ Теплоэлектропроект. Дирекция строившейся АЭС в административно-хозяйственном отношении была подчинена Главатомэнерго Минэнерго СССР. При этом генеральным подрядчиком строительства являлся «Кременчуггэсстрой», который хотя и подчинялся Главатомэнергострою Министерства энергетики и электрификации Союза, но был представлен местными специалистами республики.

Описывая схему работы ядерно-энергетической установки и вопросы радиационной безопасности АЭС, сотрудники 2-го Управления КГБ при Совете министров УССР в специальной «Справке по Чернобыльской АЭС»⁶¹ опирались на «материалы Минэнерго УССР» и практику эксплуатации специальных и энергетических реакторов в СССР и за рубежом, «почерпнутые из открытой печати». Особо подчеркивалось, что «Минэнерго УССР другой информацией не располагает и опыта эксплуатации

---

⁵⁹ Волошко В.П. Город, погибший в 16 лет [Электронный ресурс] // Pripyat.com: общественный проект, неофициальный сайт г. Припять. 2004-2015. URL:

<http://pripyat.com/people-and-fates/gorod-pogibshii-v-16-let.html> (доступ 20.05.2015.)

⁶⁰ Хинштейн А. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.

⁶¹ Справка по Чернобыльской АЭС. 2 Управление КГБ при СМ УССР от 19 сентября 1971 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 2–9. Завірена копія. Машинопис // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001 – Чорнобильська трагедія в документах та матеріалах. С.23-27.

атомных электростанций не имеет». В последнем абзаце документа высказывалась практическая рекомендация, предполагавшая, что «вопросы подбора, расстановки и обучения строительного-монтажного и эксплуатационного персонала Чернобыльской АЭС должны проводиться более тщательно, чем на обычных энергетических предприятиях, т.к. последствия халатного или злоумышленного отношения и действий персонала АЭС могут привести к более тяжелым и опасным для окружающих последствиям»⁶².

Характерно, что в основной части девяти страничного документа с грифом «Секретно» помимо подробной информации о принципах работы АЭС содержались в основном успокаивающие фразы и умозаключения. Например, утверждалось, что предложенный проект «позволяет обеспечить нормальную, безопасную эксплуатацию АЭС при экономном выполнении строительной части по расходу стройматериалов»⁶³, а отечественный и зарубежный опыт эксплуатации, выбранной для ЧАЭС одноконтурной схемы, «достаточно убедительно показывает», что действующие аналоги «имеют удовлетворительную радиационную обстановку»⁶⁴. При этом контрразведчики признавали, что «более существенным аспектом радиационной безопасности является загрязнение внешней среды радиоактивными выбросами», а в этом отношении проект ЧАЭС (одноконтурной схемы) был уязвим, хоть об этом и не говорилось напрямую. Авторы «Справки» отмечали лишь, что «создание каких-либо локализирующих устройств (типа герметичных защитных оболочек над реакторами водо-водяного типа) по условиям коллигановки схемы конструктивно практически невозможно и экономически нецелесообразно»⁶⁵.

Предостережение, высказанное специалистами 2-го Управления КГБ украинской республики в 1971 г., в значительной мере оправдалось. В Постановлении ЦК КПУ и Совмина УССР от 2 декабря 1971 г. уже содержались указания на *некачественное и несвоевременное выполнение строительного-монтажных работ* при возведении Чернобыльской АЭС. В частности, в документе речь шла о том, что управлению строительства «Кременчуггэсстрой» необходимо «принять меры для улучшения организации строительного-монтажных работ» при возведении ЧАЭС и «обеспечить безусловное выполнение установленных народнохозяйственным планом заданий»⁶⁶, поскольку за 10 месяцев года план был выполнен только на 93%, на строительстве не хватало автотранспорта, экскаваторов, бульдозеров и ав-

---

⁶² Там же, с.27.

⁶³ Там же, с.25.

⁶⁴ Там же.

⁶⁵ Там же, с.26.

⁶⁶ Постановление Центрального Комітету Компартії України і Ради Міністрів Української РСР «Про заходи розвитку атомної енергетики Української РСР на 1971-1980 рр.» від 2 грудня 1971 р. / ЦДАГО, ф. 1, оп. 10, спр. 939, арк. 53-58. Копія / Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.22.

токранов; допускались «большие потери рабочего времени из-за несвоевременных поставок металлоконструкций, труб, цемента, кирпича и других материалов»⁶⁷. Отмечались и недоработки республиканских проектных институтов «Укрگیпротязмаш» (г. Харьков) и «Гипрохиммаш» (г. Киев), которые «не обеспечили своевременную разработку технических проектов на строительство и реконструкцию Харьковского турбинного имени Кирова и Сумского насосного заводов»⁶⁸. Отставало от плановых графиков и возведение Краматорского завода литья иковки.

Эти факты, тем не менее, не помешали ЦК КПУ и Совмину УССР требовать от *недостроенных и не прошедших необходимой реконструкции* предприятий обеспечить изготовление и поставку основного оборудования для Чернобыльской, Южноукраинской, Ровенской атомных электростанций в количествах и в сроки, установленные планом. А в качестве мер воздействия на предприятия, не выполняющие поставленные задачи – в частности, на Краматорский и Сумской заводы – предполагалось включить их в список предприятий и учреждений из ведомственного жилья которых допускалось «выселение в судебном порядке без предоставления жилой площади рабочих и служащих, которые прекратили трудовые отношения в связи с увольнением по собственному желанию, либо за нарушения трудовой дисциплины или совершение преступления»⁶⁹. Психологическое давление на людей увеличивалось, а мотивации работать лучше не создавалось.

По данным на апрель 1972 г. более 30 % инженерно-технических должностей на строительстве Чернобыльской АЭС занимали лица без специального образования или практики – по недосмотру руководства «Кременчуггэсстроя», самой ЧАЭС и местного домостроительного комбината. Серьезного улучшения требовало бытовое обслуживание и общественное питание строителей, обеспеченность инвентарём и бытовыми помещениями (а было их 40 % от необходимых), ускорение строительства столовых и предприятий торговли, коммунального и бытового назначения. Виновными в этих недоработках «назначались» Минэнерго УССР, Министерство бытового обслуживания населения и Министерство коммунального хозяйства республики, а также Киевский облисполком. Значительные упущения отмечались и в работе парторганизации управления строительства АЭС, слабо занимавшейся «идейно-политической и воспитательной работой среди трудящихся», не проявлявшей «необходимой требовательности к хозяйственным руководителям за выполнение установленных планом работ, улучшение бытовых и производственных условий рабочих»⁷⁰.

---

⁶⁷ Там же, с.21.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Там же, с.22.

⁷⁰ Постанова Центрального Комітету Компартії України і Ради Міністрів УРСР «Про хід будівництва Чорнобильської атомної електростанції» від 14 квітня 1972 р. / Архів

С целью улучшения строительства Чернобыльской атомной электростанции ЦК КПУ и Совмин Украинской ССР своим постановлением от 14 апреля 1972 г. предписывал *в первую очередь* обеспечить выполнение планов строительства, ликвидировать недостатки в организации строительно-монтажных работ, и даже «преобразовать строительную площадку электростанции в образцовую стройку республики»⁷¹. Вторым пунктом значилось утверждение мероприятий по улучшению строительства объектов ЧАЭС. И лишь на третьем месте стояли мероприятия по «созданию и расширению предприятий торговли, общественного питания, коммунального, бытового, транспортного обслуживания и медицинских учреждений» продумать и реализовать которые предполагалось консолидированными усилиями целого ряда республиканских министерств – от Минэнерго и Минторга, до министерств автомобильного транспорта, коммунального хозяйства, бытового обслуживания населения, минздрава, Киевского облисполкома, «Кременчуггэсстрой» и дирекции ЧАЭС⁷².

Самой впечатляющей фразой документа оказывалось предложение «*принять к сведению* [курсив мой – О.Д.], что Министерство энергетики и электрификации СССР обеспечит управление строительства Чернобыльской атомной электростанции в 1972 г.» всеми необходимыми строительными материалами, технологическим оборудованием и строительной техникой, а также «построит на протяжении 1972-1974 гг. в поселке Чернобыльской АЭС торговый центр, комбинат бытового обслуживания, хлебозавод, районный узел связи, медицинский комплекс, дворец культуры и *капитальное жилье* [курсив мой – О.Д.], предусмотренные проектом»⁷³. Не подрядные организации, включая «Кременчуггэсстрой», а *само союзное министерство построит* необходимые социальные объекты и инфраструктуру города атомщиков. И это необходимо *принять к сведению*, как должное, нечто, что произойдет независимо от любых внешних обстоятельств!

В действительности же строили именно подрядчики, с которых в рамках того же документа *в первую очередь* требовалось своевременно сдавать в эксплуатацию промышленные объекты ЧАЭС. Строительство же объектов жилья и соцкультбыта оказывалось едва ли не уже завершенным, хотя бы на бумаге (теми же самыми строителями) – ведь министерство, которому подчинялся весь комплекс ЧАЭС, включая строителей, заранее заявляло, что «построит», причем в пределах вполне конкретных сроков.

Постановление Главатомэнерго, подводившее итоги деятельности дирекции строившейся ЧАЭС за 1972 г., констатировало, что «план капитальных вложений по жилищному и культурно-бытовому строительству

ВО «ЧАЭС», ф. 10, оп. 1, спр. 16. Копія. // Чернобыльська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.27.

⁷¹ Там же.

⁷² Там же, с.28.

⁷³ Там же, с.28-29.

выполнен на 223 %, введено полезной площади в жилых домах поселка 41,1 тыс. м² (185 %)»⁷⁴. Однако своеобразным «побочным эффектом» такой активности, как следует из документа, стало снижение показателей капитальных вложений и строительно-монтажных работ по объектам производственного назначения: 59 и 79,6 % соответственно⁷⁵. Получалось, что строили, всё же, специалисты строительных подрядных организаций, а не Министерство энергетики и электрификации Союза. К тому же, строили не всегда качественно. Такой вывод можно сделать из рекомендаций «Главатомэнерго». Дирекции строящейся ЧАЭС в новом 1973 году предстояло обеспечить выполнение плановых показателей при одновременной организации «постоянного контроля за качеством проведения строительно-монтажных работ, в особенности бетонных [курсив мой – О.Д.]»⁷⁶.

Уже в августе 1976 г. строительство значительно отставало от плановых сроков, наблюдались серьёзные нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ. В частности, в апреле 1976 года «вследствие нарушения технологии бетонирования бака для жидких радиоактивных отходов емкостью 5000 кубических метров, по халатности прораба, стальная облицовка бака была деформирована», что при последующем вводе бака в эксплуатацию могло привести к утечке радиоактивных отходов через образовавшиеся на его облицовке трещины и заражению окружающей среды⁷⁷.

Неопытность сварщика и слабый контроль за качеством сварных работ со стороны лаборатории участка треста «Южтеплоэнергомонтж» привели к грубому нарушению технологии сварки сорока трёх трактов технологических каналов «низа» реактора, что могло привести во время эксплуатации системы к «появлению в зоне сварочных швов трещин и утечке через них радиоактивных компонентов в окружающее пространство»⁷⁸.

Лестницы деаэрационной этажерки были смонтированы с нарушением строительных норм и правил (СНиП) и технических условий (ТУ), с отступлениями от проекта. В результате ступени лестничных маршей имели «отклонения в геометрических размерах, трещины и околы», а в самой деаэрационной были смонтированы не предусмотренные проектом плиты ле-

---

⁷⁴ Ухвала Головатоменерго за підсумками діяльності дирекції будівництва Чорнобильської АЕС протягом 1972 р. від 2 березня 1973 р. / Архів ВО «ЧАЕС», ф. 10, оп. 1, спр. 24. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.32.

⁷⁵ Там же, с.31.

⁷⁶ Там же, с. 32.

⁷⁷ Специальное сообщение УКГБ при СМ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ при СМ УССР про систематические нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ на отдельных участках строительства Чернобыльской АЭС от 17 августа 1976 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 12-15. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.29.

⁷⁸ Там же.

стничных площадок. Степень брака была столь значительна, что могла, по мнению специалистов, «привести к обрыву лестничных маршей»⁷⁹.

Кровля машинного зала была смонтирована с пустотами, что уже весной 1976 г. привело к образованию течей и требовало ремонта. Полы из полимерных материалов на складе химреагентов и в цехе химводоочистки ЧАЭС, заливка которых производилась участком «Укрэнергохимзащита», почти на треть требовали переделки за счет удорожания стоимости работ в 1,5-2 раза. Неровности внутренних профилей при производстве опалубки и возведении стен производственных помещений АЭС потребовали дополнительной штукатурки, что увеличивало смету проекта на 30 тысяч рублей в ценах 1976 г.

Одной из причин невыполнения плановых заданий и нарушений технологий строительно-монтажных работ специалисты УКГБ по г. Киеву и Киевской области называли «недокомплект рабочей силы» (нехватка до 1500 бетонщиков, каменщиков, сварщиков, отделочников и других специалистов массовых строительных специальностей), и низкую инженерную подготовку среднего руководящего звена (прорабов, начальников участков). Другими словами, строительно-монтажный персонал ЧАЭС *не только не подбирали, не расстановивали и не обучали особым образом* – на чем первоначально настаивали представители КГБ. Профессиональных строителей попросту не хватало.

В целом из 1052 производственных помещений, которые планировалось ввести в строй при пуске 1-го энергоблока ЧАЭС в 4-ом квартале 1976 г., на 1 августа было сдано в эксплуатацию лишь 70, в отделке находились 250, а под монтажом оборудования – 161 помещение. Переход объекта в статус потенциального долгостроя связывался специалистами с задержкой в выдаче АЭС технической документации Московским институтом «Гидропроект» и Ленинградским институтом комплексного проектирования с его Новосибирским филиалом. Несвоевременной была поставка оборудования на строительство. Некачественными оказывались строительные материалы.

182 тонны сварных труб циркуляционного диаметром 2040 мм, произведенные для ЧАЭС Кураховским котельно-механическим заводом, имели серьезные дефекты сварных швов и «оказались непригодными к эксплуатации». Однако вопреки правилам их не вернули на завод-изготовитель для устранения брака, а после ремонта на АЭС в нарушение нормативов приняли под монтаж, «о чем знали главный инженер Управления строительства Луков Н.П., директор АЭС Брюханов В.П.»⁸⁰.

Срывали сроки плановых поставок или поставляли непригодное оборудование Ижорский завод им. Жданова, Сумской насосный завод, Бучан-

---

⁷⁹ Там же, с.30.

⁸⁰ Там же, с.28.

ский кирпичный завод. География предприятий, организаций и ведомств, которые вносили свой негативный вклад в «часовой механизм» будущей «бомбы» 4-го реактора Чернобыльской АЭС ширилась постоянно. Крайне плохо была поставлена и охрана объекта, что, в последствии, могло привести к диверсиям на АЭС.

На «Специальном сообщении», перечислявшем все эти вопиющие факты, отразилось две резолюции. Первая из них – от 18 августа 1976 г., первого заместителя главы КГБ УССР и члена ЦК КПУ С.Н. Мухи – предписывала начальнику 2-го Управления КГБ УССР генерал-майору Зубатенко Н.И. «подготовить спец. сообщение в ЦК». Вторая – внесенная через неделю, 24 августа, самим Н.И. Зубатенко – предполагала, что материал сообщения будет сокращен и перепроверен заместителем начальника 8-го отдела 2-го Управления КГБ СССР Н.В. Михеевым⁸¹. Временной интервал между двумя резолюциями мог свидетельствовать о недостаточно серьезном отношении к вопросу. Выполнение первого поручения напрямую зависело от второго, поскольку сокращение и перепроверка информации, переложенная Н.И. Зубатенко на одного из подчиненных, должна была предшествовать специальному сообщению для ЦК КПУ.

В любом случае, в августе 1976 года нарушения технологии строительно-монтажных работ не прекратились. Это говорило о низкой эффективности работы административно-командной системы и, конкретно, представителей партийной республиканской номенклатуры, в чей адрес и направлялись подробные сообщения, справки и служебные записки рядовых сотрудников Комитета государственной безопасности. Высшее руководство КГБ УССР также представляло собой часть номенклатуры и, вероятно, не торопилось докладывать «наверх» о недочетах в работе соседних ведомств.

Два с половиной года спустя, 17 января 1979 г., когда 1-й энергоблок АЭС работал уже более года и велось сооружение последующих, непосредственно в ЦК КПУ поступила «Докладная записка о нарушениях в строительстве Чернобыльской АЭС» за подписью Председателя КГБ УССР В.В. Федорчука. В ней факты «отступлений от проектов и нарушений технологии ведения строительных и монтажных работ», которые могли привести к авариям и несчастным случаям, описывались достаточно подробно: *«колонны каркаса машинного зала смонтированы с отклонениями от разбивочных осей до 100 мм, между отдельными из них отсутствуют горизонтальные связи, стеновые панели уложены с отклонениями от осей до 150 мм. Раскладка плит покрытия зала произведена с отступлением от предписания авторского надзора. Подкрановые пути и тормозные площадки машинного зала имеют перепады по высоте до 100 мм и местами наклонены до 8 градусов»*⁸².

---

⁸¹ Там же, с.31.

⁸² Докладная записка КГБ УССР в ЦК КПУ о нарушениях в строительстве Чернобыльской АЭС от 17 января 1979 г. / ДА СБУ. – Ф. 16. – Оп. 7 (1985). – Спр. 42. – Арк. 247-248. Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001. С.32.

Неоднократно допускалась отсыпка фундаментов производственных помещений АЭС в местах с поврежденной вертикальной гидроизоляцией, что могло привести в дальнейшем к проникновению грунтовых вод в здания и заражению окружающей среды. Нарушения в работе бетонного завода вели к снижению производительности на 50% от проектной мощности, а дозировка компонентов растворной смеси не контролировалась. Отсутствие утепления при укладке особо тяжелого бетона и перерывы в работе привели к «образованию раковин и расслоению фундамента». Подъездные пути Чернобыльской АЭС *уже в 1979 г.* находились в аварийном состоянии. Прогнившие шпалы, просадки насыпи, нарушенное расстояние между внутренними гранями головок рельсов – создавали «угрозу безопасности движения при подаче вагонов со специальными грузами»⁸³.

Специфической темой для строительства закрытого объекта особой важности стала техника безопасности и система охранной пожарной сигнализации. В результате отсутствия контроля за соблюдением ТБ только за 9 месяцев 1978 г. производственные травмы получили 170 человек (более 18 случаев ежемесячно!). Нарушение правил пожарной безопасности неоднократно приводило к возгораниям в недостроенных помещениях АЭС. Особые опасения у сотрудников КГБ вызывало отсутствие пожарной сигнализации на перегруженных строительными материалами складах Управления строительства станции.

Резолюция первого секретаря ЦК КПУ В.В. Щербицкого появилась на документе в день поступления, что говорило о понимании главой республики серьезности ситуации. Более того, оперативная, но несколько неуверенная реакция свидетельствовала о том, что ранее доклады контрразведчиков могли и не попадать на его рабочий стол. Иначе как объяснить отсутствие формулировок о *повторном* рассмотрении вопроса и, тем более, растерянность В.В. Щербицкого, не знавшего в рамках какого ведомства – ЦК КПУ или Минэнерго СССР – создавать временные структуры для контроля и исправления ситуации. Предполагаемые последующие действия – исходя из формулировок резолюции – включали ознакомление с материалами Докладной записки отдельных представителей партийной номенклатуры; срочное создание комиссий для «проверки и разработки предложений постановления ЦК КПУ»; либо – отправка шифрованной телеграммы министру энергетики СССР П.С. Непорожнему «с предложением ему это сделать [разработать предложения – О.Д.]»⁸⁴.

Традиционно отчитываясь за высокие цифры выполнения плановых показателей, строители жилья, инфраструктуры и промышленных объектов ЧАЭС и г. Припяти нередко лукавили, занимаясь приписками. Это следует из Постановления Комитета народного контроля УССР от 17 июня

---

⁸³ Там же, с.33.

⁸⁴ Там же.

1981 г. Документ констатирует, что задания партии и правительства Украинской республики по усилению работ на строительстве Южноукраинской, Чернобыльской и Ровенской АЭС выполнялись неудовлетворительно, с нарушением плановых сроков, при фактах «искажения отчетных данных о выполненных объемах работ, расточительного расходования государственных средств, бесхозяйственности в хранении неустановленного оборудования». Управление строительства ЧАЭС треста Южатомэнерострой не выполнило в 1980 г. «задание по вводу в действие энергоблока», с большим отставанием велись работы по сооружению промышленных, жилых и соцкультбытовых объектов, «родильного дома, кафе-столовой, санэпидемстанции, ряда магазинов». В сданном в эксплуатацию в 1975 г. недостроенном здании холодильника для хранения мясной и рыбной продукции было смонтировано технологическое оборудование, которое «из-за непринятия мер по окончанию [строительных – О.Д.] работ» оказалось частично разуконплектовано или повреждено. Неудовлетворительно хранились и транспортировались строительные материалы, из-за чего в негодность пришло более тысячи кубометров железобетонных конструкций и около полутора тысяч керамических труб разных диаметров⁸⁵. Характерно, что приписки и несвоевременность выполнения плана стала предметом обсуждения контролирующих и партийных органов почти через год (!) после того, как о наличии проблемы заявили контрразведчики областного УКГБ⁸⁶, несмотря на то, что жители Припяти жаловались на ситуацию во все возможные инстанции.

Вопиющим фактом, свидетельствующим о строительных недоделках, стала ситуация с кровлей машинного зала первого энергоблока. Обращаясь к министру энергетики и электрификации СССР П.С. Непорожнему, директор атомной констатировал, что «на протяжении всего эксплуатационного периода Чернобыльской АЭС, т.е. с 1977 г. администрация атомной электростанции принимает меры по устранению дефектов, образовавшихся после сдачи в эксплуатацию первого блока АЭС [по] кровле машинного зала. Но принимаемые меры не привели к желаемым результатам и течи кровли машзала с каждым годом увеличиваются, что грозит в отдельные периоды года, при обильных атмосферных осадках, аварийным остановом как основного, а также и вспомогательного оборудования»⁸⁷.

---

⁸⁵ Постанова Комітету народного контролю УРСР Про недоліки у будівництві атомних електростанцій в Україні від 17 червня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр 01-27. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.44.

⁸⁶ Справка УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР от 26 августа 1980 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 38–40. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.36-37.

⁸⁷ Звернення дирекції ЧАЕС до Міненерго СРСР Про збільшення фондів на будівельні матеріали й прискорення терміну їх постачання від березня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС»,

Значительную проблему представляли кадровые вопросы на всем протяжении строительства ЧАЭС. И если на первых порах – в начале 1970-х гг. – надежда на временность этого явления еще была, то в дальнейшем нехватка квалифицированных специалистов и рабочих рук вообще усугублялась. Так, в Обращении Секретаря ЦК КПУ А. Титаренко к министру энергетики СССР Непорожному П.С. от 26 августа 1981 г. содержалась просьба «направить на строительство четвертого блока Чернобыльской АЭС 200 человек монтажников строительных конструкций» не позднее ближайших двух недель, поскольку «строительство энергоблока ... ведется крайне неудовлетворительно, план семи месяцев выполнен только на 20 %». Решить вопрос в соответствии с решением коллегии Минэнерго предполагалось до конца мая. Однако и спустя три месяца он не сдвинулся с мертвой точки⁸⁸.

Следствием нехватки строительно-монтажных специалистов становились различные недоделки не только на жилых и инфраструктурных, но и промышленных объектах. Директор ЧАЭС В.П. Брюханов в официальном письме к начальнику Управления строительства станции от 20 июля 1982 г. указывал на необходимость принятия срочных мер по устранению «проектных строительно-монтажных недоделок», целый перечень которых прилагался отдельно и не сохранился в архиве ЧАЭС. Он подчеркивал, что «имеющиеся недоделки резко снижают *пожарную, ядерную и радиационную безопасность энергоблока ст. № 3*, ухудшают условия труда эксплуатационного и ремонтного персонала, не позволяют ремонтировать *«грязное» технологическое оборудование* в специализированной мастерской [курсив мой – О.Д.]»⁸⁹.

В письме содержалась между прочим и отсылка к имевшимся ранее договоренностям, свидетельствовавшим о недоброкачественной работе комиссии по гос. приемке: «Прошу принять меры к их [недоделок – О.Д.] устранению, *как это было обусловлено при подписании актов рабочей комиссии и ГПК* [курсив мой – О.Д.]»⁹⁰. Очевидно, что ситуация была типична для многих больших строек страны. Но в большинстве других случаев речь не шла о «мирном атоме», эксплуатация возводимых объектов которого могла привести к масштабной катастрофе.

1983 р., спр 01-22. Копія. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.49.

⁸⁸ Звернення Секретаря ЦК Компартії України О. Титаренка до Мініенерго СРСР до прискорення кадрового забезпечення будівництва четвертого енергоблока ЧАЕС від 26 серпня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр. 01-26. Копія. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.45-46.

⁸⁹ Лист директора ЧАЕС до начальника Управління будівництва станції про термінові заходи щодо проведення незавершених будівельно-монтажних робіт на енергоблоці № 3 від 20 липня 1982 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1982 р., спр 01-21. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с. 49.

⁹⁰ Там же.

Вопреки растиражированной современными украинскими политиками и исследователями трактовки «системы», как атрибута советской действительности (и «Кремля»), приведшей к аварии на Чернобыльской АЭС и недочетам при её ликвидации, чудовищные ошибки были свойственны и представителям других государств. В январе 1984 г. сотрудники УКГБ по г. Киеву и области обнаружили значительный процент дефектных сварных швов на трубопроводах контура многократной принудительной циркуляции, поставляемых югославскими фирмами «Энергоинвест» и «Джура Джакович». При высокой стоимости комплектов этого оборудования (свыше 37,1 млн руб. за комплект в расценках января 1983 года) и больших объемах закупок (10 комплектов) данные образцы импорта оказывались одной из составляющих, работавших на будущую катастрофу. В частности, контрразведчики отмечали, что «при входном контроле, проводимом лабораторией металлов на ЧАЭС, трубопроводов контура многократной принудительной циркуляции (КМПЦ) и барабан-сепараторов на 1 и 2 энергоблоках станции, где установлено оборудование с предприятий СССР, в сварочных соединениях было значительно меньше дефектов, чем на 3 и 4 энергоблоках, оборудование для которых поставлялось из Югославии»⁹¹.

Причины брака на импортном оборудовании расширяли географию ответственных за чернобыльскую катастрофу стран. Речь шла уже не только о «социалистическом лагере» (Югославия), где можно было – по проторенной украинскими националистами дороге – искать опасное влияние Москвы, но и о «цивилизованной» Западной Европе. Дело в том, что металл и сварочные электроды для югославского оборудования поставляла *французская фирма* «Крезолуар». И именно «несовершенная технология сварочных работ, а также высокая чувствительность французских электродов» вели к большому количеству дефектов на импортном оборудовании, делая сварные соединения неустойчивыми «в работе при высоких температурах». Хотя тот факт, что некачественные трубопроводы КМПЦ несмотря на очевидный брак устанавливали на строящейся Чернобыльской АЭС, был связан с одним примечательным обстоятельством: технология сварочных работ была «согласована югославскими фирмами со специалистами Киевского филиала института «Энергомонтажпроект»⁹², т.е. и здесь был советский (или украинский?!) след.

Характерно, что контрразведчики не предлагали никаких конкретных мер по разрешению ситуации, но отмечали, что фирмы «Энергоинвест» и «Джура Джакович» осуществляли поставки аналогичного оборудования

---

⁹¹ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3 отдела 6 Управления КГБ УССР В отношении поставок некачественного оборудования из Югославии на ЧАЭС от 9 января 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 315–316. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.59.

⁹² Там же.

для Курской и Смоленской АЭС, причем на первой из них подобные дефекты в трубопроводах КМПЦ были выявлены в 1983 г. и «могли привести к аварийным ситуациям на станции»⁹³. Другими словами, даже дефекты оборудования были выявлены сотрудниками АЭС (либо контрразведчиками) *других регионов*, а выявление процента брака на сварных швах КМПЦ Чернобыльской АЭС было ведомственным заданием, разрядкой, которая могла прийти как по каналам Минэнерго, так и КГБ.

Именно это обстоятельство позволяет утверждать, что строительство АЭС в Украинской ССР имело свои, особые черты, связанные как с отсутствием соответствующего опыта в регионе, так и с местной спецификой. Преимуществом Чернобыльской атомной было то, что её аналоги (в той или иной степени) строились и запускались в работу *ранее* в других районах СССР. То есть *там*, на Ленинградской, Курской и Смоленской станциях многие ошибки и недочеты выявлялись *заблаговременно по отношению к строительно-монтажным работам на ЧАЭС*, и их опыт должен был способствовать снижению аварийности Чернобыля. Последующие события, к сожалению, продемонстрировали обратное.

Уже в марте 1984 г. ведомственная комиссия из числа специалистов ЧАЭС и группы рабочего проектирования НИИ «Гидропроект» обнаружила трещины и смещение плит перекрытий, ригелей, навесных железобетонных и керамзитовых панелей главных корпусов 3-го и 4-го энергоблоков. Наблюдения, проводившиеся комиссией «последние 2-3 месяца» к 17 марта 1984 г. выявили «дальнейшее сползание плит перекрытий с ригелей»⁹⁴. Фактически задолго до самой масштабной из известных ныне техногенной аварии на Чернобыльской АЭС происходил процесс разрушения несущих и ограждающих конструкций двух из четырех действующих реакторов. Предварительной причиной был назван «значительный перегрев стен барабанов-сепараторов из-за неэффективной работы теплоизоляции», которая разрушалась под воздействием высоких температур и постоянного радиоактивного излучения. Выход из сложившейся ситуации найден не был: как отмечалось в Специальном сообщении предпринятые администрацией ЧАЭС по согласованию с институтом «Гидропроект» меры, которые должны были предотвратить разрушение перекрытий и их обрушение, возникшей проблемы не решили. Другими словами, ни разработчики проекта АЭС («Гидропроект»), ни администрация, подписывавшая акты приемки достроенных объектов, не могли изменить ситуацию и видели выход в создании очередной «компетентной комиссии» для еще одного «тщательного обследования». Такие действия, как представляется, могли отчас-

---

⁹³ Там же с.59-60.

⁹⁴ Специальное сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и области начальнику 6-го управления КГБ УССР О выявленных недостатках на третьем и четвертом энергоблоках Чернобыльской АЭС от 17 марта 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 5–6. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.61.

ти снять ответственность с членов первой ведомственной комиссии, чего они и добивались.

Получив значительный опыт строительства АЭС за 1970–1985 гг., специалисты «Кременчуггэсстрой», реорганизованного в 1974 г. в «Южатом-энергострой», так и не сделали выводов: брак в их работе присутствовал как на сооружении первой линии Чернобыльской атомной – при возведении 1-го и 2-го энергоблоков – так и на последующих второй и третьей линиях. Тот факт, что мощнейшая (с точки зрения последствий) в истории атомной энергетики авария произошла на 4-ом реакторе, спасло страну и мир, как это не парадоксально, от потенциально более масштабной катастрофы. Об этом можно судить по обрывочной информации сотрудников КГБ о недочетах в строительстве 5-го и 6-го энергоблоков.

Так при возведении 5 энергоблока ЧАЭС отмечались «факты грубого нарушения технологии производства строительных работ», включавшие использование неподходящих по техническим характеристикам материалов при бетонировании перекрытий в помещениях барабан-сепараторов, к которым предъявлялись «повышенные требования по несущей способности». На каждом из них планировалось установить оборудование, общий вес которого при рабочих нагрузках составлял тысячу тонн. Перекрытия размером 38×12 метров, высотой 1 метр каждое с арматурной сеткой диаметром 36–40 мм с шагом между стрелками от 60 до 80 мм заполняли бетонной смесью со щебнем фракции 20–40 мм (вместо проектных 5–20 мм), вследствие чего «в перекрытии образовались пустоты»⁹⁵. Предположительная площадь непригодного к эксплуатации перекрытия составляла до 300 кв. м, т.е. превышала 65 % общей площади. И хотя на ЧАЭС была создана специальная комиссия, задачей которой было определить фактическую площадь брака и даже выработывались «решения по устранению недостатков»⁹⁶, с учетом предыдущего опыта строительства станции вероятность их нахождения и реализации оставались под большим вопросом. Тот факт, что намеченный на конец 1986 года пуск 5 энергоблока не состоялся из-за аварии 26 апреля, оказывался, как это ни странно, спасительным. Масштабы потенциальной катастрофы на 3-й очереди ЧАЭС трудно переоценить.

Чем жили и о чем думали строители Чернобыльской атомной и г. Припяти? В изложении документалистов, на редких кадрах студии «Укртелефильм» 1983 г. за неполные полчаса можно пронаблюдать красивую новеллу об уникальном городе с большим будущим, где ежемесячно сдается в эксплуатацию новый жилой дом, строятся школы и детские сады, ради

---

⁹⁵ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3 отдела 6 Управления КГБ УССР О нарушении технологии производства строительных работ при сооружении 5 энергоблока Чернобыльской АЭС от 26 февраля 1986 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 169–170. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.70.

⁹⁶ Там же, с.71.

сохранения больших деревьев – переносится план автострады и застройки микрорайонов, а ради маленьких горожан возводится не предусмотренный первоначальным проектом большой бассейн, и атомная электростанция – совершенно безопасна для экологии⁹⁷. Хотя уже само название хроники, снятой за три года до масштабнейшей катастрофы – «Причастность» – неосознанно вызывает вопросы.

Если верить сообщениям очевидцев – в частности, председателю Припятского горисполкома Владимиру Павловичу Волошко – то возникает картина той самой «образцовой стройки» союзного значения, на создании которой настаивали в ЦК КПУ в начале 1970-х гг. В ней были свои недочеты. На первых порах «шел открытый саботаж работ»: на стройку присылалась «бросовая» техника, которая «больше ремонтировалась, чем работала»; мало поставлялось сборного железобетона, из-за чего «прорабы ездили и побирались по нескольким районам, чтобы добыть даже перемычки для оконных проемов». Энергетикам (а именно к ним относил себя В.П. Волошко, возглавлявший на тот момент Отдел капитального строительства дирекции ЧАЭС) «было очень стыдно» за такое положение дел, но «вождей» Кременчуггэсстроя это не волновало». Проведя «многочасовые разборки» на месте, они уезжали, оставив всё «на прежнем уровне»⁹⁸. Причины такого положения дел представитель номенклатуры видел в отсутствии в районе тех, кто сумел бы «серьезно вникнуть в суть вопросов». Кроме того, «вокруг Чернобыльской площадки постоянно велись какие-то интриги», а «областные руководители долгое время считали, что *станция – стройка союзного Министерства и есть на кого, на первых порах, свалить вину* [курсив мой – О.Д.]»⁹⁹.

Что касается качества строительного-монтажных работ, точнее – его отсутствия – В.П. Волошко называл «небылицами» «опусы» многих «писак» о том, что «строительство блоков» ЧАЭС велось «с нарушением СНиП», а в монтаже систем «были допущены якобы отступления». Напротив, многочисленные созданные на строительстве лаборатории, комиссии и подкомиссии по приемке, по его утверждению, «очень много сделали для достижения высокого качества». Работа этих контролирующих служб была доведена «до автоматизма» уже в первые годы стройки (1972–1973 гг.) и в дальнейшем «при возражении одного из членов приемочной комиссии блок или конструктив не принимался до устранения замечаний». Однако, как свидетельствуют приведенные выше цитаты из официальных докумен-

---

⁹⁷ «Причастность»: Документальный фильм «Укртелефильм», 1983 г. Режиссер Б. Крашнев. URL: http://video.sibnet.ru/video1218350-Prichastnost__1983_/ (доступ 24.05.2015.)

⁹⁸ Волошко В.П. Город, погибший в 16 лет [Электронный ресурс] // Pripyat.com: общественный проект, неофициальный сайт г. Припять. 2004-2015. URL: <http://pripyat.com/people-and-fates/gorod-pogibshii-v-16-let.html> (доступ 20.05.2015.)

⁹⁹ Там же.

тов архива ЧАЭС, промышленные объекты сдавались строителями-монтажниками с недоделками, на основании устных договоренностей о последующей ликвидации недоделок – даже когда они представляли опасность для *пожарной, ядерной и радиационной безопасности АЭС*¹⁰⁰.

В такой трактовке, мало, а иногда и вовсе не соответствующей свидетельствам документальных источников, строители и монтажники ЧАЭС представляли *не просто необычными для периода брежневского застоя*, но еще и *не причастными* к аварии апреля 1986 г. специалистами. Виновных В.П. Волошко ненавязчиво предлагал искать в среде эксплуатационников. В документальной повести Г.У. Медведева «Чернобыльская тетрадь» эта мысль выражена со всей откровенной прямоотой в описании событий 26 апреля 1986 г., собранных автором-атомщиком по крупицам собственных воспоминаний и чужих свидетельств в первые дни мая 1986 г. на месте событий. На момент аварии Григорий Устинович Медведев занимал пост заместителя начальника главного производственного управления Минэнерго СССР по строительству атомных электростанций¹⁰¹. В 1970-е годы он работал заместителем главного инженера на первом энергоблоке ЧАЭС и был лично знаком с руководством станции. В его изложении представлены показания В.П. Волошко, из которых следует, что в роковой день катастрофы, уже *после* взрыва на 4-ом энергоблоке, «Брюханов вводил в неведение всех, заявляя, что радиационная обстановка в городе Припяти нормальная». При этом внешне весь день директор ЧАЭС «был невменяемый», «какой-то на вид полоумный, потерявший себя»¹⁰².

Здесь следует задаться вопросом о том, мог ли В.П. Брюханов вести себя по-другому? Был ли уполномочен сообщать о сути происходящего на АЭС? И каким образом мог гарантировать отсутствие паники? Ответ, который был бы более удобен председателю припятского горисполкома В.П. Волошко, должен был звучать утвердительно. А само описание действий Брюханова в экстренной ситуации, как неадекватных и скрытных могло позволить стороннему наблюдателю экстраполировать негативные характеристики и на повседневную, *предшествовавшую аварии* работу директора ЧАЭС и его подчинённых. Получалось, что образцовые строители-монтажники качественно возвели атомную электростанцию, которую своей безответственностью и непрофессионализмом разрушили эксплуатационники. А недочеты при эвакуации и сравнительно запоздалое информирование населения произошло по вине Брюханова и «никакого

---

¹⁰⁰ Лист директора ЧАЭС до начальника Управління будівництва станції про термінові заходи щодо проведення незавершених будівельно-монтажних робіт на енергоблоці № 3 від 20 липня 1982 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1982 р., спр 01-21. Оригінал. // Чернобыльская трагедия: Документы і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с. 49.

¹⁰¹ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь / Медведев Г.У. Ядерный загар. – М.: Книжная палата, 1990, с.50.

¹⁰² Цитата по: Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь..., с. 223.

отношения» не должно было иметь к председателю Горисполкома Припяти, тов. Волошко В.П.

Увы, но столь удобная для номенклатурщика Волошко схема не нашла подтверждения в рассмотренных выше документах КГБ областного и республиканского уровня. Напротив, сухие и беспощадные факты, изложенные в этих источниках, воссоздают мозаичную картину, крайне далекую от идеала. Строительство велось со значительным процентом нарушений и брака. В погоне за плановыми показателями, востребованными областным, республиканским и союзным министерским руководством, специалисты «Южатомэнергостроя» и других предприятий и ведомств ежедневно, шаг за шагом приближались к катастрофе. Недорабатывали *все*. И строители не были исключением. Они жили в крайне стеснённых обстоятельствах постоянной спешки и психологического давления со стороны начальства. Их подводили поставщики, игнорировали представители партийной номенклатуры, перепроверяли сотрудники Комитета государственной безопасности.

Нехватка на строительстве Чернобыльской АЭС высококвалифицированных кадров и специалистов строительно-монтажных специальностей вообще формировало и закрепляло чувство безнаказанности. Строители ЧАЭС привыкали к тому, что, показательно пожурив их на партсобраниях и планерках, начальство всё равно вынуждено будет принять результаты их труда в эксплуатацию. Большинство из них (чтобы не сказать – все) занимались не строительством взаимосвязанных частей потенциально опасного, стратегически важного атомного объекта, но сдавали *отдельные* промышленные объекты в соответствии с планом. И эти отдельные пункты плана вовсе не обязаны были складываться в их сознании в мощное и неделимое целое – живой организм, связанную тысячами невидимых и видимых связей систему. Они вполне могли ничего не смыслить в ядерной физике, происходя, как часто бывало, из среды вчерашних селян – механизаторов.

Именно это обстоятельство – отсутствие видения большого целого, вершины энергетической технической мысли человечества на том историческом этапе – не позволило им построить ту Припять, в которой люди должны были прожить не один десяток лет. И ту атомную электростанцию, которая стала бы памятником масштабным достижениям эпохи, а не её «надгробным постаментом».

ЭКСПЛУАТАЦИОННЫЙ ПЕРСОНАЛ ЧАЭС: ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

Г.У. Медведев, проработавший на ЧАЭС несколько лет в самом начале формирования коллектива эксплуатационников, полагал, что к катастрофе 26 апреля 1986 г. привела кадровая политика на строящейся атомной элек-

тростанции¹⁰³. Директор-турбинист В.П. Брюханов, назначенный на руководящую должность после удачного пуска Славянской ГРЭС, подбирал сотрудников не исходя из их знаний в ядерной физике или опыта работы на АЭС, но по каким-то собственным, не всегда оправданным пользой дела соображениям. Человек «мягкий, покладистый», он обладал внутренним упорством при «недостатке знания людей, что заставляло его тянуться к многоопытным в житейском смысле, но порою не всегда чисто плотным работникам»¹⁰⁴.

Далеко идущие последствия для формирования мировоззрения и поведенческих особенностей эксплуатационного персонала станции имели, как представляется, первые аварийные остановки реактора №1 Чернобыльской АЭС, одна из которых произошла 18 февраля 1979 г. Причиной явилось срабатывание автоматической защиты из-за отключения главных циркуляционных насосов, подающих воду для охлаждения реактора. Техническая комиссия, созданная на ЧАЭС для предварительного расследования, выяснила, что в гидросистему – из-за заложенного в проекте технического несовершенства дренажной системы замкнутого цикла – попал воздух, нарушивший нормальную работу насосов. Для выработки технических рекомендаций по данному узлу были вызваны представители Ленинградского проектного института.

Авария была первым «звоночком», который, отчасти, оказался проигнорирован. И хотя радиационных выбросов и загрязнения окружающей среды не произошло, а работа реактора спустя двое суток продолжилась в штатном режиме – начальство сделало «свои» выводы из случившегося. Сотрудники областного управления КГБ мимоходом назидательно отмечали, что в результате остановки АЭС народное хозяйство «недополучило 11,5 млн квт электроэнергии» и по факту аварии были «проинформированы Чернобыльский РК КПУ и Областной Комитет Компартии Украины»¹⁰⁵. Резолюция председателя республиканского КГБ и вовсе передавала материал «Специального сообщения» начальнику 2-го Управления КГБ УССР «для разбирательства» (!), причем решение о необходимости последнего принималось сразу по получении сообщения областных чекистов.

Вероятными и вполне обыденными последствиями такого рода «разбирательств» и информирования районных и областных парткомов были взыскания с «виновных» и указания впредь не допускать повторений подобных ситуаций. Сотрудники АЭС, проявившие похвальную бдитель-

---

¹⁰³ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь..., с. 71.

¹⁰⁴ Там же, с. 70.

¹⁰⁵ Специальное сообщение Управления КГБ УССР по г. Киеву и Киевской области председателю КГБ УССР В.В. Федорчуку об аварийной остановке 1-го энергоблока Чернобыльской атомной электростанции от 21 февраля 1979 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 30–31. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.34-35.

ность и выполнившие протокольные действия, предписанные многочисленными инструкциями и нормативными документами, могли интерпретировать последствия аварии двояко. С одной стороны, от них требовались бдительность и внимательность при выполнении своих служебных обязанностей (что формально постулировалось представителями партийных органов и КГБ). С другой стороны, жизненные реалии прямо указывали на нецелесообразность выполнения стандартных процедур при срабатывании аварийных систем автоматической защиты (ведь выбросов и серьёзных последствий от аварии не было, а не останови они реактор – не было бы и убытков для народного хозяйства со всеми вытекающими отсюда «разбирательствами»). Второй вариант, как покажут последующие события, сыграл роковую роль в судьбах ЧАЭС и её персонала.

Доказательством снижения бдительности и нарушения предусмотренных инструкциями алгоритмов действий стали события апреля 1981 г., когда во время планового ремонта 1-го энергоблока ЧАЭС на трубопроводе активных вод было обнаружено просачивание. Вопреки сообщению стрелка ВОХР Чернобыльской АЭС, начальник смены, по информации Специального сообщения УКГБ по г. Киеву и области, «не придавал этому значения и не принял своевременно мер для немедленного устранения течи»¹⁰⁶. Прокачка дезактивирующего раствора усилила течь в трубопроводе, а запоздалая реакция персонала станции привела к радиационному заражению части санитарной зоны АЭС, площадью 180 кв. м. Вместо нормативных 0,8 микрорентген в секунду в этом районе дозиметры показывали 20. А под воздействием ветра была загрязнена территория площадью до 800 кв. м., вследствие чего персонал ЧАЭС под контролем сотрудников КГБ вынужден был проводить дезактивацию и оцеплять опасную местность. По данному факту были проинформированы горком и обком партии и, судя по ставшей привычной формулировке резолюции председателя республиканского КГБ, событие попало в сводку¹⁰⁷. Теперь персонал АЭС был виновен уже в недостаточной бдительности...

Одним из ближайших последствий аварии стала проверка организации эксплуатации Чернобыльской АЭС комиссией ВПО Союзатомэнерго. Приказ о проведении проверки вышел еще 14 апреля – за неделю до радиоактивного выброса во время планового ремонта первого блока станции. Работа комиссии, выпавшая на период с 11 по 15 мая, должна была проводиться более тщательно (с учетом имевших место накануне нарушений). Составленный по итогам Акт включал 61 пункт недостатков и отступлений от действующих правил и директивных документов. В частности, руководство реакторного цеха просматривало оперативные журналы нерегуляр-

---

¹⁰⁶ Специальное сообщение УКГБ по г. Киев и Киевской области в КГБ УССР от 20 апреля 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 99–100. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.41.

¹⁰⁷ Там же, с. 42.

но, что, как представляется, не позволяло вести систематическую работу по отслеживанию и отработке ошибочных действий персонала. В журнале дефектов не делалось отметок о приеме оборудования в эксплуатацию после устранения дефекта. Формально данный недочет вполне возможно было трактовать и как продолжение использования дефектных узлов и агрегатов без производства ремонта. В «плане-графике производственно-технического обучения» проводившиеся занятия были вписаны для отчетности, наспех, из-за чего занятие № 4 значилось под 16 апреля текущего 1981 г., а следующее 5-е – было помечено 27 марта. Комиссия характеризовала ситуацию обтекаемо: «не выполняется план-график проведения производственно-технического обучения»¹⁰⁸. Хотя вполне логично было вести речь о том, что таковое и вовсе не проводится. Сотрудники областного УКГБ спустя почти полгода после работы комиссии нашли гораздо более существенный недостаток: на станции не было «четкого графика проведения профилактических ремонтов контрольно-измерительных приборов», что, в свою очередь, не позволяло «в случае аварии установить лицо, которое в последний раз отремонтировало или проверяло конкретный прибор [курсив мой – О.Д.]»¹⁰⁹.

Осторожность формулировок «Акта», незначительность большинства «недостатков» и «отступлений», а также сравнительно небольшое их количество могли свидетельствовать о формальности работы комиссии. Или даже о том, что в ситуацию была вовлечена коррупционная составляющая. Нередкими для этого времени были и случаи преднамеренных мелких огрех в оформлении документации, ремонтных работах и эксплуатации объектов энергетики перед плановой проверкой, необходимые для того, чтобы за ними скрыть, замаскировать более серьезные недоработки. В любом случае, для атомной электростанции с двумя запущенными в работу и одним почти достроенным энергоблоком, шестьдесят незначительных недочетов в работе, выявленных ведомственной комиссией, были «каплей в море». К тому же состав комиссии – а в неё вошли в основном представители Курской АЭС, станции с аналогичной схемой и реакторами – говорил о своеобразной взаимозависимости проверяющих и проверяемых. Сотрудники Чернобыльской атомной в следующий раз могли оказаться в числе инспектирующих для своих курских коллег: «топить» их, дотошно разби-

---

¹⁰⁸ Акт перевірки організації експлуатації Чорнобильської АЕС Всесоюзним виробничим об'єднанням Союзатоменерго від 15 травня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС». Тека: «Переписка с госинспекцией по эксплуатации электростанций и сетей МЭ и Э СССР. 1980-1983 гг.» Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.39-43.

¹⁰⁹ Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о недостаточной надежности контрольно-измерительных приборов и систем защиты Чернобыльской атомной электростанции от 16 октября 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Т. 5. — Арк. 126–129. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.45.

раясь в недоработках и ошибках эксплуатационного персонала и руководства станции, представителям КАЭС было невыгодно.

Большую проблему для эксплуатационного персонала АЭС представляли 14 тысяч контрольно-измерительных приборов, призванных обеспечить безаварийную работу станции. Исходя из данных сотрудников областного КГБ полагаться на оборудование, сигнализировавшее о возникновении сбоев в работе, было невозможно. К примеру, из-за ненадежного электропитания различных систем управления реактором в декабре 1980 и августе 1981 гг. происходили ложные отключения и срабатывание автоматической защиты с полной остановкой блока. Слабая надежность логических схем системы управления и защиты реактора РБМК–1000, несовершенство схемы исполнительной части автоматических регуляторов и ряд других технических аспектов вели к неоднократным остановкам энергоблоков в 1979 и 1981 гг. В целом за период эксплуатации 1977–1981 гг. на ЧАЭС происходило 29 аварийных остановов, из них 8 – по вине обслуживающего персонала, а остальные – по различным техническим причинам. Всего при двух запущенных в эксплуатацию реакторах (по данным на октябрь 1981 г.) ежегодно отмечалось «до 20 случаев выхода из строя релейно-контакторных блоков, что вело к нарушению ритма работы АЭС и к ядерноопасному режиму»¹¹⁰.

Другими словами, каждая четвертая аварийная ситуация или отказ в работе оборудования происходили из-за непрофессионализма эксплуатационников! Все остальные аварии и остановки являлись следствием работы оборудования, полагаться на которое в полной мере было невозможно. Возникал своеобразный «замкнутый круг»: действия персонала Чернобыльской АЭС могли быть ошибочны как в ситуациях, когда эксплуатационники *знали какие именно действия необходимо предпринять* исходя из имевшихся регламентов (поскольку решения принимали, не будучи уверенными в показаниях приборов), и когда для принятия решений не хватало не только качественного оборудования, но и столь необходимого опыта или знаний.

Расследование случаев аварийных остановов давало плачевные результаты: выяснялось, что электрооборудование, включая и контрольно-измерительные приборы, применяемые на электростанции, по качеству не соответствовали требованиям надежности, предъявляемым к работе атомных станций, а их конструктивная доработка – как со стороны институтов-разработчиков, так и заводов-изготовителей – оказывалась не всегда выполнима.

Эксплуатационный персонал ЧАЭС постоянно испытывал двойное давление. Начальство и партийные органы требовали одновременно сокращения аварийности (при сохранении высокой производительности) и

---

¹¹⁰ Там же, с.44.

бдительности в вопросах соблюдения правил и регламентов эксплуатации. Но нередко бдительность означала остановку работы реактора из-за неверно работающих приборов, сигнализирующих о несуществующих сбоях. А стремление повысить производительность электроэнергии вело к игнорированию показаний датчиков на свой страх и риск.

К 1984 году, вероятно, был найден вариант, казавшийся тогда «золотой серединой». Специалисты областного управления КГБ характеризовали ситуацию как успешное взаимодействие эксплуатационного персонала ЧАЭС и проектных организаций, позволившее выработать и реализовать «меры по обеспечению надежной работы станции». Доказательством такого положения дел контрразведчики считали данные по аварийности. Если за 1982 г. при трех действовавших энергоблоках ЧАЭС произошли три аварии и 16 отказов в работе оборудования с недовыработкой электроэнергии 1843 млн кВт/час, то «за 9 месяцев 1984 года на четырех энергоблоках было только 10 отказов с недовыработкой электроэнергии 131 млн кВт/час»¹¹¹.

Количество аварий и отказов оборудования действительно сократилось. Путем несложных вычислений¹¹² можно констатировать, что основной показатель эффективности работы электростанции и её эксплуатационного персонала – коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) – в первые девять месяцев 1984 г. был на 9 % выше, чем за весь 1982 г. Но было ли это связано с дополнительными мерами по обеспечению надежной работы АЭС? Или последствия радиационного выброса сентября 1982 г. с длительным последующим ремонтом на некоторое время заставили эксплуатационный персонал серьезнее относиться к своим обязанностям?! Вопрос этот представляется столь же важным, сколь и риторическим. Сравнение показателей КИУМ для трёх периодов, по которым есть данные в комплексе рассматриваемых источников архива СБУ, свидетельствует, что максимально эффективно эксплуатационники и сама Чернобыльская АЭС работали в 1978-1981 гг., сразу после запуска первого, а затем и второго реакторов. В этот период указанный коэффициент был на 1 % выше, чем в 1984 г., максимально приближаясь к идеальным 100 %.

Цифры недовыработанной электроэнергии сами по себе видятся мало репрезентативными, или, по крайней мере, не имеющими непосредственного отношения к адекватной картине качественной, безаварийной работы ЧАЭС. Экстраполируя характеристику инженера-атомщика Медведева, данную изменениям, происходившим в Минэнерго с марта 1985 г., мы получим еще одну версию первопричин аварии 26 апреля 1986 г. и вполне

---

¹¹¹ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35.

Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.64.

¹¹² См. Приложение № 2

логичное объяснение высоких показателей производительности атомной электростанции в 1984 г. Г.У. Медведев, в частности, отмечал, что когда новым министром энергетики стал А. И. Майорец, он первым делом ликвидировал главк, ведавший проектированием и научно-исследовательскими работами («Главниипроект»), «пустив этот важный сектор инженерной и научной деятельности на самотек». Кроме того, «за счет сокращения ремонтов оборудования электростанций повысил коэффициент использования установленной мощности [курсив мой – О.Д.], резко снизив резерв наличных мощностей на электростанциях страны». При этом «частота в энергосистеме стала более стабильной, однако резко увеличился риск крупной аварии [курсив мой – О.Д.]»¹¹³.

Сопоставление количества аварий и отказов оборудования за те же известные нам три временных отрезка представляется невозможным хотя бы потому, что периоды эти неравнозначны с точки зрения количества запущенных в работу реакторов (один, к которому позднее присоединился второй; два, к которому добавился третий; три, на фоне работы которых запустили четвертый) и количества месяцев, за которые приведена статистика остановов энергоблоков (40, 12, 9). Таким образом, несмотря на уверения сотрудников 6 отдела Управления КГБ по г. Киеву и области, заслуги эксплуатационного персонала и проектных организаций в вопросах обеспечения надежной работы станции предстают в ином, не столь радужном свете.

Серьезные недочеты обнаруживались и в работе ремонтников – промежуточного между строителями-монтажниками и эксплуатационниками звена. В большей степени они были близки к эксплуатационникам, так как в отличие от сотрудников строительных организаций несли личную ответственность за некачественное выполнение работ – по крайней мере на всех других объектах Минэнерго, обычных ТЭЦ, ГРЭС и других станциях и подстанциях – и знали об этом на основе своего трудового опыта, а не понаслышке. Тем не менее, допускаясь ими ошибки и явная халатность становились достоянием контролирующих органов в лице КГБ, а случаи некачественно выполненных работ не сокращались.

Наиболее вопиющие факты, из выявленных контрразведчиками, касались специалистов «Львовэнергоремонта». В марте 1984 г. при замене одной из задвижек трубопровода турбинного цеха № 1 ими была установлена задвижка меньшего размера. Причем сам процесс установки мог привести к аварии, так как «ремонтный персонал «вытягивал» трубопроводы с помощью троса, закрепленного к корпусу питательного насоса», который – для стабильной, безаварийной работы – нуждался в точной центровке с электродвигателем. В апреле, при текущем ремонте четвертого энергоблока ЧАЭС, «Львовэнергоремонт» проводил сварочные работы на трубопроводах рециркуляции питательных и аварийных насосов. Однако их качест-

---

¹¹³ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь..., с.36-37.

во оставляло желать лучшего и, как отмечало областное УКГБ, «могло привести к авариям»¹¹⁴.

Особый интерес и информативность имеет, как представляется, Докладная записка о нарушении радиационной безопасности на ЧАЭС от 12 марта 1981 г.¹¹⁵, которая позволяет сформировать общие представления об эксплуатационном персонале и администрации ЧАЭС, а также районном партийном руководстве и чиновниках на местах. В 1978 г. Чернобыльский райисполком выступил с инициативой использования пруда-охладителя атомной электростанции, общая площадь которого составляла 15 кв. км, а среднегодовая температура воды за счет сбросного тепла достигала +24°C.

Для реализации этого проекта Иванковский рыбкомбинат должен был проконсультироваться с рядом научных учреждений и изготовить паспорт водоема. От дирекции ЧАЭС требовалось официальное заключение о возможности использования пруда-охладителя для промышленного круглогодичного производства рыбы, а медико-санитарной части № 126 и районной санэпидслужбе надлежало провести обследование водоема. Заключенный в этой связи в 1980 г. договор о научно-техническом сотрудничестве между Главным управлением рыбного хозяйства внутренних водоемов УССР и Институтом ядерных исследований АН СССР, согласованный с 3 Главным управлением Минздрава СССР реализовывался не в полном объеме. Согласно указанию заместителя Главного государственного санитарного врача СССР Воробьева Е.И., окончательное решение по отлову рыбы из пруда-охладителя на каждую партию должна была принимать дирекция ЧАЭС, но делать это она должна была с учетом конкретной радиационной обстановки, с привлечением МСЧ-126 и оформлением соответствующей документации. Однако, по свидетельству местных жителей, осведомленных о запрете лова рыбы из пруда-охладителя, с 1979 г. по март 1981 г. Чернобыльский цех гослова Иванковского рыбкомбината систематически (2–3 раза в неделю) производил отлов рыбы с помощью 41 рыболовецкой сети по 60–80 м. каждая и «по личному указанию начальника цеха гослова» реализовывал её «за наличный расчет частным лицам»¹¹⁶. Обеспокоенность ситуацией характеризовала местных жителей Припяти, состоявших в основном из эксплуатационного персонала и строителей ЧАЭС, как людей, заботящихся как минимум о своём здоровье: радиоактивной рыбой их

---

¹¹⁴ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35.

Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.64-65.

¹¹⁵ Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о нарушении радиационной безопасности на ЧАЭС и проведении оценки возможностей использования пруда-охладителя Чернобыльской АЭС для промыслового разведения рыбы от 12 марта 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 71–74. Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.38-40.

¹¹⁶ Там же, с.39.

вполне могли угостить знакомые или родственники по соседству, не говоря уже о местных столовых.

Оперативные действия контрразведчиков УКГБ по г. Киеву и области позволили выяснить, что за весь период лова образцы рыбы предоставлялись только в *отдел радиационной безопасности ЧАЭС* (и то всего три раза), а в санэпидстанцию МСЧ-126 вообще не направлялись. Такая «избирательность» в определении контролирующих ведомств могла свидетельствовать о том, что с администрацией ЧАЭС рыбакам удавалось договориться. По крайней мере, в УКГБ по г. Киеву и области не поступало сведений из отдела радиационной безопасности станции о превышении ПДК по радионуклидам в исследованных партиях рыбы, а администрация АЭС не препятствовала разведению и лову рыбы на пруде-охладителе, хотя напрямую отвечала за охрану территории и не допуск туда посторонних.

Кроме того, при проведенном трижды хотя бы формальном анализе рыбы в отделе радиационной безопасности ЧАЭС, на неоднократные напоминания СЭС МСЧ-126 о необходимости предоставить план и график отлова рыбы заместитель директора Иванковского рыбкомбината ответил категорическим отказом, сообщив в августе 1980 г., что «пруд-охладитель ЧАЭС не включен в число водоемов по поставке товарной рыбы для реализации населению, плана вылова рыбы не имеется и зарыбление пруда-охладителя не планируется»¹¹⁷.

Решение Чернобыльского райкома не выполнялось: Иванковский рыбкомбинат не консультировался с представителями науки и не составлял паспорт объекта, а «дирекция атомной станции не дала свои выводы о возможности использования пруда-охладителя для производства рыбы», т.к. не могла гарантировать «исключения аварийных сбросов активной воды»¹¹⁸. Сам инициатор – районный комитет партии – контролем своего постановления не занимался. Тревогу били только местные жители, контрразведчики и сотрудники СЭС медсанчасти №126. Последние – по просьбе УКГБ по г. Киеву и Киевской области – провели контрольный анализ рыбы, выловленной бригадой рыбкомбината 4 февраля 1981 г. Весь улов был сдан в холодильник рыбкомбината, а его реализация до получения результатов экспертизы запрещалась. По данным лаборатории рыба содержала предельный уровень стронция-90 и СЭС выдала предписание Чернобыльскому цеху гослова Иванковского рыбкомбината о запрещении лова и уничтожении партии рыбы, выловленной 4 февраля. Тем не менее, лов и реализация рыбы продолжились, а содержимое опечатанных холодильников реализовали до получения результатов анализа. Более того, 19 февраля 1982 г., после произведенной ранее документации незаконных действий, заведующий промсанлабораторией СЭС, прибывший с плановыми меро-

---

¹¹⁷ Там же.

¹¹⁸ Там же, с. 40.

приятными, не был допущен на территорию рыболовецкой базы на пруде-охладителе. Соответствующие указания были даны лицом, не указанным в рассекреченной части документа. Однако само указание, и сфера ответственности, с ним связанная, позволяет утверждать, что речь шла о представителе администрации ЧАЭС. Другими словами, с ведома дирекции атомной электростанции проводился лов и реализация населению радиоактивной рыбы, что являлось не просто правонарушением, преследуемым в рамках уголовного и административного кодексов СССР, но и преступлением против жизни и здоровья граждан, которые должны были эту продукцию потреблять. Разгильдяйство и халатность, помноженные на жажду наживы и отсутствие совести оказывались красноречивой характеристикой администрации ЧАЭС.

В снятом весной 1983 г. фильме «Причастность», посвященном Чернобыльской АЭС и г. Припяти речь по-прежнему шла о «планах по разведению» рыбы в пруде-охладителе¹¹⁹. Представляется, однако, что своеобразное радиоактивное браконьерство продолжалось: зарыбление пруда *уже было проведено*, вода была теплой круглый год, сети были расставлены, а дальше вполне могла работать логика «не пропадать же добру».

Вообще эксплуатационный персонал и администрация Чернобыльской АЭС существовали в своего рода обособленном, замкнутом мирке, специфической реальности. Документы, её характеризующие – как косвенно, так и непосредственно – позволяют сделать вывод о неполном понимании персоналом и дирекцией ЧАЭС специфики «мирного атома». И Иванковский рыбкомбинат здесь весьма показателен.

Другими примерами «замкнутости» представлений эксплуатационников были неоднократные отказы дирекции делегировать представителя АЭС на всесоюзные и республиканские мероприятия, связанные с обеспечением пожарной безопасности на объектах Минэнерго СССР, включая атомные электростанции, и на заседания коллегии министерства. На этих мероприятиях, при всей формализованной специфике их проведения и отношения к ним, рассматривались редкие, не проходившие по другим официальным открытым каналам и источникам факты, не зная которых дирекция и эксплуатационный персонал Чернобыльской АЭС могли не вполне осознавать всю меру своей ответственности за объект, на котором работали.

На телетайпограмме Минэнерго СССР от 26 октября 1981 г., в которой представителя руководства ЧАЭС приглашали на всесоюзную научно-практическую конференцию по проблеме обеспечения пожарной безопасности энергетических комплексов, атомных электростанций и предупреждению пожаров от электроустановок, стояла резолюция главного инженера станции Н.М. Фомина о том, что документ необходимо подшить в соответ-

---

¹¹⁹ «Причастность»: Документальный фильм. Режиссер Б. Крашнев. – К.: «Укртеле-фильм», 1983 г. URL: http://video.sibnet.ru/video1218350-Prichastnost__1983_/ (доступ 24.05.2015)

ствующе архивне дело, так как на запрос уже дан ответ¹²⁰. Судя по формулировке – а именно, отсутствию фамилии и инициалов сотрудника ЧАЭС, которого должны были командировать на мероприятие союзного масштаба – на конференцию никто не поехал.

В августе 1983 г. директор ЧАЭС В.П. Брюханов должен был присутствовать и выступать на расширенном заседании коллегии Минэнерго СССР, где, помимо прочего, обсуждались задачи министерства в свете решений проведенного Ю.В. Андроповым июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС. Однако на телеграмме из Союзатомэнерго спустя три дня после получения появилась пометка всё того же Н.М. Фомина: «От ЧАЭС никто не едет, согласовано с Веретенниковым Г.А. [начальником ВПО «Союзатомэнерго» – О.Д.]»¹²¹.

31 мая 1984 г. руководству атомной электростанции поступила телетайпограмма из Минэнерго, требовавшая сообщить «для доклада руководству министерства [электроэнергетики и электрификации СССР – О.Д.] причину отсутствия одного из руководителей ... предприятия на совещании по совершенствованию пожарной безопасности на объектах Минэнерго СССР»¹²². Пометка на документе, сделанная спустя четыре дня (два из которых пришлось на субботу и воскресенье), гласила, что разъяснения по данному вопросу были сделаны по телефону.

Игнорировались руководством Чернобыльской АЭС не только приглашения на всесоюзные мероприятия Минэнерго, но и местные совещания в г. Киеве, хотя дорога в один конец не превышала двух часов. К примеру, на проходившее за два года до последней чернобыльской аварии совещание с руководящим оперативным персоналом энергосистемы и показательную противопожарную тренировку в Киевэнерго и Киевский правобережный ПЭС главному инженеру ЧАЭС послать было некого – что значилось в качестве резолюции на официальном пригласительном письме, поступившем дирекции АЭС за две недели до мероприятия¹²³.

---

¹²⁰ Телетайпограма Мініенерго СРСР керівництву ЧАЕС про участь у Всесоюзній науково-практичній конференції з проблем забезпечення пожежної безпеки енергетичних комплексів від 26 жовтня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр. 01-26. Телетайпограма. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с. 48.

¹²¹ Телеграма Союзатомэнерго директору ЧАЕС В.П. Брюханову з запрошенням взяти участь у розширеному засіданні колегії Мініенерго СРСР від 5 серпня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1983 р., спр. 01-22. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.51.

¹²² Телетайпограма Мініенерго СРСР керівництву ЧАЕС з вимогою пояснити причини відсутності представника станції на нараді з пожежної безпеки від 31 травня 1984 р. // Архів ВО «ЧАЕС», 1984 р., спр. 01-23. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.55.

¹²³ Запрошення Київенерго начальнику диспетчерської служби Чорнобильської станції взяти участь у нараді та протиаварійному тренуванні від 10 квітня 1984 р. / Архів ВО

Отсутствие обмена опытом, как в вопросах пожаротушения, так и, в особенности, в том, что касалось эксплуатации атомной электростанции не могло не сказаться негативно на работе Чернобыльской АЭС. Режим секретности в системе стратегических объектов «Союзатомэнерго» не позволял обмениваться значимой практической информацией иначе как в личном общении с руководством министерств электроэнергетики и среднего машиностроения. Последнее, к примеру, руководило пуско-наладочными работами и, отчасти, эксплуатацией Ленинградской АЭС, авария на которой осенью 1975 г. не получила широкой огласки. Более того, расследованием занимались также специалисты Минсредмаша, которые не поделились выводами с коллегами из Минэнерго и эксплуатационным персоналом других аналогичных АЭС Советского Союза, что означало по сути, что уроков из ситуации извлечь было невозможно. В этом отношении только на уровне расширенных коллегий Минэнерго, где В.П. Брюханов должен был встречаться с коллегами с Курской, Ленинградской, Смоленской, Белоярской и других атомных, дирекция Чернобыльской АЭС могла получить ценные практические сведения, отличные от сухих формулировок регламентирующей документации и инструкций, к которым эксплуатационники относились, нередко, формализовано.

Социально-бытовые условия рабочих и служащих ЧАЭС – постоянных обитателей г. Припяти, возводившейся для атомщиков одновременно со станцией – не только не отличались комфортом, но и вызывали постоянный поток недовольства. За период 1979–1980 гг. (через 10 лет от начала строительства станции и города!) поступило 136 индивидуальных и 3 коллективных письма и заявления с жалобами на плохие жилищные условия. Рабочие и служащие Чернобыльской АЭС, Строительного управления АЭС и завода «Юпитер» писали индивидуальные и коллективные жалобы в ЦК Компартии Украины, Президиум Верховного Совета УССР, Киевский обком и Чернобыльский райком Компартии Украины, Министерство энергетики и электрификации СССР, и даже – в Министерство обороны. В редакции газет «Правда», «Труд», «Правда Украины», в Комитет народного контроля поступило в общей сложности 109 индивидуальных писем и заявлений и одно коллективное письмо в Комитет советских женщин. Коллективное послание от имени 195 женщин с просьбой о строительстве нового детского сада было направлено в обком профсоюзов¹²⁴.

По количеству корреспонденции можно было сделать два вывода. Во-первых, первоначально люди писали в местные органы власти, пытаясь не нарушать субординацию (в Киевский обком и Чернобыльский райком по-

---

«ЧАЭС», 1984 р., спр. 01-23. Телетайпограма. // Чернобыльська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.55.

¹²⁴ Справка УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР от 26 августа 1980 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 38–40. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.36-37.

ступило 16 жалоб, а в вышестоящие Президиум ВС УССР и ЦК КПУ – по 9 и 4 соответственно). Во-вторых, устав от бесконечных обещаний начальства и отсутствия помощи со стороны партийных районных, областных и республиканских органов, сотрудники ЧАЭС стремились сделать достоянием общественности тяжелые условия своего быта в «закрытом» городе.

Областное Управление КГБ УССР констатировало, что причиной невыполнения плана по жилью руководители Управления строительством ЧАЭС объясняли нехваткой рабочей силы. Реакцию администрации предприятий на жалобы трудящихся контрразведчики иллюстрировали на примере действий директора завода «Юпитер»: за три года (1978–1980 гг.) он «выдал рабочим 400 гарантийных писем о предоставлении им жилья в течение года, а фактически за этот период квартиры получили только 35 чел.»¹²⁵. Люди, почти десять лет ждавшие обещанных «милостей» от властей – ведь строительство АЭС началось в 1970 г. – перестали верить обещаниям окончательно. К тому же, увеличение численности рабочей силы, нехватка которой по официальной версии вела к невыполнению плана жилищного строительства, имело контрпродуктивные последствия. Принимаемых на работу строителей подсаживали в общежития к тем, кто ожидал жилья по нескольку лет. Причем новые специалисты принимались на работу для выполнения обязательства «сдать третий блок станции ко дню открытия XXVI съезда КПСС». Таким образом, новые трудовые резервы не только не решали имевшиеся проблемы, но создавали новые – они не строили жильё, но обеспечивали большую скученность в имевшихся немногочисленных общежитиях, что усугубляло антисанитарию.

Для разрешения этих проблем в районный отдел УКГБ были направлены 6 оперативных работников области во главе с заместителем начальника УКГБ. В их задачу входило оказать «практическую помощь в более глубоком изучении оперативной обстановки и проведении предупредительно-профилактических мероприятий». Резолюцией председателя республиканского КГБ предписывалось уточнить все цифровые данные и подготовить зашифрованную телеграмму в Комитет государственной безопасности СССР.

Предупредительно-профилактические мероприятия на местах, как и секретные донесения на Лубянскую площадь не могли компенсировать нехватку жилья. Более того, фактически оказание морально-психологического давления в рамках стандартной разъяснительной работы и учет не вполне благонадежных («не сознательных») граждан из числа работников АЭС не могло не иметь обратного эффекта. Люди чувствовали себя брошенными на произвол судьбы и призывы качественно выполнять столь важную и нужную для региона работу – а в УССР отмечалась значительная нехватка электроэнергии – входила в явное противоречие с отношением власти к тем, кто эту работу должен был выполнять. Подхваченный респуб-

---

¹²⁵ Там же, с.36.

ликой на официальном уровне лозунг ростовчан «Работать без отстающих!» вел к участию в социалистическом соревновании более 600 предприятий и организаций одного только Киева¹²⁶. На этом фоне рабочие ЧАЭС испытывали двойное давление: дома угнетали социально-бытовые проблемы и неустроенность, а на работе помимо начальства и парткомов предупредительно-профилактическими мероприятиями грозили сотрудники КГБ.

Серьезнейшей недоработкой администрации Чернобыльской АЭС стала ситуация с охраной как стройки, так и действующих энергоблоков. Вопрос этот неоднократно поднимался на различных уровнях: отмечался контрразведчиками, признавался дирекцией, приводил к судебным разбирательствам. Впервые он был поднят сотрудниками УКГБ по г. Киеву и Киевской области в августе 1976 года. На тот момент управление строительства ЧАЭС уже имело свое подразделение ВОХР. Однако все входившие в него 40 человек, набирались «в основном из числа пенсионеров и лиц преклонного возраста». Это подразделение не могло в силу очевидных причин нести ответственность «за охрану принятых в эксплуатацию производственных помещений и находящегося в них оборудования», из-за чего дирекция АЭС наняла группу охранников из 12 человек. В действительности же для столь серьезных целей уже в 1976 г., то есть *до пуска первого энергоблока*, требовались 84 сотрудника. Поэтому, «для охраны важных производственных комплексов (реакторный зал, нижние водяные контуры реактора первого энергоблока АЭС, аппаратный зал, цех химводоочистки, склад свежего ядерного топлива)» администрация АЭС вынуждена была дополнительно привлечь на договорной основе 10 военнослужащих войсковой части. Имевшаяся между дирекцией АЭС и МВД Украинской республики договоренность о взятии под охрану станции силами подразделений МВД республики не реализовывалась из-за бумажной волокиты и препятствий экономического характера. Управление военизированной охраны Минэнерго СССР длительно не дало на это своего согласия и не выделяло необходимых финансовых средств¹²⁷.

Но судя по событиям июля 1983 г., когда в Припятском городском народном суде рассматривалось дело о проникновении и ночевках посторонних (в частности гражданина Сегеда В.Н.) в вентиляционных трубах третьего энергоблока Чернобыльской атомной электростанции, первоначальные старания сотрудников областного Управления КГБ не принесли результатов. Указанные факты за 1983 г. расследовались комиссией с уча-

---

¹²⁶ Из предвыборной речи члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПУ В.В.Щербицкого // «Вечірній Київ», 16 февраля 1979 г.

¹²⁷ Специальное сообщение УКГБ при СМ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ при СМ УССР про систематические нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ на отдельных участках строительства Чернобыльской АЭС от 17 августа 1976 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 12-15. Оригінал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.30.

стием дирекции ЧАЭС, командования отвечавшей за охрану станции воинской части 3561, представителей Главного управления внутренних войск МВД СССР и производственного объединения «Союзатомэнерго». Оказалось, что «временный торец между 3–4-м блоками, а также крыша машзала уязвимы в плане возможного проникновения на охраняемую часть АЭС со стороны строящегося 4-го энергоблока». Временное решение проблемы – «дозорный пост у торцевой перегородки 3–4-го блоков часовыми ВОХР» – позволило задержать уже целый «ряд нарушителей режима», материалы по которым и были направлены в прокуратуру¹²⁸.

Однако, ситуация только усугублялась. В октябре 1984 г., когда до аварии 26 апреля 1986 г. оставалось полтора года, чекисты констатировали, что охрана станции явно недорабатывает. Имелись оперативные «данные, свидетельствующие о серьезных недостатках в организации караульной службы на ЧАЭС, низком уровне идейно-воспитательной работы, моральном разложении отдельных военнослужащих»¹²⁹. Эти факты должны были лечь в основу *версии о возможной диверсии*, ставшей причиной масштабной катастрофы в апреле 1986 года.

Важным аспектом, как представляется, был и вопрос оплаты труда эксплуатационного персонала. Г.У. Медведев со знанием дела отмечал, что «к началу восьмидесятых годов оплата труда на блочных тепловых станциях превысила оплату труда операторов на АЭС», чему способствовали «бодро оптимистические свидетельства о полной безопасности атомных электростанций»¹³⁰, многократно повторявшиеся высокопоставленными представителями заинтересованных министерств и ведомств.

В середине 1970-х годов начал меняться и кадровый состав эксплуатационного персонала атомных электростанций. Резко возросший дефицит операторов АЭС стал привлекать в профессию случайных людей, которых «в первую очередь привлекали не столь уж большие деньги, а престижность»¹³¹. С Чернобыльской атомной в это время на повышение стали уходить люди, успевшие себя так или иначе зарекомендовать. Инженер-атомщик Медведев пошел на повышение в Москву, став сотрудником главного производственного управления Минэнерго СССР по строительству атомных электростанций. На строящуюся Балаковскую АЭС главным инженером с подачи В.П. Брюханова ушел его друг и сослуживец еще по

---

¹²⁸ Інформація дирекції ЧАЕС для Прип'ятського міського народного суду про заходи щодо запобігання проникнення сторонніх осіб територію АЕС від 1 липня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1983 р., спр. 01-21. Оригінал. // Чорнобильська трагедія: Документи і матеріали. – Київ: Наукова думка, 1996, с.50-51.

¹²⁹ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35. Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.65.

¹³⁰ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь..., с. 6.

¹³¹ Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь..., с. 17.

Славянской ГРЭС Т.Г. Плохий. И если первую перестановку можно было считать потерей для АЭС – уходил *именно специалист по атомным реакторам*, то вторая имела отношение к трагедии на пуске первого энергоблока БАЭС под Саратовом, при котором из-за спешки и несогласованности действий персонала (под руководством Т.Г. Плохия!) погибли, обварившись паром, 14 операторов станции.

Возникающий таким образом суммарный портрет эксплуатационника Чернобыльской атомной электростанции представлен в основном молодыми и не всегда опытными специалистами, оказавшимися в крайне сложной ситуации двойного или тройного давления. Необходимость соблюдения регламентов и инструкций при одновременном недопущении остановов и аварийных ситуаций для максимальной выработки электроэнергии на фоне некорректно работающего оборудования, контроля со стороны Минэнерго, партийных организаций различных уровней и представителей контрразведки, делали рабочую среду эксплуатационного персонала своеобразным бойцовским рингом. Замкнутый круг повседневной работы предполагал не просто постепенное снижение бдительности, свойственное для всех представителей электроэнергетики, но включал в себя и неразрешимое противоречие. Соблюдение существующих в атомной энергетике протоколов нередко вело к остановам, что было недопустимо. Игнорирование протоколов и регламентов, а также показаний ненадёжных контрольно-измерительных приборов, вело к авариям и опасным выбросам. Лавируя между двумя крайностями, эксплуатационники не только допускали неизбежные ошибки, но и приучались к недостаточно серьёзному отношению к работе. Халатность и не добросовестность, свойственная работающим по соседству строителям, постепенно «заражала» и эксплуатационный персонал АЭС.

Самым страшным и непоправимым в ситуации эксплуатационников было то, что они никогда не сталкивались с реальными последствиями радиационных аварий и мало представляли возможные последствия своих ошибок. Чернобыльская атомная, так или иначе, существовала в своём отдельном, обособленном мире, в котором атом воспринимался именно мирным и безопасным, а еще *престижным*. Без постоянного контакта с «внешним миром» отрасли, при игнорировании администрацией ведомственных мероприятий по обмену опытом и противопожарному обучению финал истории ЧАЭС оказывался практически предрешен.

Бесконечные планерки, заседания парткомов, «разбирательства» с участием вышестоящего партийного районного и областного начальства, давление со стороны оперативных работников Комитета государственной безопасности, большинство из которых прошли Великую Отечественную войну и были хорошо знакомы с тактикой политруков воинских подразделений – все это должно было восприниматься формализовано ввиду психологических защитных функций. Нервничать и переживать постоянно о недочетах в работе эксплуатационники не могли, поэтому постепенно при-

выкали к происходящему, как к должному, неизбежному «приложению» к престижной, хоть и не слишком высоко оплачиваемой работе.

Тем более, что помимо трудовых будней присутствовал еще и быт, также далеко не идеальный. Нехватка жилья (причем не только в виде благоустроенных квартир, но и общежитий), мест в детских садах, неустроенность городка, который медленно рос на глазах его жителей – все это создавало дополнительные трудности, делая жизнь еще более сложной. Но молодежь, осваивавшая Чернобыль, оставалась молодежью. Игралась свадьбы, как и везде в СССР этого периода отмечался бум рождаемости, люди старались не замечать недостатков.

РЕСПУБЛИКАНСКИЕ И СОЮЗНЫЕ ВЕДОМСТВА НА ПУТИ К ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ КАТАСТРОФЕ: ПАРТИЙНАЯ НОМЕНКЛАТУРА, БЮРОКРАТИЯ И КОНТРАЗВЕДКА

Какую роль в судьбе Чернобыля сыграли союзные ведомства, партийные структуры на местах и вездесущие оперативники КГБ? Ответ, свойственный большинству современных украинских историков-националистов – а именно так приходится характеризовать людей, упорно работающих над созданием образа «российского»¹³² врага – оказывается упрощенно-дихотомичным. К примеру, историк из Львова, кандидат наук и директор Архива СБУ В.М. Вятрович оценивает ситуацию, предшествовавшую Чернобыльской катастрофе, как игнорирование союзными органами власти предупреждений о возможной аварии¹³³, словно ЦК КПСС должен был лично решать появившиеся на Чернобыльской АЭС проблемы. Не ясна была в такой трактовке роль республиканских властей, администрации станции и её персонала. Выходило, что все вопросы и противоречия в Советском Союзе должен был решать Кремль. В действительности же всё было и сложнее и проще одновременно. Для того, чтобы сформулировать свой ответ на поставленный вопрос, обратимся к документам.

Серьёзной недоработкой союзных ведомств – от Минэнерго до КГБ СССР – было то, о чем предупреждали сотрудники УКГБ по г. Киеву и Киевской области еще на начальном этапе строительства Чернобыльской АЭС: атомную электростанцию возводили местные, республиканские специалисты, у которых не было соответствующего опыта и которым, неред-

---

¹³² В современном украинском языке понятие «русский» передается словом «российский», а «Русь» может быть только «Киевской».

¹³³ Дословный перевод названия статьи «Первопричина Чернобыля. КПСС игнорировала предупреждения о возможной аварии». См.: В'ятрович В. Початок Чорнобиля. КПРС ігнорувала попередження про можливу аварію // Українська правда, 26.04.2011.

ко, не доставало чувства ответственности и понимания масштабов возможных последствий их халатности и явного брака.

К примеру, некачественные сварные соединения на югославских трубопроводах КМПЦ появились с ведома Киевского филиала института «Энергомонтажпроект», с которым согласовывалась технология сварочных работ, а выявлен брак был исключительно благодаря сотрудникам Курской АЭС (куда поставлялось аналогичное оборудование) и 6-го Отдела УКГБ по Киевской области¹³⁴. Некачественно проведенные летом 1984 г. специалистами «Львов-энергоремонт» сварочные работы на трубопроводах рециркуляции питательных и аварийных насосов 4-го реактора были приняты в работу «с указанными недостатками» старшим инспектором местного Госгортехнадзора, в связи с чем контрразведчики Киевской области вынуждены были направить в адрес руководства ЧАЭС официальное представление с рекомендациями принять меры по устранению выявленных недостатков. Однако даже спустя два месяца ничего не было сделано¹³⁵.

Анализ документов зачастую демонстрирует недоработку республиканских организаций, ведомств и партийных органов власти на местах. Структуры, призванные контролировать соблюдение строительных норм и правил, технических условий, степени готовности и соответствие требованиям качества сдаваемых в эксплуатацию после возведения, монтажа или ремонта объектов – зачастую не справлялись с возложенными на них функциями. В общегосударственном масштабе «виновных» можно было искать и в ЦК КПСС, но вина их заключалась исключительно в неверном подборе последних звеньев вертикали власти. Формально Чернобыльская АЭС подчинялась союзному министерству энергетики и электрификации. Но фактически её строили и эксплуатировали по большей части местные подрядные организации, оборудование (в том числе некачественное) принимали и одобряли местные специалисты, а халатно выполненную работу одобряли местные руководители.

Во многом противоположная картина являлась отражением рабочих будней сотрудников КГБ. Они всегда отличались высокой степенью бдительности на всех уровнях. Но если внимание к ситуации на ЧАЭС на местах – в структурных подразделениях УКГБ по г. Киеву и Киевской области – имело важное положительное значение, так как контрразведчики вскры-

---

¹³⁴ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР В отношении поставок некачественного оборудования из Югославии на ЧАЭС от 9 января 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 315–316. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.59-60.

¹³⁵ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.65.

вали серьёзные факты, которые могли стать причиной крупных аварий на атомной электростанции задолго до 26 апреля 1986 г., то излишняя бдительность и недоверие вышестоящего начальства республиканского КГБ имели обратный эффект. С точки зрения эффективности, недорабатывало вышестоящее республиканское начальство, а наиболее компетентными и одержимыми работой оказывались местные контрразведчики.

В частности, судя по резолюциям председателя КГБ УССР В.В. Федорчука (занимавшего этот пост в 1970-1982 гг. – самую «жаркую» для сооружения ЧАЭС пору!) и его непосредственных подчиненных, большую часть сообщений с мест сначала перепроверяли «через другие возможности»¹³⁶ – что отнимало немало времени и сил – и лишь после передавали вышестоящему республиканскому (на уровне ЦК КПУ) и союзному начальству (в лице КГБ СССР и отдельных заинтересованных министерств).

Показательными в этом отношении стали события сентября 1982 г., когда небольшая, как казалось поначалу, аварийная ситуация привела к первым серьёзным последствиям с радиоактивным заражением местности вокруг Чернобыльской АЭС чрезвычайно опасными «горячими» частицами. Комплекс из шести рассекреченных документов, касавшихся этого эпизода из жизни станции, включенный в специальный выпуск журнала «З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ», имеет особую источниковедческую ценность, поскольку позволяет проследить логику сотрудников контрразведывательного 2-го Управления КГБ на местах и реакцию вышестоящего начальства на предпринимаемые меры по ликвидации последствий аварии – т.е. реконструировать *когнитивную историю* аварийной ситуации, ставшей предвестницей катастрофы 26 апреля 1986 г.

Уже первый¹³⁷ из доступных нам документов удивителен одновременно по четырём причинам: с точки зрения адресатов, содержания, контекста и резолюций вышестоящего начальства украинской контрразведки. Во-первых, начальник УКГБ по г. Киеву и Киевской области генерал-майор Н.К. Вакуленко отправлял своё срочное и секретное сообщение сразу в два вышестоящих подразделения контрразведки (*а не в КГБ УССР, куда направлялись такого рода сообщения обычно*) – во Второе главное управле-

---

¹³⁶ Из резолюции на документе: Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о недостаточной надежности контрольно-измерительных приборов и систем защиты Чернобыльской атомной электростанции от 16 октября 1981 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Т. 5. – Арк. 126–129. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ № 1 (16) 2001, с.45.

¹³⁷ Сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в ВГУ КГБ СССР и 2-е Управление КГБ УССР об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 10 сентября 1982 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 164. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.46.

ние КГБ СССР¹³⁸ в Москву, и непосредственному начальству – в республиканский аналог ВГУ, 2-е управление КГБ УССР. Причем в кратком, занимающем менее страницы из трёх абзацев тексте не содержалось информации о чем-то экстраординарном. Речь шла о неудачном пробном запуске 1-го энергоблока после планового капремонта. При подъёме мощности до 20 процентов произошел разрыв одного из тысячи шестисот сорока технологических каналов, нагруженных тепловыделяющими сборками (ТВС) и обрыв штанги, на которой крепятся ТВС, а также частичное увлажнение графитовой кладки. Согласно регламенту, реактор был заглушен для охлаждения, а эксплуатационный персонал АЭС приступил к обнаружению и замене технологического канала, в котором образовалась трещина. При этом по первоначальной информации «аварийная ситуация повышенного радиационного заражения технологических помещений не повлекла»¹³⁹. Именно это обстоятельство – кажущаяся первоначальная незначительность аварии – не соответствовала списку получателей послания. Единственным объяснением повышенного внимания к вопросу было запрошенное специалистами ЧАЭС время для ликвидации последствий, в течение которого потребители недополучали электроэнергию – 5 суток.

Другими словами – во-вторых и в-третьих – с точки зрения содержания (фактического информирования о необходимости продления капремонта реактора) и контекста сообщения (отсутствия сведений об опасных выбросах, пострадавших или повышении радиационного фона) – данный документ не должен был выходить за пределы республиканского уровня КГБ.

В-четвертых, на экземпляре сообщения, направленного во 2-е Управление КГБ УССР, стояли две резолюции, которые, с учетом их специфики, могли свидетельствовать о запоздалой и не стандартной реакции контрразведки республики на ситуацию в Чернобыле. В день получения документа – 10 сентября – Н.И. Зубатенко поручил начальнику 7-го отдела 2-го Управления КГБ УССР Н.Г. Гибадулову «обеспечить контроль за обстановкой на ЧАЭС». А спустя три дня, 13 сентября, на сообщении появилась резолюция республиканского начальства – генерал-майора Ю.В. Петрова, заместителя председателя КГБ УССР, обязывавшая Н.И. Зубатенко «обстановку контролировать ежедневно и докладывать ... лично»¹⁴⁰. Таким образом выходило, что, адресовав свое сообщение областному и союзному управлениям контрразведки, Н.К. Вакуленко повысил оперативность реа-

---

¹³⁸ ВГУ КГБ СССР занималось контрразведывательной деятельностью. В 1982 г. в структуре КГБ появилось и 6-е Управление, взявшее на себя функции контрразведывательного обеспечения экономики.

¹³⁹ Сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в ВГУ КГБ СССР и 2-е Управление КГБ УССР об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 10 сентября 1982 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 164. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.46.

¹⁴⁰ Там же.

гирования непосредственного начальства и привлек внимание Москвы к проблемам АЭС. Московское руководство, в свою очередь, оказало давление на республиканский КГБ. Уже спустя три дня, на фоне повторного секретного и срочного сообщения¹⁴¹ (также имевшего двух адресатов, но уже в лице КГБ республики и Союза, а не их структурных подразделений) на первом документе появилась вторая резолюция.

В определенном смысле двойная рассылка срочного секретного сообщения, предпринятая Н.К. Вакуленко, была нарушением субординации: глава областного управления КГБ докладывал как непосредственному республиканскому, так и вышестоящему союзному начальству. Было ли это частью регламентирующей документации, предписывавшей дублировать такого рода срочные донесения о возникновении аварийных ситуаций – не известно. Однако отсутствие аналогичных «двойных» адресатов у предыдущих доступных нам посланий генерал-майора Н.К. Вакуленко должно свидетельствовать о беспрецедентности ситуации. Аварии и остановки в работе реакторов Чернобыльской АЭС случались и раньше, причем некоторые из них характеризовались радиационным загрязнением местности – т.е., они имели, как представляется, большее значение и большую опасность.

Даже факт повышения по службе бывшего председателя республиканского КГБ не мог, в данном случае, служить объяснением выбора адресатов главой республиканского управления Комитета: первое сообщение начальника УКГБ по г. Киеву и области предназначалось *не В.В. Федорчуку*, а московским контрразведчикам, подчиненным ему.

Если внимательно перечитать предыдущие шесть документов за подписью Николая Кондратьевича Вакуленко за 1976-1981 гг., то в большей их части обнаружатся факты и проблемы гораздо более значимые, но, вероятно, не получившие необходимой для Чернобыльской АЭС и областного УКГБ реакции и решения. В 1976 г. – сразу после вступления в должность начальника управления областного КГБ – Н.К. Вакуленко указывал республиканскому начальству на систематические нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ при возведении ЧАЭС¹⁴²; в 1979 г. – докладывал главе республиканского КГБ В.В. Федорчуку об аварийной остановке 1-го энергоблока по причине выхода из строя главных циркуляци-

---

¹⁴¹ Сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 13 сентября 1982 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 165–166. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.48-49.

¹⁴² Специальное сообщение УКГБ при СМ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ при СМ УССР про систематические нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ на отдельных участках строительства Чернобыльской АЭС от 17 августа 1976 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 5. – Арк. 12-15. Оригинал. Машинопис. // З архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.28-31.

онных насосов¹⁴³; в августе 1980 г. не просто характеризовал ситуацию с массовыми жалобщиками из г. Припяти, пишущими во все возможные инстанции, но подчеркивал неудовлетворительное состояние социально-бытовых условий жизни строителей и эксплуатационного персонала ЧАЭС¹⁴⁴; в марте 1981 г. – раскрывал схемы «радиационного браконьерства», когда Иванковский рыбкомбинат, в обход решения Чернобыльского райисполкома и указаний заместителя Главного государственного санитарного врача СССР т. Воробьева Е.И., проводил лов рыбы из пруда-охладителя АЭС с последующей её реализацией населению без лабораторных анализов и препятствуя проезду заведующего промсанлабораторией СЭС на территорию ЧАЭС¹⁴⁵; 20 апреля 1982 г. – сигнализировал о радиационном заражении 180, а затем 800 кв. м. санитарной зоны станции с 20-ти кратным превышением предельно допустимых концентраций (ПДК)¹⁴⁶ опасных веществ; в октябре 1981 г. – сообщал о тупиковой ситуации с 14 тысячами контрольно-измерительных приборов, недостаточная надёжность которых (как и невозможность их замены) становилась поводом к остановам реакторов и могла в дальнейшем стать причиной серьёзных аварий¹⁴⁷. Ни один из этих документов не выходил за пределы Киева: руководство КГБ республики решало *какую* информацию и в *каком* объёме и трактовке передавать в ЦК КПУ, а тем более – в Москву. На фоне казавшейся первоначально незначительной аварии на ЧАЭС 9 сентября 1982 г. Н.К. Вакуленко изменил положение дел, передав своё краткое сообщение сразу двум вышестоящим ведомствам. Для него лично – человека, искренне стремившегося служить на благо страны – служебное рвение и душевная боль за судьбу Чернобыльской атомной, как представляется, не принесли никаких «дивидендов».

---

¹⁴³ Специальное сообщение Управления КГБ УССР по г. Киеву и Киевской области председателю КГБ УССР В.В. Федорчуку об аварийной остановке 1-го энергоблока Чернобыльской атомной электростанции от 21 февраля 1979 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 30–31. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.34-35.

¹⁴⁴ Справка УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР от 26 августа 1980 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 38–40. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.36-37.

¹⁴⁵ Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о нарушении радиационной безопасности на ЧАЭС и проведении оценки возможностей использования пруда-охладителя Чернобыльской АЭС для промышленного разведения рыбы от 12 марта 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 71–74. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.38-40.

¹⁴⁶ Специальное сообщение УКГБ по г. Киев и Киевской области в КГБ УССР от 20 апреля 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 99–100. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.41-42.

¹⁴⁷ Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о недостаточной надёжности контрольно-измерительных приборов и систем защиты Чернобыльской атомной электростанции от 16 октября 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Т. 5. — Арк. 126–129. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.43-45.

С поста начальника управления КГБ по г. Киеву (второй, негласной столицы СССР!) в свои 57 лет, будучи младше многих своих сослуживцев, он ушел в небытие. Найти его дальнейший официальный послужной список не удалось, если не считать статьи в электронной версии историко-публицистического альманаха «Лубянка» за 2010 год, в которой «член Совета ветеранов УФСБ по Свердловской области, генерал-майор, почетный сотрудник госбезопасности Вакуленко Николай Кондратьевич» из г. Екатеринбурга поздравляет «дорогих товарищей ветеранов – чекистов» с 93-й годовщиной создания органов госбезопасности. В пояснении редакции указывалось, что автор родился в крестьянской семье на Украине, во время войны был эвакуирован на Урал, прошел путь от рабочего оборонного завода до секретаря Комитета ВЛКСМ и зам. секретаря парткома завода, был направлен на службу в органы МГБ и 40 лет проработал в оперативном и руководящем составе органов госбезопасности Свердловской области, г. Киева и Киевской области, руководил Высшими курсами КГБ СССР в г. Киеве. «В настоящее время проживает в г. Екатеринбург»¹⁴⁸.

Для самого Чернобыля старания руководителя одного из подразделений органов госбезопасности также не увенчались успехом. Нарушения технологии строительно-монтажных работ и регламентов эксплуатации атомной станции продолжились также, как и контроль республиканского начальства КГБ над сотрудниками контрразведки на местах, с несколькими степенями перепроверки их сообщений. Заложниками административной бюрократической волокиты, существовавшей внутри Комитета государственной безопасности, становились чиновники, не имевшие доступа к секретной информации, и, в еще большей степени, население.

Любопытно, что при беглом взгляде на первое сообщение Н.К. Вакуленко по аварии 9 сентября 1982 г., канадский историк Д. Марплз интерпретировал его упрощенно: «первоначально глава КГБ по г. Киеву и области ... не увидел особого повода для тревоги»¹⁴⁹. Такой вывод профессор сделал исключительно исходя из срока, который требовался для ремонта – пять суток. Специфика самого документа, рассмотренная нами выше, ускользнула от его внимания.

Следующие три документа, касающиеся аварии 9 сентября 1982 г., особенно интересны при их сопоставительном анализе. В первом – срочном секретном сообщении УКГБ по г. Киеву и области одновременно в КГБ СССР и КГБ УССР от 13 сентября – подробно описывались конструктивные особенности реактора в части технологических каналов и ТВС, а также констатировалось, что из тепловыделяющих сборок ушло урановое

---

¹⁴⁸ Вакуленко Н.К. Органам госбезопасности – 93 года // «Лубянка», декабрь 2010 г. [Электронный ресурс]. URL <http://www.a-lubyanka.ru/page/93-vakulenko> [доступ от 05.05.2015.]

¹⁴⁹ Marples D.R. Chernobyl: a Reassessment. // Eurasian Geography and Economics, Volume 45, Issue 8, 2004, p. 592.

топливо, «которое подлежит извлечению». Исходя из заверений директора ЧАЭС Брюханова В.П. и главного инженера Акинфиева В.П. о том, что циркониевая оболочка топлива не разрушена, контрразведчики полагали, что «радиационного заражения технологических помещений не произошло». Время на ликвидацию последствий аварийной ситуации увеличивалось вдвое – до 10 суток. Резолюция председателя республиканского КГБ, наложенная в тот же день, предписывала поставить расследование и обстановку на контроль, а также составить краткую сводку¹⁵⁰.

На следующий день трём адресатам были отправлены два совершенно разных сообщения. Областное УКГБ информировало своё союзное и республиканское руководство о повышении уровня радиации в реакторном отделении 1 энергоблока ЧАЭС, где уровень нормы оказался «местами превышен в 10-100 раз». Эта осторожная формулировка прикрывала суровую и нелицеприятную реальность: указанные 1000 микрорентген в секунду по отношению к официальным нормативам фоновой природной радиации на открытой местности (еще чуть больше года назад озвученные как 0,8 микрорентген в секунду¹⁵¹) фактически означали, что персоналу станции придётся изредка, по служебной необходимости находиться в помещениях, где радиация в 1250 раз (!) выше нормы. Кроме того, во время дождя произошел выброс радиоактивных аэрозолей в вентиляционную трубу, что привело к локальному загрязнению территории промышленной площадки, где дозы гамма-излучений повысились до 0,01-0,02 микробэр в секунду (при ПДК 0,08 мкр бэр/в сек.)¹⁵².

В ЦК КПУ тем временем пришло секретное информационное сообщение за подписью председателя КГБ УССР, содержание которого устарело еще до отправки. В нём, в частности, описывалась авария 9 сентября и, по аналогии с первым сообщением областных чекистов (от 10.09.1982 г.), говорилось, что «радиационного заражения технологических помещений не произошло»¹⁵³. Подписывая этот документ, глава республиканского КГБ генерал-лейтенант С.Н. Муха (являвшийся, одновременно, членом ЦК

---

¹⁵⁰ Сообщение УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР Об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 13 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 165–166. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.48-49.

¹⁵¹ Специальное сообщение УКГБ по г. Киев и Киевской области в КГБ УССР от 20 апреля 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 99–100. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.41.

¹⁵² Сообщение УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР О повышении уровня радиоактивных излучений в реакторном отделении 1 энергоблока ЧАЭС от 14 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 197–198. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.51.

¹⁵³ Информационное сообщение КГБ УССР для ЦК КПУ Об аварии на АЭС от 14 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 16. — Оп. 7 (1985). — Спр. 70. — Арк. 145. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.50.

КПУ и кандидатом в члены Политбюро ЦК КПУ) уже мог знать о *реальном* положении дел на Чернобыльской АЭС. По крайней мере именно для оперативного информирования вышестоящего начальства контрразведчики области направляли в этот же день своё *срочное* сообщение. Резолюция председателя КГБ УССР, появившаяся на нём лишь на следующий день, гласила: «В сводку (по состоянию на утро 15.IX. с.г.). Усилить контроль обстановки и эффективность принимаемых мер. Муха. 14.IX–82»¹⁵⁴.

Спустя полтора месяца, к 30 октября 1982 г. стало очевидно, что результирующими казавшейся поначалу незначительной аварии стали радиационные следы, распределившиеся в юго-западном направлении на расстояние до 5 километров от трубы АЭС, а в северо-восточном – до 14 километров. Доза излучения варьировалась от 0,3 до 2 мкбэр/сек – на территории АЭС, до 0,3 мкбэр/сек – в пределах санитарно-защитной зоны, и менее 0,004 мкбэр/сек в пределах 35-километровой зоны – при ПДН 0,08 мкбэр/сек. Это означало, что персоналу станции сразу после аварии приходилось работать при радиационном фоне в 3,75–25 раз выше нормы. В пробах почвы, воздуха и воды обнаруживались «характерные твердые продукты деления урана–235» (церий–141, церий–144, рутений–103, цирконий–95, ниобий–95). Загрязнение было распределено «в верхнем слое почвы толщиной 1 см и на растительности»¹⁵⁵.

Гораздо большую опасность при этом представляли обнаруженные в юго-западном направлении от станции труднорастворимые «горячие» частицы, в которых идентифицировался уран. Особенно сложной была обстановка в районе села Чистоголовка, расположенного в юго-западном направлении на расстоянии 5 километров от АЭС. Зарегистрированные здесь на почве «горячие» частицы размером 10÷20 микрон, имели активность, в сотни раз превышавшую допустимые нормы. Именно эти частицы представляли для населения «наибольшую опасность в радиационном плане», т.к. при попадании «в дыхательные органы или вовнутрь организма различными путями» они могли вызвать «серьезные последствия, вплоть до летального исхода (смерти) [курсив мой – О.Д.] из-за «прожигания» тканей организма»¹⁵⁶. Поэтому ситуация требовала «дополнительных исследований и принятия действенных мер по ликвидации «горячих» частиц»¹⁵⁷. Но даже их количество могло быть определено *ориентировочно* через 14–15 дней.

¹⁵⁴ Сообщение УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР о повышении уровня радиоактивных излучений в реакторном отделении 1 энергоблока ЧАЭС от 14 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 197–198. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.52.

¹⁵⁵ Докладная записка начальника УКГБ по г. Киеву и Киевской области председателю КГБ УССР о состоянии радиационной обстановки в районе расположения Чернобыльской АЭС (Совершенно секретно. Лично) / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 239–242. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.54.

¹⁵⁶ Там же, с.55.

¹⁵⁷ Там же, с.56.

Председатель республиканского КГБ своей резолюцией, появившейся на документе на следующий день, 31 октября 1982 г., требовал от главы республиканского управления контрразведки Н.И. Зубатенко взять обстановку на АЭС и принимаемые меры под личный контроль с последующим докладом по окончательным результатам обследования и предложениям. Для ЦК и КГБ СССР необходимо было срочно подготовить информационные сообщения.

Спустя шесть дней после сообщения областного УКГБ республиканский Комитет государственной безопасности информировал первого секретаря ЦК КПУ Щербицкого В.В. – совершенно секретно, лично – «о радиационной обстановке на Чернобыльской АЭС и в ее окружении». Трёхстраничный документ начинался очень важной для понимания ситуации фразой: «14 сентября 1982 года докладывалось об аварийной остановке 1-го энергоблока Чернобыльской АЭС по причине разрыва технологического канала № 6244»¹⁵⁸. Такое вступление означало, что поступившая 14 сентября срочная информация из областного КГБ о радиоактивных выбросах так и не была доведена до сведения республиканских властей.

Сравнение же содержания Докладной записки В.В. Щербицкому с исходными данными, предоставленными начальником областного УКГБ Н.К. Вакуленко 30 октября приводит к еще менее утешительным выводам: стремясь не допустить панических настроений и слухов, сотрудники республиканского КГБ смягчили формулировки выводов межведомственной комиссии Минэнерго УССР и лаборатории радиационной биофизики Института ядерных исследований АН УССР. Осторожные, «обтекаемые» фразы об «отдельных направлениях», на которых «имеет место *некоторое* повышение радиоактивности [курсив мой – О.Д.]»¹⁵⁹ не помогали в понимании ситуации. Большинство численных показателей, характеризующих радиационное загрязнение местности в районе АЭС и в пределах 14 километров вокруг, не сопровождалось указанием на кратность превышения ПДК, хотя для сравнения и была оставлена ссылка на показатель «допустимой нормы» дозы радиационного излучения в 0,08 мкбэр/сек. Кроме того, информация, касающаяся опасности «горячих» частиц, оказалась изменена настолько, что вместо исходной формулировки сотрудников областного КГБ, работавших напрямую с комиссией специалистов-атомщиков (о серьезных последствиях «вплоть до летального исхода (смерти)») появилось утверждение, что при попадании в организм человека обнаруженные на местности «горячие» частицы «могут вызвать тяжелые заболевания»¹⁶⁰. Так работали – тщательно продумывая каждое слово в буквальном смысле – контрразведчики республиканского КГБ!

---

¹⁵⁸ Докладная записка председателя КГБ УССР первому секретарю ЦК КПУ Щербицкому В.В. о радиационной обстановке на Чернобыльской АЭС и в ее окружении от 5 ноября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 243-245. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.57.

¹⁵⁹ Там же.

¹⁶⁰ Там же, с.58.

Два предпоследних абзаца «Докладной записки» и вовсе имели особый смысл, который должен был по-своему понять фактический глава украинской республики. В них говорилось об отсутствии «фактов распространения панических слухов» и о том, что «обстановка в оперативном плане [курсив мой – О.Д.] на АЭС и в ее окружении нормальная». В тоже самое время сообщалось, что «комитетом республики и УКГБ по г. Киеву и Киевской области для оказания помощи Припятскому горотделению КГБ» были «командированы опытные оперативные работники», а обо всём изложенном «доложено лично Председателю Комитета государственной безопасности Союза ССР товарищу Федорчуку В.В.»¹⁶¹.

Первая декада ноября 1982 г. была особым временем для первого секретаря ЦК КПУ В.В. Щербицкого. Он, по одной из версий, имел все шансы сменить своего близкого друга и соратника Л.И. Брежнева на высшем государственном посту СССР¹⁶². Об этом могли свидетельствовать перестановки в среде партийной номенклатуры. Юрий Владимирович Андропов, 15 лет руководивший Комитетом государственной безопасности, в мае 1982 г. был переведен на прежнюю должность М.А. Сулова – стал секретарём ЦК. В КГБ до этого его работа контролировалась двумя заместителями, назначенными с подачи Л.И. Брежнева – соратником Леонида Ильича по работе в Молдавской ССР Семёном Кузьмичом Цвигуном и другом генсека с довоенной поры Георгием Карповичем Цинёвым. 26 мая 1982 г. занимавший до этого должность председателя КГБ УССР Виталий Васильевич Федорчук был переведен из Киева в Москву и занял прежний кабинет Юрия Владимировича. Андропов, таким образом, терял связи с самым влиятельным советским ведомством, а его новая должность отчасти походила на смещение, а не на повышение по службе.

Обобщив материалы дневниковых записей Л.И. Брежнева, воспоминания очевидцев и книгу записей приёмной генсека, А.Е. Хинштейн указывает в своём публицистическом исследовании, что «начиная с 1-го ноября [1982 г. – О.Д.], Брежнев появляется в рабочем кабинете ежедневно» и даже в субботу, 6 ноября, «приезжает в Кремль, откуда обзванивает почти всех секретарей союзных республик (14 человек из 15-ти!) и множество секретарей обкомов»¹⁶³. Далее он озвучивает версию о том, что в середине ноября Л.И. Брежнев собирался «провести внеочередной пленум ЦК КПСС, на котором новым генсеком должны были избрать Щербицкого», а сам он должен был перейти на специально создаваемый пост «Председателя партии»¹⁶⁴.

Если даже предположение А.Е. Хинштейна – преувеличение, необходимо учитывать два обстоятельства, касавшиеся УССР и лично В.В. Щербиц-

---

¹⁶¹ Там же.

¹⁶² Хинштейн А. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011. С. 422-425.

¹⁶³ Там же, с.429.

¹⁶⁴ Там же, с.431.

кого начала ноября 1982 г. Во-первых, телефонный разговор генсека и секретаря ЦК КПУ действительно имел место 6 ноября. Во-вторых, прежний глава украинского КГБ, знавший о нарушениях при строительстве и эксплуатации Чернобыльской АЭС не понаслышке, теперь занимал кресло председателя КГБ СССР, что давало ему возможность отчасти прикрывать недочеты Украинской республики в целях сохранения авторитета её лидера.

Вероятно поэтому «Докладная записка» председателя республиканского КГБ о радиационной обстановке на ЧАЭС от 5 ноября 1982 г. затерялась среди бумаг В.В. Щербицкого и свою резолюцию на документе он поставил лишь спустя три дня после получения. Этот срок являлся нормативным для рассмотрения входящей документации большинства советских ведомств. С точки зрения «красных» дат официального советского календаря эта «Докладная записка» попала на стол главы УССР накануне важнейшего для страны празднования 65-й годовщины Октябрьской революции, что вполне оправдывало задержку. 8 октября 1982 г. В.В. Щербицкий переадресовал документ для личного ознакомления второму секретарю ЦК КПУ Алексею Антоновичу Титаренко¹⁶⁵ и недавно назначенному секретарем ЦК КПУ Борису Васильевичу Кочуре¹⁶⁶.

10 ноября 1982 г. умер Л.И. Брежнев. Пост генерального секретаря ЦК КПСС, как известно, занял бывший председатель КГБ СССР Ю.В. Андропов. В.В. Щербицкий остался главой Украинской ССР, а его потенциальная «правая рука» в КГБ Союза – переведенный с аналогичного поста УССР В.В. Федорчук – уже в декабре был назначен министром МВД, что уменьшило его возможности в отношении доступа к секретной информации. Однако его деятельность на Лубянке, занявшая в общей сложности чуть более полугода, не прошла бесследно.

В октябре 1982 г. в структуре КГБ появилось 6-е Управление, занимавшееся контрразведывательным обеспечением экономики. Аналогичным образом изменились и структуры ведомства на местах. Прямым следствием этого становилось увеличение бюрократических процедур и усложнение документооборота. В дальнейшем переписка подразделений областного киевского УКГБ по вопросам строительства и эксплуатации ЧАЭС велась зачастую с отделами 6-го Управления КГБ УССР, что снижало эффективность работы контрразведчиков.

«Наверх» ведомственной лестницы информация с мест попадала в сокращенной и искаженной форме, что не способствовало снижению количества нарушений при строительномонтажных мероприятиях и эксплуатации ЧАЭС. Да и на местах понимание отсутствия жесткого контроля председате-

---

¹⁶⁵ Выпускник прокатного факультета Мариупольского металлургического института (1937 г.) с опытом работы технологом и начальником цеха на военном заводе в Нижнем Тагиле в период эвакуации.

¹⁶⁶ Выпускник Харьковского политехнического института, инженер-механик по специальности.

ля республиканского и союзного КГБ сказывалось отрицательно, «расхолаживало» контрразведчиков. В частности, документы, направляемые официально начальником 6-го отдела киевского областного управления КГБ М.А. Турко, неоднократно подписывались одним из его заместителей¹⁶⁷. А секретное специальное сообщение начальника областного УКГБ М.З. Бандуристого оказывалось подписано его замом П. Пархоменко¹⁶⁸.

Также значительно снизилась оперативность мероприятий структурных подразделений КГБ. К примеру, в ситуации, явно требовавшей немедленного реагирования – при зафиксированном представителями группы проектировщиков станции из НИИ «Гидропроект» и персонала ЧАЭС *разрушении несущих конструкций зданий двух запущенных в работу реакторов* – работавшие на месте контрразведчики области стремились создать очередную «компетентную комиссию» с целью проведения тщательного обследования на 3-м и 4-м энергоблоках. Причем создавать её необходимо было «через Минэнерго СССР», а за помощью сотрудники УКГБ обращались к *республиканскому начальству*. Реакция оказалась своеобразной: начальник 6-го управления КГБ УССР М.З. Бандуристый своей резолюцией требовал «срочно информировать Минэнерго (через КГБ СССР)», при том, что и схема информирования не выглядела оперативной («через КГБ СССР!»), и свою визу на сообщении он наложил на 6-й день (!) с момента поступления (документ был получен в субботу 17 марта, а резолюция оформлена четвергом 22 марта 1984 г.)¹⁶⁹.

Еще дольше своей участи ждало Специальное сообщение от 4 февраля 1986 г. Больше недели ушло у начальника 3 отдела 6 Управления КГБ УССР майора В.В. Лисовенко на то, чтобы констатировать, что изложенная проблема «известна Минэнерго СССР и Союзатомэнерго», а сам он, как представитель вышестоящего начальства, передал информацию «наверх» по каналам контрразведки – в 5 отдел 6 Управления КГБ СССР¹⁷⁰. Лишь 13 февраля на документе появилась соответствующая резолюция.

---

¹⁶⁷ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР В отношении поставок некачественного оборудования из Югославии на ЧАЭС от 9 января 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 315–316. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.60; Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.65.

¹⁶⁸ Специальное сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и области начальнику 6-го управления КГБ УССР О выявленных недостатках на третьем и четвертом энергоблоках Чернобыльской АЭС от 17 марта 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 5–6. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.62.

¹⁶⁹ Там же.

¹⁷⁰ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3 отдела 6-го Управления КГБ УССР О возможных последствиях снижения мощности на Чернобыльской АЭС от 4 февраля 1986 г.

Знаковым симптомом стало и отсутствие резолюций на документах, требовавших принятия неотложных и системных мер. В частности, уже в октябре 1984 г. сотрудникам областного Управления КГБ было очевидно, что «первый и второй энергоблоки ЧАЭС менее надежны в плане безопасности окружающей среды», а «третий, четвертый и последующие блоки» имеют преимущество в виде блока локализации аварий, но недостаток – в отсутствии гарантий надежной и безопасной работы ввиду того, что «испытания их в экстремальных условиях не проводились»¹⁷¹. Обнаруженные по итогам расследования аварии сентября 1982 г. нарушения не были устранены, что повышало риск возникновения новых внештатных ситуаций (завод-изготовитель (г. Глазов Удмурдской АССР) не соблюдал технологию изготовления технологических каналов, изменив соотношение количества титана к углероду, что делало оставшиеся в эксплуатации 1639 каналов первого реактора аварийноопасными). Недочеты, выявленные на первых двух энергоблоках, не устранялись на последующих (главный проектировщик – институт «Гидропроект» – не доработал системы охлаждения для строившихся 5-го и 6-го реакторов несмотря на поступившую информацию о необходимости увеличить на 39% количество воды для предотвращения заклинивания насоса и недопущения выхода его из строя). Некачественно проводились ремонтные работы на действующих реакторах: специалисты организации «Львовэнерго-ремонт» допускали брак при проведении сварки на трубопроводах рециркуляции питательных и аварийных насосов, что могло привести к авариям. При этом старший инспектор Госгортехнадзора принял этот узел с указанными недостатками, а сотрудники УКГБ по г. Киеву и области вынуждены были направить в адрес руководства ЧАЭС «официальное представление с рекомендациями принять меры по устранению недостатков», но за два месяца (с августа по октябрь 1984 г.) «должных мер принято не было»¹⁷². Не менее удручающими были и данные о «серьезных недостатках в организации карательной службы на ЧАЭС, низком уровне идейно-воспитательной работы, моральном разложении отдельных военнослужащих»¹⁷³. Контрразведчики областного УКГБ сделали в этих условиях все, что могли: проинформировали Припятский городской комитет КПУ и ОО КГБ СССР по Управлению внутренних войск МВД СССР по Украинской ССР и Молдавской ССР (что должно было решить проблемы охраны спец. объекта) и доложили начальнику 3 отдела 6 Управления КГБ СССР, надеясь на реакцию «сверху». Однако судя по отсутствию резолюции на документе, информацию приняли как должное, но не предприняли никаких конкретных мер.

---

¹⁷¹ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35.

Оригінал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.63.

¹⁷² Там же, с.65.

¹⁷³ Там же.

Таким образом, по изменениям содержания и авторства документов, структуры самого КГБ, реакции вышестоящего начальства – можно сделать несколько выводов. Прежде всего представляется, что работа контрразведчиков до 1983 г. и после – имела свои знаковые отличия. Областное КГБ стало работать хуже, на что влиял и вопрос сменившихся местных кадров, и увеличившаяся бумажная волокита, и отсутствовавшая ранее переписка узкоспециальных отделов и подразделов областного и республиканского управлений. Теперь об ухудшающейся ситуации на строящейся и эксплуатирующейся Чернобыльской АЭС докладывал не начальник УКГБ по области, а значительно отстоявшие от него по положению подчиненные. В республиканском Комитете их адресатами также были люди, которые *ничего не решали лично*. Путь того или иного сообщения «наверх» удлинялся и, весьма вероятно, искажалось его содержание, *менялся смысл*, что только усугубляло и без того сложную ситуацию на стратегическом объекте. Люди, по роду своих должностных обязанностей сталкивавшиеся с ЧАЭС с момента нулевого цикла её возведения – ушли и из местного областного, и из республиканского, и из союзного управлений КГБ. Сменившие их преемники могли знать о ситуации на атомной только по документам, ушедшим в архивы – для чего таковые необходимо было из архивов затребовать, для чего нужны были и повод и желание.

Фактически же наметилось своеобразное «усыпление бдительности» контрразведчиков, когда, к примеру, сокращение недовыработки электроэнергии стали стартовать как показатель улучшения работы эксплуатационного персонала и проектировщиков АЭС¹⁷⁴, проводя неоправданные и очевидные с точки зрения результата сравнения данных за неполный и, в целом, относительно благополучный 1984 г. с событиями и показателями самого неудачного аварийного 1982-го. Последняя структура, стоящая на страже безопасности государства и его стратегических объектов, безвозвратно изменилась и качество выполняемых ею обязанностей снизилось. Достаточно сказать, что после событий 26 апреля 1986 г. комитетчики не отработали в полной мере версию диверсии на ЧАЭС. А ведь опубликованная в новосибирском еженедельнике накануне аварии статья¹⁷⁵ содержала и схематичный рисунок реактора РБМК с символом взрыва на нем (понятным, в основном, физикам-ядерщикам), и размещена была между колонками программы радиопередач на ...26 апреля! Этот завуалированный «посыл» так и не был расследован, а его автор не был найден¹⁷⁶.

---

¹⁷⁴ Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35.

Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.64.

¹⁷⁵ Еженедельник "7 дней", №№ 17 и 18 за апрель 1986 года.

¹⁷⁶ Алексей Исаев. Дата трагедии в Чернобыле была известна задолго до 26 апреля // "Российская газета" 13 августа 1993 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассекреченные документы Архива Службы безопасности Украины, посвященные строительству и эксплуатации Чернобыльской атомной станции, позволяют реконструировать относительно обособленные информационные пространства, социумы, в которых существовали независимо друг от друга и, так или иначе, постоянно взаимодействовали строители, эксплуатационники, сотрудники Комитета государственной безопасности, а также, реже соприкасавшиеся с этим «информационным полем» Чернобыля представители партийной номенклатуры, министерств и ведомств республиканского и союзного уровня. Представители каждого из этих обособленных, но вынужденно взаимосвязанных «миров» вносили свою лепту в сотворение Чернобыля – как *интеллектуального овеществленного продукта*, мыслеобраза (расцениваемого некоторыми из них в качестве априорно безопасной, или, напротив, чрезвычайно опасной системы) и, наконец катастрофы, наложившей колоссальный отпечаток на судьбы отдельных людей, стран и человечество в целом.

Для проектировщиков Чернобыль изначально был *интеллектуальным овеществленным продуктом*. Но его огромные масштабы делали его недоступным для понимания *одним* человеком, требуя созидательного участия значительного числа специалистов, для большинства из которых целостный мыслеобраз первой в Украине атомной электростанции неизбежно был чем-то иллюзорным. Как следствие – становились возможными отдельные недоработки и упущения, которые способны были уничтожить всю систему, запустив эффект домино. Ошибки при расчетах теплоизоляции вели к медленному, но неизбежному разрушению перекрытий. Ненадежная схема питания различных систем управления реактором способствовала ложным отключениям и срабатыванию автоматической защиты с полной остановкой блоков. Заложенное в проекте количество воды, используемой для охлаждения главных циркуляционных насосов, оказывалось недостаточным, что способствовало заклиниванию ротора насоса и выходу его из строя. Но отдельные люди – от сотрудников НИИ, до бюрократов министерств – вполне могли не понимать и не задумываться об этих «частных» моментах большого и стратегически важного объекта – Чернобыля. Его имя еще не было синонимом непоправимой беды и поэтому кто-то из тех сотен людей, которые отвечали за создание АЭС в чертежах и схемах мог просто не вполне качественно делать свою работу.

Мозаичная, собранная из интеллектуальных достижений отдельных людей картина будущего объекта атомной энергетики оказывалась в еще меньшей степени понятна тем, кто должен был *овеществлять замысел*, воплощая его в жизнь посредством отдельных строительно-монтажных операций. Строители «Кременчуггэсстроя», ничего не знали об атомных электростанциях, имея опыт взаимодействия лишь с *ощутимой* и *видимой*

силой реки. Были среди них и вчерашние сельские механизаторы, и люди, случайно попавшие на стройку, и те, кто хотел почувствовать себя частью важного целого, откликнувшись на призыв комсомольской или партийной организации. «Мирный атом» для подавляющего большинства из них был именно *мирным*, что не позволяло в полной мере ощутить ту страшную, невиданную ранее мощь, способную в равной мере сокрушать живую силу биологических объектов и созданную человеком электронику.

Труд строителей по своему качеству далеко не всегда соответствовал масштабу и значимости того объекта, части которого они возводили. Хотя были на стройке и самоотверженные, пришедшие в профессию по призванию люди. Их старания нередко наталкивались на равнодушие начальства, нехватку оборудования или материалов, уравниловку и рутину. Стандартные «разбирательства» на заседаниях партактива и в парткоме, обсуждения на повседневных планерках, «выставление на вид», выговоры «с занесением» в личное дело и без не помогали изменить отношение к работе другой части строителей и монтажников. Постоянный, набивший оскомину и мало влиявший на производительность и качество труда прессинг, не мог изменить главного: отношения к работе и видение конечной цели. Судя по тенденциям времени, отразившимся в исследованных документах, *действительной целью строителей было соблюдение сроков и плановых показателей. Не построить* потенциально опасную, но экономически необходимую *атомную электростанцию, а выполнить план*, наравне с другими трудовыми коллективами страны *поучаствовать в соцсоревновании*. В рамках такого подхода судьба Чернобыльской атомной оказывалась predetermined.

Будни эксплуатационного персонала, также начинались авралом. Из-за несвоевременной поставки проектной документации, строительных материалов и техники, нехватки строителей и монтажников, а главное – из-за необходимости успеть запустить первый и последующие блоки к определенным, зачастую знаковым датам – эксплуатационники тоже вынуждены были спешить. И в этой спешке некогда было задуматься, испугаться, остановиться. Стоило одному реактору заработать, и в жизни оперативного персонала АЭС также появились парткомы, выговоры, полу-ритуальные формализованные планы-графики производственно-технического обучения, штудирование бесконечных регламентов, инструкций, нормативных документов, за которыми также нередко терялась главная цель – крайне опасный и почти живой реактор.

Эксплуатация Чернобыльской атомной электростанции нередко оказывалась для её персонала бегом по «минному полю». Точное выполнение инструкций и регламентов могло привести к недовыработке электроэнергии и экономическим потерям, что не поощрялось. Контрольно-измерительные приборы станции жили своей, отдельной жизнью, нередко подавая неверные аварийные сигналы. Проигнорировать их, т.е. нарушить регламент, означало либо выиграть время (и энергию) и не получить «на-

гоняй», либо – допустить аварийную ситуацию. Просчитать все вероятные варианты заранее было невозможно.

Сложным, медленно решаемым вопросом оказывался и быт строителей и персонала Чернобыльской атомной. У них на глазах (а в случае строителей – их стараниями) рос посёлок, а затем и город Припять – компактный, уютный, зелёный. Он замечательно выглядел на немногочисленных кадрах кинохроники и для многих остался своеобразным «райским уголком» из невозвратной юности, молодости или беззаботного детства. В реалиях 1970-х – начала 1980-х гг. всё было не столь радужно: нехватка мест в детских садах, многолетнее ожидание благоустроенной квартиры или даже комнаты в общежитии, отсутствие мест для культурного проведения досуга, а первоначально – отсутствие магазинов и необходимых товаров в них, не говоря уже о прачечных, химчистках, обувных и ремонтных мастерских и ателье. После тяжелых трудовых будней строители и эксплуатационники Чернобыля вынуждены были бороться с неустроенностью, дефицитом, невыполняемыми обещаниями властей. Получался бесконечный замкнутый круг, в котором мало кто успевал задумываться о специфике и ответственности своей работы.

Контрразведчики области воспринимали АЭС совершенно по-иному. Возможно, они, по роду своей службы, были единственной группой лиц, в сознании которых Чернобыль был наиболее целостным, важным и опасным мыслеобразом. Он создавал до десятка отражений, преломляясь совершенно разными оттенками смысла. Для сотрудников КГБ это был интеллектуальный овеществленный продукт, задуманный проектировщиками, осуществленный строителями и монтажниками, и «оживленный» эксплуатационным персоналом. Вся цепочка связанных с Чернобылем людей была важна для контрразведчиков из-за специфики их деятельности: в каждом могла скрываться потенциальная причина больших проблем. Целенаправленное вредительство или случайная ошибка, также, как и вполне реальная диверсия, произведенная агентом чужого государства – каждый из этих вариантов был возможен, и его необходимо было учесть и перепроверить.

Но и в среде сотрудников Комитета, отвечавшего за безопасность государства, были *разные люди*. Здесь также присутствовал пресловутый «человеческий фактор», с его правом на ошибку, карьеризмом, личными предпочтениями и «особыми соображениями». Здесь работали привычные правила субординации. В начальство здесь также не всегда попадали лучшие. Как и везде, инициатива здесь была наказуема. По этой причине основной «предохранитель» советской системы – КГБ – срабатывал далеко не всегда.

В итоге взаимодействия всех этих и, возможно, других, менее приметных и не учтённых нами обособленных «изолированных социумов» одной эпохи, Чернобыль из иллюзорного планового объекта, воплощенного в десятках и сотнях образцов проектной документации, трансформировался в

овеществленный интеллектуальный продукт из стали и бетона, прожил сравнительно недолгую жизнь и внезапно превратился в самый негативный из возможных мыслеобразов – катастрофу, масштабы которой не сумели предугадать даже контрразведчики.

С точки зрения когнитивистской парадигмы самой удивительной была последняя трансформация, поскольку она реализовала негативный мыслеобраз представителей единственного изолированного социума, лучше других понимавшего потенциальные последствия своих и чужих ошибок и более других стремившегося к реализации мыслеобраза позитивного. Речь здесь безусловно идёт о сотрудниках КГБ, работавших над обеспечением безопасности стратегического объекта атомной энергетики.

Почему их работа, позволявшая выявлять мельчайшие недочеты в деятельности других участников чернобыльского проекта, не увенчалась успехом? Вероятно потому, что разыскивая и находя чужие недостатки, контрразведчики не замечали собственных ошибок?! Ведь представить, что в системе с таким количеством брака, халатности, разгильдяйства и несвоевременности существовали элементы, полностью лишённые схожих черт, невозможно. А значит, недорабатывал и Комитет государственной безопасности. Другое дело, что уровень, на котором происходил сбой, был прямо пропорционален таковому у других вовлечённых в проект профессиональных сообществ. Строители и эксплуатационники допускали множество недочётов на местах, находясь ближе всего к реактору. В КГБ «слабым звеном» оказывалось вышестоящее начальство, причем, как представляется, республиканского уровня.

Для успеха Чернобылю недоставало главного: осознания всеми участниками создания интеллектуального овеществленного продукта – Чернобыльской атомной электростанции – понимания цели и адекватной ей иерархии задач и приоритетов. Планы, сроки и требуемые показатели, так или иначе достигались и реализовывались постольку, поскольку они и осознавались в качестве цели деятельности строителей и эксплуатационного персонала. Цель сотрудников областного КГБ была двойкой: обеспечить контрразведывательное сопровождение строительства и эксплуатации стратегического объекта и, одновременно, не допустить диверсий, аварий и возможного причинения ущерба государственному имуществу. Второй аспект целеполагания носил негативный, отрицательный характер и в том числе по этой причине оказался недостижим.

Подводя итоги исследования приходится констатировать, что чернобыльская катастрофа, как с позиции когнитивного подхода, так и исходя из фактов, изложенных в рассекреченных документах КГБ УССР, была практически неизбежна. Помимо десятков версий самой аварии, на которой мы не заостряли внимание в нашей работе, её предпосылки включали строительные недоделки и брак, значительный процент ошибочных действий персонала АЭС в первые и последующие годы её эксплуатации, серьёзные

недочеты в работе администрации станции, ненадёжную работу контрольно-измерительных приборов и противоаварийных систем.

Принимая во внимание факты неоднократных проникновений посторонних лиц не только на охраняемую территорию ЧАЭС, но и в технологические здания 3-го и строившегося 4-го реактора, вполне реальным был и сценарий диверсии, которая была чрезвычайно выгодна на начальном этапе перестройки для определенных кругов западной общественности. Взрыв в Чернобыле разрушил хрупкое равновесие в национальном вопросе, позволяя в дальнейшем разыгрывать этническую карту антирусских настроений в регионе. Он подтолкнул нового советского лидера к большей открытости («гласности»), признанию недочетов советской системы, подписанию договоров по ядерному разоружению. Для населения страны сама катастрофа и факт её признания и последующего обсуждения также стали своего рода когнитивным диссонансом. В этом смысле, перефразируя крылатое выражение, если бы Чернобыля не случилось, его нужно было бы выдумать.

Судьбы Чернобыльской атомной электростанции и Советского Союза оказались очень похожи. ЧАЭС имени В.И. Ленина воплощала всё лучшее и всё худшее, что было в советской Системе: высокие устремления, противостоящие полному безразличию; самоотверженный труд на фоне бесхозяйственности и безнаказанной халатности; блистательный в своей сообразительности ум в противовес безграничной глупости и приземлённости. При исключительном безразличии проектировщиков, строителей и части эксплуатационного персонала, обеспокоенность будущим АЭС проявляла лишь советская контрразведка и, как следствие, станция посреди бескрайних реликтовых лесов Полесья взорвалась. При исключительном безразличии подавляющего большинства населения, и традиционной настороженности судьбой советской страны офицеров ликвидированного уже КГБ, в не менее бескрайних и прекрасных лесах Беловежья тихо скончался СССР. *Чернобыль стал одной из первопричин его распада, оставив свой трагический радиоактивный «след» одновременно внутри и за пределами истории Советского Союза, которую теперь совсем по-разному помнят жители бывших союзных республик.*

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Документи:

1. Reagan R. Statement on the Establishment of the Baltic States Service of Radio Liberty. November 18, 1983.
2. Reagan Will Speed Collection Of Debts On Federal Loans, By Howell Raines // The New York Times, February 27, 1981.
3. Акт перевірки організації експлуатації Чорнобильської АЕС Всесоюзним виробничим об'єднанням Союзатоменерго від 15 травня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС». Тека: «Переписка с госинспекцией по эксплуатации электростанций и сетей МЭ и Э СССР. 1980-1983 гг.» Оригінал.
4. Запрошення Київенерго начальнику диспетчерської служби Чорнобильської станції взяти участь у нараді та протиаварійному тренуванні від 10 квітня 1984 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1984 р., спр. 01-23. Телетайпограма.
5. Звернення дирекції ЧАЕС до Міненерго СРСР Про збільшення фондів на будівельні матеріали й прискорення терміну їх постачання від березня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1983 р., спр 01-22. Копія.
6. Звернення Секретаря ЦК Компартії України О. Титаренка до Міненерго СРСР до прискорення кадрового забезпечення будівництва четвертого енергоблока ЧАЕС від 26 серпня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр. 01-26. Копія.
7. Інформація дирекції ЧАЕС для Прип'ятського міського народного суду про заходи щодо запобігання проникнення сторонніх осіб територію АЕС від 1 липня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1983 р., спр. 01-21. Оригінал.
8. Лист директора ЧАЕС до начальника Управління будівництва станції про термінові заходи щодо проведення незавершених будівельно-монтажних робіт на енергоблоці № 3 від 20 липня 1982 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1982 р., спр 01-21. Оригінал.
9. Постанова Комітету народного контролю УРСР Про недоліки у будівництві атомних електростанцій в Україні від 17 червня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр 01-27. Оригінал.
10. Постанова Центрального Комітету Компартії України і Ради Міністрів Української РСР «Про заходи розвитку атомної енергетики Української РСР на 1971-1980 рр.» від 2 грудня 1971 р. / ЦДАГО, ф. 1, оп. 10, спр. 939, арк. 53-58. Копія.
11. Постанова Центрального Комітету Компартії України і Ради Міністрів УРСР «Про хід будівництва Чорнобильської атомної електростанції» від 14 квітня 1972 р. / Архів ВО «ЧАЕС», ф. 10, оп. 1, спр. 16. Копія.
12. Пропозиції адміністрації та парткому ЧАЕС Міністерству енергетики і електрифікації СРСР про зміни в адміністративно-господарському та виробничому управлінні ЧАЕС від 27 грудня 1984 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1984 р., спр. 01-23. Оригінал.
13. Телеграма Союзатоменерго директору ЧАЕС В.П. Брюханову з запрошенням взяти участь у розширеному засіданні колегії Міненерго СРСР від 5 серпня 1983 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1983 р., спр. 01-22. Оригінал.
14. Телетайпограма Міненерго СРСР керівництву ЧАЕС з вимогою пояснити причини відсутності предсавника станції на нараді з пожежної безпеки від 31 травня 1984 р. // Архів ВО «ЧАЕС», 1984 р., спр. 01-23. Оригінал.
15. Телетайпограма Міненерго СРСР керівництву ЧАЕС про участь у Всесоюзній науково-практичній конференції з проблем забезпечення пожежної безпеки енергетичних комплексів від 26 жовтня 1981 р. / Архів ВО «ЧАЕС», 1981 р., спр. 01-26. Телетайпограма.

16. Ухвала Головатоменерго за підсумками діяльності дирекції будівництва Чернобыльської АЕС протягом 1972 р. від 2 березня 1973 р. / Архів ВО «ЧАЕС», ф. 10, оп. 1, спр. 24. Оригінал.
17. Докладная записка КГБ УССР в ЦК КПУ о нарушениях в строительстве Чернобыльской АЭС от 17 января 1979 г. / ДА СБУ. — Ф. 16. — Оп. 7 (1985). — Спр. 42. — Арк. 247-248. Оригінал. Машинопис.
18. Докладная записка начальника УКГБ по г. Киеву и Киевской области председателю КГБ УССР о состоянии радиационной обстановки в районе расположения Чернобыльской АЭС (Совершенно секретно. Лично) / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 239–242. Оригінал. Машинопис.
19. Докладная записка председателя КГБ УССР первому секретарю ЦК КПУ Щербицкому В.В. о радиационной обстановке на Чернобыльской АЭС и в ее окружении от 5 ноября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 243-245. Оригінал. Машинопис.
20. Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о недостаточной надежности контрольно-измерительных приборов и систем защиты Чернобыльской атомной электростанции от 16 октября 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Т. 5. — Арк. 126–129. Оригінал. Машинопис.
21. Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о нарушении радиационной безопасности на ЧАЭС и проведении оценки возможностей использования пруда-охладителя Чернобыльской АЭС для промышленного разведения рыбы от 12 марта 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 71–74. Оригінал. Машинопис.
22. Информационное сообщение КГБ УССР для ЦК КПУ Об аварии на АЭС от 14 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 16. — Оп. 7 (1985). — Спр. 70. — Арк. 145. Оригінал. Машинопис.
23. Сообщение УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР Об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 13 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 165–166. Оригінал. Машинопис.
24. Сообщение УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР О повышении уровня радиоактивных излучений в реакторном отделении 1 энергоблока ЧАЭС от 14 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 197–198. Оригінал. Машинопис.
25. Сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в ВГУ КГБ СССР и 2-е Управление КГБ УССР об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 10 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 164. Оригінал. Машинопис.
26. Сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ СССР и КГБ УССР об аварийной ситуации на Чернобыльской АЭС от 13 сентября 1982 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 165–166. Оригінал. Машинопис.
27. Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3 отдела 6 Управления КГБ УССР В отношении поставок некачественного оборудования из Югославии на ЧАЭС от 9 января 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 315–316. Оригінал. Машинопис.
28. Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3 отдела 6 Управления КГБ УССР О нарушении технологии производства строительных работ при сооружении 5 энергоблока Чернобыльской АЭС от 26 февраля 1986 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 169–170. Оригінал. Машинопис.
29. Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 33–35. Оригінал. Машинопис.

30. Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР В отношении поставок некачественного оборудования из Югославии на ЧАЭС от 9 января 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 315–316. Оригінал. Машинопис.
31. Специальное сообщение УКГБ по г. Киев и Киевской области в КГБ УССР от 20 апреля 1981 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 99–100. Оригінал. Машинопис.
32. Специальное сообщение УКГБ при СМ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ при СМ УССР про систематические нарушения технологии проведения строительно-монтажных работ на отдельных участках строительства Чернобыльской АЭС от 17 августа 1976 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 12-15. Оригінал. Машинопис.
33. Специальное сообщение УКГБ УССР по г. Киеву и области начальнику 6-го управления КГБ УССР О выявленных недостатках на третьем и четвертом энергоблоках Чернобыльской АЭС от 17 марта 1984 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 32. — Арк. 5–6. Оригінал. Машинопис.
34. Специальное сообщение Управления КГБ УССР по г. Киеву и Киевской области председателю КГБ УССР В.В. Федорчуку об аварийной остановке 1-го энергоблока Чернобыльской атомной электростанции от 21 февраля 1979 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 30–31. Оригінал. Машинопис.
35. Справка по Чернобыльской АЭС. 2 Управление КГБ при СМ УССР от 19 сентября 1971 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 2–9. Завірена копія. Машинопис.
36. Справка УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР от 26 августа 1980 г. / ДА СБУ. — Ф. 65. — Спр. 1. — Т. 5. — Арк. 38–40. Оригінал. Машинопис.
37. Вакуленко Н.К. Органам госбезопасности – 93 года // «Лубянка», декабрь 2010 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.a-lubyanka.ru/page/93-vakulenko> [доступ от 05.05.2015.]
38. «Причастность»: Документальный фильм «Укртелефильм», 1983 г. Режиссер Б. Крашнев. URL: http://video.sibnet.ru/video1218350-Prichastnost__1983_/ (доступ 24.05.2015.)
39. В'ятрович В. Початок Чорнобиля. КПРС ігнорувала попередження про можливу аварію // Українська правда, 26.04.2011.¹⁷⁷
40. Из предвыборной речи члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПУ В.В.Щербицкого // «Вечірній Київ», 16 февраля 1979 г.
41. Чернобыль: Пять трудных лет (сборник материалов). М., 1992.
42. Чернобыль: проблемы здоров'я населения. Збірник документів і матеріалів у 2-х частинах. – К., 1995.
43. Шойгу С.К., Большов Л.А. (ред.) 20 лет чернобыльской катастрофы. Итоги и перспективы преодоления её последствий в России: Российский национальный доклад. — М. 2006. — 93 с.

Исследования:

44. Beyond Chernobyl: Women Respond / Corin, Fairburn Bass and Janet Kenny, eds. – Sydney, Australia: Envirobook, 1993.
45. Chernousenko V.M. Chernobyl: Insight from the Inside. Berlin and Heidelberg: Springer-Verlag, 1991, 367 p.
46. Gould P. Fire in the Rain: The Democratic Consequences of Chernobyl. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1990. – 160 p.

---

¹⁷⁷ В данном случае статья в историка В.М. Вятровича рассматривается нами в историографическом контексте в качестве источника.

47. Marples D.R. Chernobyl: a Reassessment. // *Eurasian Geography and Economics*, Volume 45, Issue 8, 2004, pp. 588-607.
48. Marples D.R. The Chernobyl disasters Its effect on Belarus and Ukraine / The long road to recovery: Community responses to industrial disaster / Edited by James K. Mitchell. – New York: United Nations University Press, 1996.
49. Medvedev Zh. The Legacy of Chernobyl. – New York: W.W. Norton, 1990. – 352 p.
50. Mikhail S. Gorbachev: An Intimate Biography / By the editors of “Time” Magazine, with an Introduction by Strobe Talbott / Edited by Donald Morrison. – N.Y.: A Time Book, distributed by New American Library, 1988.
51. Mould, R.F. Chernobyl Record: The Definitive History of the Chernobyl Catastrophe. – Bristol and Philadelphia: Institute of Physics Publishing, 2000, 420 p.
52. Барановська Н.П. Вплив Чорнобильської катастрофи на трансформаційні процеси у суспільстві (до 25-річчя трагічних подій) // *Український історичний журнал*, 2011г. № 2, с.123-142.
53. Барановська Н.П. Життєвий простір України: чорнобильська складова / Життєвий простір України: політичний та гуманітарний виміри (1991–2010 роки): Збірник наукових статей. (Автори: Касьянов Г.В., Барановська Н.П., Падалка С.С., Кубальський О.Н., Ковпак Л.В., Шульга Т.С.) – К.: Інститут історії України НАН України, 2012. – 261 с., с.82-100.
54. Барановська Н.П. Конференції до 20-річчя чорнобильської катастрофи // *Український історичний журнал*. - Київ, "Дієз-продукт", 2006, №4, с.217.
55. Барановська Н.П. Літня школа «Суспільне подолання ризиків: екологічні проблеми та соціальна мобілізація» // *Український історичний журнал*. - К: "Дієз-продукт", 2010, №6, с.223.
56. Барановська Н.П. Міжнародна наукова конференція "Скривджене людство: 20 років після Чорнобиля" // *Український історичний журнал*. - Київ, "Дієз-продукт", 2006, №3, с.235.
57. Барановська Н.П. Об'єкт «Укриття»: проблеми, події, люди. – К.: Євротест, 2000. – 285 с.
58. Барановська Н.П. Об'єкт “Укриття”: наукові дослідження останнього десятиліття // *Український історичний журнал*. - Київ, "Наукова думка", 2001, №3, с.104.
59. Барановська Н.П. Про деякі аспекти участі науковців НАН України у мінімізації наслідків Чорнобильської катастрофи // *Український історичний журнал*. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2009, №3, с.156.
60. Барановська Н.П. Соціальні та економічні наслідки Чорнобильської катастрофи. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2001. – 95 с.
61. Барановська Н.П. Суспільний вимір чорнобильської катастрофи // *Український історичний журнал*, 2006, №2. с.129-145.
62. Барановська Н.П. Україна – Чорнобиль – Світ: Чорнобильська проблема у міжнародному вимірі, 1986–1999. – К.: Ніка-Центр, 1999. – 400 с.
63. Барановська Н.П. Фахова періодика та засоби масової інформації як важливе джерело Чорнобильської проблеми // *Спеціальні історичні дисципліни: питання теорії та методики*. - Київ: Інститут історії України НАН України, 2006, №13, с.37-55.
64. Барановська Н.П. Чорнобильська катастрофа в публікаціях. – К.: Ін-т історії України НАН України, 2004. – 207 с.
65. Барановська Н.П. Чорнобильська трагедія. Нариси з історії. — К.: Інститут історії України НАН, 2011. – 254 с.
66. Короткова О.В. До питання про особливості висвітлення Чорнобильської катастрофи в радянській і зарубіжній пресі (1986-1987 рр.) // *Сторінки історії*. 2011. № 32. С. 178-185.

67. Барановская Н.П. Общественно-политические предпосылки аварии на четвёртом энергоблоке ЧАЭС // Перекрёстки. 2010. № 1-2. С. 34-42.
68. Бондаренко В.И. Вклад регионов России в ликвидацию последствий чернобыльской катастрофы (на примере Краснодарского края) // Теория и практика общественного развития, № 1, 2014, с. 300-303.
69. Борейко, В. Е. История охраны природы Украины (X век - 1980 г.), Т.2. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1997. – 192 с.
70. Делягин М.Г. Мировой кризис: общая теория глобализации. – М., 2003.
71. Делягин М.Г. Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. – М.: Инфра-М, 2000.
72. Дьяченко А.А. Еще раз о причинах катастрофы на Чернобыльской АЭС // Вестник Академии военных наук, 2003 г., № 3, с. 144-148.
73. Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий чернобыльской катастрофы: Научно-публицистическая монография к 18-летию катастрофы (в 2-х частях). / Под ред. академика РАН В.Н. Михайлова. – М.: Институт стратегической стабильности «Росатома», 2004.
74. Дьяченко А.А. Опыт применения силовых структур при ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС // Военная мысль, 2003, № 4, с. 77-80.
75. Карпан, Н. В. Чернобыль. Месть мирного атома: Ист. обзор процесса развития атомной науки и техники / Н. В. Карпан Ч.1.- К.: ЧП «Кантри Лайф», 2005.- 567 с.
76. Кравчук Н. В. Загадка Чернобыльской катастрофы. (Опыт независимого исследования). – М.: АИРО–XXI, 2011. – 104 с.
77. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории: монография / О.М. Медушевская. – М.-Берлин: Директ-Медиа, 2015. – 362с.
78. Социально-экономические проблемы и перспективы развития территорий, пострадавших в результате аварии на Чернобыльской АЭС» / Под общей редакцией доктора технических наук, профессора Матвеева А.В. – Брянск, 2006. – 208 с.
79. Яблоков А. В., Нестеренко В. Б., Нестеренко А. В. Чернобыль: последствия катастрофы для человека и природы. – СПб.: 2007. – 376 с.
80. Яблоков А.В. Миф о незначительности последствий Чернобыльской катастрофы. – М.: Центр экологической политики России, 2001. – 109 с.

Диссертации:

81. Барановська Н.П. Чорнобиль в новітній історії України: влада і суспільство : дис. ... д-ра іст. наук. Київ, 2006. – 614 с.
82. Дьяченко А.А. Опыт ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС: деятельность государственных органов СССР (1986-1991): дис. ... д-ра ист. наук. – М., 2002. – 689 с.

Мемуары, воспоминания, публицистические исследования:

83. Волошко В.П. Город, погибший в 16 лет [Электронный ресурс] // Pripyat.com: общественный проект, неофициальный сайт г. Припять. 2004-2015. URL: <http://pripyat.com/people-and-fates/gorod-pogibshii-v-16-let.html> (доступ 20.05.2015.)
84. Воробьев, А. И. До и после чернобыля: Взгляд врача. – М.: Ньюдиамед, 1996.- 180 с.
85. Ковалевская Л. Чернобыль «ДСП». – К.: «Абрис», 1995. – 328 с.
86. Медведев Г.У. Чернобыльская тетрадь / Медведев Г.У. Ядерный загар. – М.: Книжная палата, 1990.

87. Медведев Г.У. Чернобыльская хроника. – М.: Современник, 1989. – 240 с.
88. Хинштейн А. Сказка о потерянном времени. Почему Брежнев не смог стать Путиным. – М.: ЗАО «ОЛМА Медиа Групп», 2011.
89. Чернобыль. Труд и подвиг. Красноярским ликвидаторам Чернобыльской аварии посвящается. – Красноярск: Поликор, 2011. – 304 с.
90. Ярошинская А.А. Чернобыль 20 лет спустя. Преступление без наказания. – М.: Время, 2006. – 639 с.
91. Ярошинская А.А. Чернобыль. Большая ложь. – М.: Время, 2011. – 478 с.
92. Ярошинская А.А. Чернобыль. Совершенно секретно. М., 1992.

ПЕРЕЧЕНЬ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ СОКРАЩЕНИЙ И АББРЕВИАТУР

ДА СБУ –	«Державний архів Служби безпеки України» (укр.) – Государственный архив Службы безопасности Украины
Арк. –	«аркуш» (укр.) – лист
КГБ –	Комитет государственной безопасности
УКГБ –	Управление Комитета государственной безопасности
ВГУ КГБ –	Второе главное управление Комитета государственной безопасности (контрразведка)
ТВС –	тепловыделяющие сборки
ЦДАГО –	Центральний державний архів громадських об'єднань України / Центральный государственный архив общественных объединений Украины
СНиП –	строительные нормы и правила
ВО «ЧАЭС» –	Виробничо об'єднане «Чорнобильська атомна електростанція» / ПО «ЧАЭС – Производственное объединение «Чернобыльская атомная электростанция»
ПДК –	предельно допустимая концентрация
ПДН –	предельно допустимая норма
КМПЦ –	контур многократной принудительной циркуляции
МАГАТЭ –	Международное агентство по атомной энергии
РБМК –	реактор большой мощности кипящий
ТВЭЛ –	тепловыделяющий элемент
ЧАЭС –	Чернобыльская атомная электростанция

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Отрывок из раздела «Охрана природы от радиоактивного загрязнения» исследования Борейко, В. Е. История охраны природы Украины (X век - 1980 г.), Т.2. – К.: Киевский эколого-культурный центр, 1997. – 192 с. / URL: <http://ecoethics.ru/old/b41/> (доступ от 15.05.2015.)

«Охрана окружающей среды от радиоактивного загрязнения на Украине, как и в целом в СССР, началась с конца 50-х годов и имела характерные черты. Прежде всего вся работа велась госслужбами в тайне от общественности, материалы проходили под грифом “совершенно секретно”, и, как следствие, деятельность эта не имела надлежащего эффекта.

Первое на Украине постановление по этой теме (секретное) принято 5 апреля 1958 года Совмином УССР и именовалось “О сохранении радиоактивных веществ и соблюдении правил работ с ними”. Тогда же проводили первую в республике проверку и выявили вопиющие факты бесхозяйственности. В крымском санатории “Днепр” радиоактивные препараты валялись прямо в саду под открытым небом. В Киевском онкологическом диспансере из-за безалаберности медперсонала уровень радиации превышал норму в 240 раз.

В Киевской авиаремонтной базе № 410 радиоактивные отходы сливались в обыкновенную яму, а на заводе “Арсенал” — сжигались во дворе (1).

5 апреля 1960 г. правительство Украины издает очередное секретное постановление “О мерах по усилению радиоактивной безопасности при работе с радиоактивными изотопами и источниками ионизирующих излучателей и по захоронению радиоактивных отходов”. Поставлена задача по созданию в крупных городах УССР — Киеве, Харькове, Одессе, Днепропетровске, Донецке и Львове к 1962 году построить спецхранилища для радиоактивных отходов (до этого они сберегались во временных необорудованных могильниках) (2). Однако в принятом в 1960 г. законе об охране природы в УССР ничего об радиоактивных веществах сказано не было.

В 1963 г. в УССР вновь проверили, как сохраняются и используются радиоактивные элементы. Все оказалось на прежнем уровне. На Старобешевской ГРЭС в Донбассе кто-то украл контейнер с радиоактивным кобальтом-60, в лаборатории физики Львовского госуниверситета — похитили 14 кусков урана. В запорожском тресте “Металлургмонтаж” потеряли ампулу с цезием-137. Официально в 1963 г. в республике от облучения пострадало три человека (2).

8 августа 1968 г. выходит очередное секретное постановление, на этот раз совместное – ЦК КПУ и Совмина УССР – “О мерах по ликвидации недостатков при использовании радиоактивных веществ в народном хозяйстве Украинской ССР”.

А бить тревогу действительно было о чем. На 420 предприятиях УССР, имевших в 1969 г. радиоактивные вещества, все также царил беспорядок, что подтвердила очередная проверка. В Кривом Роге шофер Полищук вез радиоактивные вещества, заехал домой, а ночью у него выкрали весь груз. В Киевском политехническом институте радиоактивные вещества хранились в обыкновенном подвале, который периодически затапливали грунтовые воды (3).

Из-за небрежности стали происходить и более серьезные вещи. В Институте физики АН УССР на атомном реакторе в 1968, 1969 и 1970 годах происходили аварии. Только в 1968 году в окружающую среду выкинуто 40 кюри радиационного йода, что превысило ПДК в 400 раз. 4 февраля 1970 года на ядерном реакторе произошла неуправляемая цепная реакция, облучилось 17 человек (4).

Однако несмотря на все случаи, под нажимом президента АН УССР академика Б. Патона, предусмотренные постановлением ЦК КПУ и Совмина УССР от 11 февраля 1969 г. “О мерах по предотвращению загрязнения воздушного и водного бассейна и земель г. Киева” очистные сооружения высокоактивных сточных вод для ядерного реактора Института ядерных исследований АН УССР не были сооружены. Протесты Минздрава УССР не помогли, реактор ввели в строй в 1970 г. без очистных (4).

Такое отношение в конечном счете и породило Чернобыль. ...

ЛИТЕРАТУРА

01. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 12сс, д. 2648, лл. 170—180.
02. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 12сс, д. 3278, лл. 138—140.
03. ЦГАВО Украины, ф. 2, оп. 12сс, д. 3671, лл. 14—18.
04. ЦГАОО Украины, ф. 1, оп. 25, д. 365, лл. 4—56».

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) Чернобыльской АЭС

1. Основные данные по реакторам 1-4:

Реактор	1-й	2-й	3-й	4-й
Выход на проектную мощность	27.05.78.	28.05.79.	08.06.82.	26.03.84.
Количество дней работы за 1978 г.	219	–	–	–
Количество дней работы за 1979 г.	365	218	–	–
Количество дней работы за 1980 г.	366	366	–	–
Количество дней работы за январь-сентябрь 1981 г.	273	273	–	–
Количество дней работы за 1982 г.	365	365	208	–
Количество дней работы за январь-сентябрь 1984 г.	274	274	274	189
Мощность реактора без учета собственных нужд (МВт)	925	925	925	925

2. Расчет установленной мощности ЧАЭС за период:

2.1. июнь 1978 г. – сентябрь 1981 г.

$$(219+365+366+273+218+366+273) * 925 * 24 = \underline{40\ 745\ 880} \text{ МВт*час}$$

2.2. 1982 г. – (365+365+208) * 925 * 24 = 19 203 000 МВт*час

2.3. январь-сентябрь 1984 г. –

$$(274+274+274+189) * 925 * 24 = \underline{21\ 227\ 640} \text{ МВт*час}$$

3. Коэффициент использования установленной мощности (КИУМ) по периодам:

КИУМ – это соотношение фактически выработанной электроэнергии к установленной мощности за один период времени. Является основным показателем и критерием оценки эффективности работы эксплуатационного персонала и администрации электростанции.

Зная установленную мощность (УМ) и недовыработанную за тот же период электроэнергию, разделим показатель фактически произведенной энергии на показатель установленной мощности, чтобы получить КИУМ. Недовыработанная электроэнергия по периодам указана в документах из архива СБУ:

«За период эксплуатации 1977–1981 гг. на атомной электростанции произошло 29 аварийных остановок, из них 8 по вине обслуживающего персонала, а остальные по различным техническим причинам. В результате этих остановок недоработка электроэнергии составила 162 млн кВт/часов.»

Докладная записка УКГБ по г. Киеву и Киевской области в КГБ УССР о недостаточной надежности контрольно-измерительных приборов и систем защиты Чернобыльской атомной электростанции от 16 октября 1981 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Т. 5. – Арк. 126–129. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.43.

«Эксплуатационным персоналом станции совместно с проектными организациями принимаются меры по обеспечению надежной работы станции. Об этом свидетельствуют данные по аварийности. Так, в 1982 г. на трех действующих энергоблоках ЧАЭС было три аварии и 16 отказов в работе оборудования с недовыработкой электроэнергии 1843 млн кВт/час, а за 9 месяцев 1984 года на четырех энергоблоках было только 10 отказов с недовыработкой электроэнергии 131 млн кВт/час.»

Специальное сообщение 6-го отдела УКГБ УССР по г. Киеву и Киевской области начальнику 3-го отдела 6 Управления КГБ УССР Об обстановке на Чернобыльской АЭС от октября 1984 г. / ДА СБУ. – Ф. 65. – Спр. 1. – Т. 32. – Арк. 33–35. Оригинал. Машинопис. // 3 архівів ВУЧК-ГПУ-НКВД-КГБ..., с.64.

Взяв данные по недовыработке за основу, вычислим фактически выработанную электроэнергию и разделим её на установленную мощность, чтобы получить искомые значения коэффициента использования установленной мощности.

КИУМ Чернобыльской АЭС по периодам работы:

Период	УМ в МВт*час	Недовыработка электроэнергии (фактически выработанная электроэнергия) в МВт*час	КИУМ (при округлении до сотых, в %)
июнь 1978 г. – сентябрь 1981 г.	40 745 880	162 000 (40 566 120)	$40\,583\,880 : 40\,745\,880 = 0,996 (\approx 100 \%)$
1982 г.	19 203 000	1 843 000 (17 582 000)	$17\,360\,000 : 19\,203\,000 = 0,904 (\approx 90 \%)$
январь-сентябрь 1984 г.	21 227 640	131 000 (21 052 240)	$21\,096\,640 : 21\,227\,640 = 0,993 (\approx 99 \%)$

Научное издание

Дроконова Ольга Николаевна

**ЧЕРНОБЫЛЬ: Когнитивная история
сотворения беды (1970–1986 гг.)**

В авторской редакции

Подписано в печать 29.07.2015. Формат 60x90 1/16. Усл. печ. л. 5,8.
Тираж 65 экз. Заказ № 301.

Библиотечно-издательский комплекс
Федерального государственного бюджетного образовательного
учреждения высшего образования
«Тюменский государственный нефтегазовый университет».
625000, Тюмень, ул. Володарского, 38

Типография библиотечно-издательского комплекса.
625039, Тюмень, ул. Киевская, 52.